Л. КАРСАВИН

«Noctes Petropolitanae»

ПЕТЕРБУРГ

1922

NOCTES

PETROPOLITANAE

Л. КАРСАВИН

"NOCTES PETROPOLITANAE"

148248

ПЕТРБУРГ

1922

1в

Ирон. 1939

Настоящее издание отпечатано в 15-й Государственной типографии (бывш. Голике и Вильборг), в количестве одной тысячи экземпляров, под наблюдением В. И. Анисимова. Обложка и титульный лист работы художника В. Канашевича

№.....

Р. В, Ц.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ыпуская в свет «Noctes Petropolitanae», издатель, все-таки немного отличный от автора, позволяет себе и даже считает нужным предпослать им несколько замечаний.

Содержание этой предлагаемой вниманию просвещенных (только просвещенных и действительно просвещенных) читателей м е т а ф и з и к и л ю б в и совершенно несвоевременно. С точки зрения господствующего и доныне мужественно хранимого русским образованным обществом мировоззрения единственным оправдывающим издателя обстоятельством может служить только его искреннее желание сохранить для потомства поучительный образец современных нам анти-научных построений и безответственных мистических исканий. И это тем более, что издатель не преувеличивает достоинств данного произведения, ни со стороны его формы, ни со стороны содержания.

Автор, очевидно, старается изложить свои идеи в художественной форме. Отсюда проистекает деление на «ночи», а не на главы (он, к сожалению не внял просьбам издателя разделить «ночи» не на параграфы, а на часы, что было бы последовательнее); отсюда же — выступающая местами диалогическая форма, обращения к «Любви» и еще каким-то особам и стиль, изыскан-

ный, даже претенциозный, иногда с уклоном в ритмичность. С большим трудом удалось убедить почтенного профессора выкинуть из текста стихи, чужие, которые плохо вязались с изложением, и его собственные, которые, свидетельствуя о склонности к поэзии, не свидетельствовали о поэтическом даровании. Немалым успехом своим издатель считает уменьшение объема «Ночей»: автор обещал сократить их вдвое, но, на самом деле, сократил только на одну треть. Однако, необходимо признать, что все это не сделало издаваемого сочинения художественным. — Стиль производит впечатление искусственности, и, разумеется, его банальной красивости не способствуют неологизмы и славянизмы, вроде «двуединства», «единения», «приятия», чудовищного «оконечивания» и т. п. Остается внутренно не мотивированным и заглавие.—Причем тут «ночи», да еще «петрополитанские»? Повидимому, и сам автор не всегда помнит о предполагаемых им для читателя ночных его «умозрениях» и «излияниях»; во второй части, увлекаясь схоластической диалектикой, он совсем о них забывает и спохватывается только в самом конце, не замечая даже того, что сам себе противоречит. Все попытки установить связь между содержанием soi-disant трактата и тем либо иным характером ночи, на взгляд издателя, явно неудачны. Автор, почему-то отвергший совет связать вторую ночь с описанием грязной оттепели, сам не пошел далее общих и шаблонных упоминаний о луне, звездах, мятели и мнимо-глубоких фраз о «вещем безмолвии». Читатель вправе предположить, что автор по ночам не бодрствует и пишет, а, подобно простым смертным, спит, так как о ночах рассказать ничего особенного он не умеет, и весь

его художественный арсенал сводится к метели, луне и мышам. Художественность всегда конкретна, а какой же местный колорит получается из простого упоминания о соборе?—Собор есть во всяком городе, и говоря о Петербурге, следовало бы отметить, имеется ли в виду Исакиевский или Казанский. Погоня за художественностью и мнимой глубиной ставит иногда автора в положение просто комическое, из которого, к несчастью, никакие усилия издателя вывести его не могли (Ср., например, конец § 4 Пятой Ночи: «Я — не-Ты, Ты — не-я... Ты — сам я, я — сам Ты. Я и Ты и не-Ты; Ты и я и не-я»).

Весьма достойно сожаления, что автор избрал такую, явно не соответствующую его способностям форму изложения, наивно не дооценивая необходимость того, чтобы форма и содержание были адекватны и друг другу не мешали. В «Ночах» же форма, несомненно, мешает ясному развитию и убедительному обоснованию излагаемых в них мыслей. Она позволяет чаще и больше, чем следует, апеллировать к чувству и «таинственному постижению», за которым, может быть, ничего, кроме неразделенной страсти к поэзии, и не кроется. Не достигая художественной убедительности, автор не достигает и убедительности философской, и «гибридный» характер его сочинения делает чрезвычайно трудным и неблагодарным положение критика. Если критик укажет на художественную неприемлемость схоластики, автор может сослаться на свои философские задания; если критик направит свой удар на недостаточность философской аргументации, автор может защитить себя требованиями художественности.

Однако, несмотря на всю трудность положения, издатель позволяет себе сделать два-три замечания по существу.—Издатель чужд догматических и богословских склонностей автора. Тем не менее он готов усматривать некоторую ценность в жизненной постановке таких проблем, как троичность: эта постановка позволяет видеть в отвлеченной догме символическое выражение некоторого реального факта, идеологическую надстройку. К сожалению, нельзя того же сказать о многих других рассуждениях, в которых автор остается чистым, далеким от конкретной жизни догматиком. Не убедительны и отвлеченно-диалектичны соображения о Софии, о связи ее с церковью, Девой Марией, о девстве Марии, ее андрогинизме и отношении ко Христу. Впрочем, издателю кажется, что упомянутые проблемы не разработаны и с диалектической их стороны: автор, по всей видимости, сам неотчетливо себе представляет взаимоотношение между разными Адамами, число которых издатель определить не решается. Во всяком случае, автору не вполне ясна проблема индивидуальности и совсем неясна идея искупления, о котором он говорит мимоходом. Столь важная для него теория «двуединства» или «четы» с полной убедительностью не обоснована, вызывая целый ряд вопросов и недоумений, касаться которых здесь неуместно. А между тем на этой теории строится вся его метафизика. С нею, в частности, связана и оценка христианства в смысле отрицания аскетического идеала. Нисколько не защищая аскетизма, следует, во имя справедливости, указать на непреходящие ценности, раскрывающиеся именно в нем: на своеобразную прозорливость аскетов,

на проявляемую ими любовь к людям и миру, о чем автор говорит слишком поспешно. Бóльшая вдумчивость избавила бы его от постановки таких нелепых и коробящих даже скептика проблем, как — «почему Христос не был женат?» (Он не формулирует своей мысли в этих словах, но мы передаем ее вполне точно). Автор колеблется между полным оправданием мира таким, каков он есть, культом жизни и плоти, с одной стороны, и обоснованием своего романтического идеала любви, с другой. Он забывает, что в первом случае должно найтись место и аскетизму, а во втором нельзя говорить о полном приятии мира.

Издатель полагает, что обо всем этом он так или иначе мог бы с автором столковаться. Ведь он, отличный от него, все же и есть сам автор, составляя с ним «двуединство». Но тогда бы нужно было, уничтожив предисловие и трактат, написать им вдвоем новое сочинение, что в нынешнее время совершенно невозможно по типографским условиям.

1921. 9 октября.
Петербург.

НОЧЬ ПЕРВАЯ

1. Погас, наконец — как всегда предательски-неожиданно — мертвый свет электричества, и при колеблющемся мерцании жалкого ночника в чреватой тишине собираю я чувства свои и мысли Невыносимотоскливо. Но как высказать себя, как выразить то поющее, что не может быть спето, ту муку, которая должна разрешиться в самообнаружении и бессильна себя обнаружить? Не знаю, найду ли слова, сумею ли внутреннею песнью речи освободить себя от непереносного томления духа... Успокой же меня, тихая Ночь, первая ночь моих излияний, молчаливая и полная дум, живая в шуме метели за окнами, в слабом писке где-то в углу бегающих мышей!

Любовью полно мое сердце. И слезы благодарной радости туманят мои глаза, когда вспоминаю, Любовь, о последнем даре твоем. Уже миновало откровение, и свет, озарявший всю душу, стал незримым. А все еще ощущаю я его благоухание, и кажется, будто чувствую где-то в самой глубине моей тихое прозябание того, что тогда явилось. Живет во мне тайною жизнью это мгновение и словно ждет нового, ведомого ему мига, чтобы опять озарить и зажечь всю душу мою... Или это лишь я хочу возвратить невозвратное, но нет ни благоухания, ни таинственной жизни, ничего — кроме томленья и жажды?.. Зову тебя, Любовь, и не в силах

расстаться с благоуханьем твоим. Тяжелее смерти мысль о том, что ты не вернешься, что тебя во мне нет. И эта память о тебе — какая-то жизнь твоя во мне, дающая мне силы тебя искать и о тебе думать. Думаю о тебе и надеюсь, что мысль моя тебя призывает. . Прости же мне это лукавство, наивную магию одинокого ребенка

Помню, стеснялось дыханье в груди, и глаза закрывал я рукой, и вздыхал от сладкой истомы, в такую же одинокую ночь, при том же колеблющемся мерцании жалкого ночника... Но не помню того, что чувствовал, ясно; не помню тебя — только бледный твой образ во мне, тихое течение, скрывшееся где-то в глубине души, словно ручеек сочащийся во льдах глетчера .. Вернись же, вернись, Владычица Любовь! Владычица... — Мне ли не вспомнить твой царственный лик, твою вселенскую мощь? Ты всевластна и неодолима; ты налетела на душу мою, как сама мировая жизнь, и растворила меня в себе. Впрочем, нет — не растворила. Я, вот этот самый я, взывающий теперь к тебе и тоскующий, был рядом с тобою, хотя и в тебе. И дивился я неведомой мне дотоле силе твоей, властному и уверенному, всезнающему течению твоему; дивился и, как дитя увидавшее невиданное, смеялся, радовался всевластию и могуществу твоему. Смеялся.., хотя ты терзала меня, рвала, словно тонкие нити, все связывавшее меня с дорогим мне и близким, бесстрастно разбивала все, чем я жил. И чувствовал я, и знал: прежняя жизнь не — жизнь, а бескровный сон, истинная — в тебе и ты. В тебе открылась мне, наконец, сама жизнь и в ней — мне начертанный путь. На нем — так, казалось — смогу я разрешить все за-

гадки, передо мной вставшие, расцвести и просиять; если же уйдешь ты и не вернешься, мною забытая, — померкну я и потухну, и никто уже не снимет для меня печатей с последних тайн мира, смутно чуемых мною. И знал я: идти с тобою — идти на муку, стать и жертвою и палачом... но дивился я тебе и смеялся, как дитя увидавшее невиданное. Знал я, что должен идти, хотя могу и не идти; должен, ибо иначе величайший грех совершаю перед тобою и всем, что в тебе, отлучаю себя от жизни вечной. Звала и влекла ты, всевластная, но мог не пойти я, бессильный, как вихря порывом кружимый тобою... Да мог ли? не самообольщение ли это? Что́ я пред тобою, Владычица, немощный, слабым голосом, неслышным, взывающий к тебе? — Знаю, что мог, что, всевластная, ты не властна надо мною и тебе, всеединой, я в тебе противостою. Ты, Любовь, любила, но в тебе любил я, с тобою согласный и единый. И могла ли ты любить и быть без меня? Еще теперь по обледненным следам твоим в душе моей читаю я, как седой жрец по таинственным, временем истертым иероглифам, что это я любил, любил в тебе и тобой, с тобою согласный и единый.

Любовь — всевластная, неодолимо влекущая стихия. Ничто не определяет извне ее, всеединую, а в себе самой она неразложима-проста, всеедино и всецелостно себя раскрывая, живая своею свободой, тожественной ее необходимости. Но я, охваченный и влекомый ею, от нее не отделимый и не отличный, так же, как она, свободен. Не она, Любовь, любит — я люблю; не она стремит меня — я стремлюсь. Это я определяю мой долг, себя самого терзаю и мучаю. Однако люблю я

Любовью и что-то не мое, а вселенское раскрываю в стремленьи моем. Любовь, это — я; и все-же она не — я. Могу не принять ее, замкнув душу мою; могу не признать очевидного для меня закона и не делать его долгом моим. Свободно и вольно согласую себя с нею и, сливаясь с ней, уже не отличаю себя. Не чувство мое Любовь! Откуда тогда ее властность и царственность, этот непобедимый закон, делаемый мною долгом моим? Откуда бытийность и мощь ее, охватывающая, как стихийное стремленье вселенной? Разве я открываю дивящую меня глубь доселе неведомого? Разве измышляю я долг Любви, который меня же терзает? Нет, не чувство мое Любовь, и все же она — сам я... Любовь — дар Божий; и все-таки — я д о л ж е н любить, словно Любовь — во мне и мое, словно сам я — Любовь.

Единоразличны Любовь и я, нераздельны и неслиянны, таинственное двуединство.

2. Давно, давно звал я тебя, Любовь, сам того не зная. И вот низошла ты в меня и преисполнила сердце мое. Но явилась ты как любовь к ней, истинного имени которой назвать не хочу и — стараюсь так думать — не смею. Без нас и тебя, Любовь, не было бы. И теперь: хочу постичь тебя—и встает предо мною во мне уже родной, но все еще незнаемый образ. Вот смотрят на меня, расширяя зрачки свои, милые глаза; и нет ничего в целом мире, кроме них. А из них, из глаз этих льется в душу что-то благоухающее; и пронизывает меня какое-то суровое и плавное движение духа любимой, объемлющее в себе и радость беззаботного смеха и возможность безумных порывов. И сливается это

иное со мной, во мне становится мною; и несет с собою куда-то в жизнь еще мне неведомую. Где же сама Любовь? — А вот она снова смотрит и льется из любимых очей — опять нет ничего в мире, кроме них — и волнует и томит мою душу. Вот в ней снова исчезает любимая, вместе со мною утопая в бездонной пучине ее. И не знаю уже: где я сам, где любимая, где Любовь. — Все слилось в нераздельном единстве.

Радостно, точно тростинка клонимая ветром, согласую себя с любимой, живущей во мне, с настоящею, которая не говорит, но вещим молчанием себя подлинную раскрывает во мне, в Любви. Свободно клонюсь я зная, что так надо клониться, что в этом — моя свобода и воля. Ты же во мне и я, и твое влеченье — мое. Ты во мне хочешь, мною хочешь; и я тобою хочу и — как ты. Ты усомнилась и отшатнулась, омраченная тенью могучей стихии. Но не верь, дорогая, тяжелым, обманчивым снам. Не летает над нами большая птица с мягкими душными крыльями, не грозит чем-то давним, как мир, неизбежным, как судьба. Просто приснился тебе страшный сон, и полог детской твоей кроватки показался тебе мягкими крыльями, а отблеск света лампады на медной перекладине — горящими глазами неведомой птицы. Отгони же детский свой сон! — Мы не дети уже. Мы свободны и сильны — солнце Любви колеблет трепещущие тени Ночи.

Слышу гармонию души твоей. Но гармония эта — сам закон Любви, в тебе ставший слышимым и живым, закон вселенной, мне в тебе наконец открытый. И, может быть, я лучше знаю этот закон, лучше знаю и вижу тебя, чем сама ты видишь и знаешь. Таин-

ственно сопрягаются смутные грезы твои с моими прозрениями в тебе истинной; открыто мне все таинством дивным Любви. Я срываю печати и снимаю заклятья, рассеиваю волшбу и чары безумных отцов. Как дым, змеясь в извивах твоей души, рабски следуя за ними, сам их творю. И как же я не свободен, когда каждый зов твой ждет моего отклика и каждый отклик на мой зов отвечает? Нет ни одного твоего движения без моего; ни моего без твоего нет. Мы вместе свободно и соравно раскрываем друг друга, не друг друга даже, а — наше двуединое я; дивимся благоуханно расцветающему в нас миру, смеясь и считая перлы, что выбрасывает нам потрясенный до предела бездонности своей океан нашей любви.

Благословенна ты Любовь, нисшедшая в меня, в нас, ставшая нами, ибо я, тебя алкавший и жаждавший, тебя свободно приял и тобою люблю! Благословенна и ты, предназначенная мне моя избранница, ибо ты — любовь моя, сама Любовь, проникшая в меня! Там, в сокровенных недрах Любви уже свершен союз наш, уже одно мы... Еще живы во мне эти краткие, но казавшиеся вечностью мгновенья. — Мы сидели друг против друга и о чем то говорили, осторожно касаясь словами и взорами еще не высказанной нашей любви. И чувствовал я, как чувствую и теперь, что незримо касались и входили одна в другую наши души, сливались воедино уверенно и свободно, крепко, навсегда смыкали золотую цепь. И не слышала ли ты, не слышишь ли торжествующего гимна? — Это мы его поем, переплетая наши голоса; это мы смеемся не зная, кто поет: ты или я. Да мы ли поем? Отчего же тогда гимн наш разносится по всему миру, отчего в нем

поет всеединство? Отчего, скажи мне, из глаз наших исторгается свет Любви и так радует других? Вот улыбнулся старик, согретый теплом твоей улыбки, а там засмеялся, посмотрев на нас, ребенок. Вот сама скорбь, рождаемая нами, внутренно озарилась и стала тише, точно постигая тайну Любви. Скоро, скоро растает снежная пелена, и где-то уже набухают почки, питаемые кровью нашей любви.

3. Немного любивших, нашедших себя в другом, возлюбленных самою Любовью. Немногие даже полюбив опознали свою любовь; и живут они словно в полумраке пещеры, обманываясь скользящими по стенам ее тенями.

Ему однажды явилась Любовь, просияла на миг и скрылась. Как будто уже нет ее, нет совсем, а он нудит себя любить, хочет воскресить умершую, боится поверить в смерть бессмертной. Смеются над ним и твердят ему. — «Не вернуть прошлого Зачем же обманывать себя, зачем внушать себе уже несуществующее? Любовь не в нашей власти, пришелица незваная, гостья непоседливая». Но прав он: он заставляет себя любить ту, которую любил в минуту озаренья, избранницу единственную свою. Он чувствует, что д о л ж е н и х о ч е т любить, хотя и не знает «почему». И не знает он «почему» только в ограниченности разумной жизни своей, не в истинном своем бытии. Долгое и — казалось бы — лживое стремление любить на самом деле только слабый отблеск истинной любви в хаосе разумности.

Он убил свою жену, чтобы жениться на милой. Теперь мучается и проклинает свою любовь как бесов-

ское навожденье; проклинает и все-таки любит. Жалкий и бессильный глупец, не поверивший силе Всесильной! Не смог он принять Пришелицу и ее силою победить свои и чужие муки; не понял он, что Любовь все выносит и преображает само страданье, раскрывая истинный смысл его. Посмотри еще на бедную Татьяну Гремину, безропотно тоскующую по Онегине, наивно-невинную в прелюбодеянии своем; вспомни, как дрогнули ресницы Лизы, когда она, уже черница, проходила мимо Лаврецкого... Милые и нежные подруги, зачем не поняли вы долга Любви? А она, благостная, и вас, изменивших ей, осенила светлым крылом своим и до гробовой доски не оставила вас сладкою своею тоскою. Не вслушались вы в безмолвные речи ее, не принесла она в вас и вам своего плода. И опали вы не узнав расцвета, и вялый запах засохших в комнате роз говорит о том, что должно было быть, но чего не было.

4. Шумит метель за окнами, скользит по стеклам, воет в печной трубе. Но тихая молчаливо говорит Любовь в моей комнате при колеблющемся мерцании жалкого ночника. И ясна и ощутительна мне сокровенная ее жизнь, твоя и моя, триединая. — Любовь это — я и она, моя любимая, и это — больше, чем мы: сама Всеединая Жизнь, нисшедшая в нас, объединившая нас и единая с нами. Она подъемлется из пены морской, поддерживаемая переплетающими с ее руками свои, склоненными к ней и друг к другу девами — это души наши. Закинув назад голову и влажные волосы, она вдыхает соленый воздух моря и греет на солнце открытое лицо. Она встает, еще одетая и полузакрытая, словно стыдливая, но уже властная и гордая, Влады-

чица мира. Как царственно сбегает на правую грудь и двоится прядь волос; как, пробиваясь сквозь них, кончик уха пересмеивается с надменным очерком рта!

Любовь, это — я и ты, от нее не отдельные. И ты являешь мне Любовь, и я Любовью тебя во мне и себя в тебе раскрываю. Ведь сильнее я и богаче, чем прежде. Что такое я прежний и слабый, когда теперь полн и всемогущ как Любовь? Я — ты, но в тебе только себя и нахожу, от тебя не отдельный. Исчезает мое одинокое я; но так, что, подобно Пеннорожденной, восстает во всей полноте своей, т.-е. в исконном единстве своем с любимой и Любовью. В Любви теряется жалкая наша свобода; но так, что, сливаясь с необходимостью, становится истинной и полной, не стесненной ничем, ибо даже Бесконечное ее не стесняет — она едина с Бесконечным, живым в Любви. Дарует мне жизнь Любовь, а с жизнью и знание, знание живое, достоверное единством своим. И раскрывается во мне великая тайна Всеединства, в котором все нераздельно едино, а в то же время отлична от всех и бесконечно ценна и моя, и твоя, и всякая личность, неповторимая и всеми повторяемая. И пока существует Любовь — а может ли умереть Бессмертная? — любим мы, т.-е взаимно-отличны; и пока существует она — в ней мы едины.

Любовь возвращает мне в тебе что-то исконно-мое, давно утраченное мною, сращивает разорванное и дает мне целостность мою. Она раскрывает мне тебя, любимая, ту, что — неведомо почему — смеется при встречах со мною и говорит больше, чем можно сказать, не говоря ни слова. И я постигаю иначе мне недоступное, ранее неведомое, дивясь без конца про-

зренiям моим. Любовь умудряет нездешнею мудростью, связуя в единстве своем. Часто не верим мы голосу ее, уже невольно улыбаясь тому, кого полюбим, уже волнуемые вещими снами... Вспоминаю волну горячего чувства, вдруг залившего душу при встрече случайной с тобой. Не понимал я его тогда; теперь же знаю: это была любовь. И не ты ли, еще незнаемая, звала меня в тихой и сладкой тоске, непонятно сжимавшей мне сердце, когда сидел я один там, у San Miniato, а из города слышен был мягкий и четкий звон Ave Maria?

Легко и радостно читать в любимой душе. Только верь глазам своим, только смотри в милые очи. Вот вдали от тебя открываю в себе новые, неведомые доселе мне чувства; а потом узнаю, что не мои, но твои это чувства были. Мы в ином, чудесном мире живем, где все необычно, где из темных глубин подъемлются чудные тайны. Не будем же сомневаться в познающей силе Любви: она и есть само Познание. Только трудно выделить и определить познаваемое ею; нет понятий и слов: каждое выражает бесконечно меньше того, что хотим мы сказать. Оттого то и выдумываем мы все новые и новые имена друг для друга, нагромождаем бессмысленные и пустые для всех слова. Оттого-то любящий и искажает звуки смешным для всех, кроме любимой шепотом; оттого, в бессилии выразить идеальное, называет ее пошлыми или грубыми, нарочито грубыми именами.

Неуловимое и невыразимое в словах познается любовью. И в минуту последнего и полного слияния низвергает Любовь в темную, страшную и влекущую, разверзающую бездонность свою пучину забытья и ведения, где теряется отличность, где обретается един-

ство. Рождаемое лишь отраженье, лишь сон двуединства, в изменчивости своей повторяющий действительность. Действительность глубже и жизненней. В ней угасают противоречия и открывается несказуемая истина. Доверившись своей любви, чутко уловив единственный, неповторимый миг, любящий насилием ответил на мольбу о нем, словами не сказанную, и в насилии стал жертвой. Обладая любимой он лишь познал и выполнил волю ее быть обладаемой. Обладаемая, она обладала и познала, приняв в себя, любимого. Здесь, в плотском этом слиянии завершается глубокое и полное взаимопроникновение нашедших друг друга душ, в нем едины душевность с телесностью, созидается новое истинное тело во Христа и во Церковь, повторяется воплощение Логоса в Невесте Его.

5. Смотри: она его любит и считает умным и красивым. А мы видим — глуп он и безобразен .. Нет, ничего мы не видим: видит она. Любовью угадала, узнала она его ум, нам, равнодушным и холодным, неведомый; любовью узрела его подлинную красу, нами не замеченную... Мать ласкает золотушного ребенка, глядит на него и не наглядится. Безобразен он на наш взгляд — с гнилыми зубешками, с кривыми ножонками. Но все-таки права мать, не мы. — Она прозрела и познала сокровенное от всех, драгоценнейшее, потому что умеет любить. Мы же не любя и не познаем, скользим равнодушным взглядом по внешности. Мы судим по наружности, по одежде; не всматриваясь, ограничиваем человека внешними проявлениями его красы и ума, не познаем его умопостигаемую, истинную, единственную во всем мире личность; не понимаем, что здесь на

земле, в «стране неподобия» не может она выразиться иначе.

Говорят про «ошибки Любви». Но разве это Любовь ошибается? — Нет, ошибаемся мы, когда торопимся любить, еще не любя и Любви не зная. Живя шаблонами, но смутно чуя великий смысл Любви, мы спешим повторять чужие слова — ведь они говорят нам о нашем внутреннем[1] — поступать так, как поступают те, кто любит. Мы думаем, что любим, а на самом деле обманываем себя и других. Но приходит час жестокой расплаты и узнаём мы: чем легкомысленно играли, что безрассудно тратили. Но и тут Любовь милосердна. — Она дарила нам мгновенья познания, приоткрывала пелену своих тайн. Может быть, она еще укажет тебе твоего избранника и ценою тяжких мук даст познать его, а в нем и себя.

6. Все в любимой одинаково дорого, во всем сияет ее особенная, только в ней зримая красота, отраженная в самих ее недостатках. Знаю я, что это родимое пятно «портит» лицо любимой; но не мог бы отказаться от него. Да и как отказаться, если устранив его устранишь что-то бесконечно-ценное, такое, что в нем только и могло выразиться? Хочу и буду страдать недостатками любимой, но никогда не согласишься на то, чтобы они бесследно исчезли, чтобы их просто не было Во всяком недостатке есть что-то неповторимо-индивидуальное, неотъемлемое от любимой. Не на уничтожение, а на преображение, на раскрытие в недостаточном подлинного должны быть направлены все усилия того, кто любит и кто любя постигает истинную личность любимой. Коснувшись вечного,

безобразного хаоса, он подъемлется из него в единстве с любимой, двуединою волей и силой Любви творит ее, о б р а з у е т, осуществляет познанную им цель Всеединой Жизни. Не уничтожает он — уничтожает Время, а он живет вечностью Любви, — не искажает образ любимой. Если истинно и правдиво он любит, он, познав неповторимое любимой своей, стремится завершить его в ней за пределами того, что достигнуто уже ее одинокою волей. В недостатке раскрывается ему идеальный момент этого недостатка, то, чем он должен быть. Но послушно и свободно меняется душа, пронизанная силой и ритмом Любви; противится грубое, косное тело. Однако не в каждом из мигов отдельных текущего времени, а во всех их, в единстве всего их потока целостное бытие самого тела, являющее сущность свою в минуту и вечность мига слияния. Во всеединстве тела любимой неповторимо отражена Вселенская Красота, живая и в каждом миге лишь чрез связь его со всеединством. Не утверждением мигов мгновенных, а вечностью, объемляющей их, полна краса тела земного, уже всеединого, уже нетленного в преодоленности времени. И нет Вселенской Красы без него, без твоего тела, как нет ее и без тел других, ибо она во всеединстве телесности... На зеленом лугу юные девы смотрятся в зеркало светлого пруда, отражающего безмолвную над ним Афродиту. И каждая видит себя, но — себя в водоеме, вместившем лик богини. Так в телесности любимой моей, в теле ее всеедином, еще не зримом, но смутно знаемом мною и созидаемом нами, так в каждом явлении этого тела выражается и должен быть выражен нами вполне особый лик Красы Многоликой. Но не полон он, не усо-

вершен и до конца не понятен, пока отъединен и оторван от прочих бесчисленных ликов многоединой Красы, пока не отражены водоемом ее молодые подруги. Не полон он, пока не вместил он всей красоты многоцветного мира. И вот собираю я жадно сокровища мира: золото и самоцветные камни, парчу и прозрачные тонкие ткани, чтобы ими украсить любимый мне облик, и стан и лицо. В цветах многоцветных, в сиянии и блеске созданий искусства прекраснее, лучше она. Не «украшают» они ее, но в единстве со всем мироздань̀ем, в свете яркого солнца и в бледных лучах луны понятнее мне и другим, полнее раскрыта ее красота.

В любви к тебе глубже и правдивее постигаю я мир, целостней и полнее; проникаюся «счасть̀ем легко дрожащих трав»; и бесконечно-много рассказывает мне всякая неприметная былинка. Со мною действительно говорят звезды и волны; мне действительно нашептывает таинственные свои речи лес; и в каждой мелкой капельке теплого весеннего дождя твое лицо мне смеется. И слышны нам двоим и радость и печаль мировой души в томимой Любовью природе и в нас.

7. Помню, в ту ночь, когда жгла и кружила меня Любовь, я сам, слабый и колеблющийся, смотрел словно со стороны, дивясь неведомому ранее чувству, страдая и смеясь. Точно что-то вселенское во мне совершалось, а я стоял и смотрел. Помню, потом рассуждал я, искал исчезнувшее и... не находил. И мучительно было мне и пусто от того, что не мог я вернуть вихрем пронесшегося; и не верилось и хотелось верить. И страшным казалось потухание пылавшего — длинная

и серая чреда дней и годов. И думал я уже о себе самом, о своем счастье, хотя и знал: не в нем смысл просиявшей в тихом и быстром течении ночи Любви. Вспоминаю еще, как с отчаянием утопающего везде искал, за что бы схватиться, ловил мимолетные надежды и призывал Любовь. Я любил, но любил по иному. бледнее, больше для себя одинокого. И стыдно мне было мало любить и страшно. И невозможным казалось во имя этой любви идти вперед на горе себе и, может, другим... Но странно... даже когда совсем бледнела, когда почти потухала Любовь, помнил я свое решение в ту ночь, чувствовал, что должен быть верным сказанному мною тогда, верным себе. Много сомнений и дум роилось в душе; и неутомимо сплетал я бесконечную сеть силлогизмов, строил смешные, наивные планы. Но встречал я ее, и начинало трепетать и сладостно томиться нерассудное сердце; и смеялись мои глаза, ответствуя смеху очей любимых; и быстро, словно карточные домики, падали мои планы от легкой улыбки милой. Но знал я и знаю: в глубине каждого из них живет что-то настоящее, всплывающее, но не раскрывающее себя, а в этом настоящем живу и творю мою жизнь истинный я.

Единый, я двойствен: живу и в Истине и в эмпирии. Я истинный объемлю всю мою эмпирию, пронизываю каждый миг ее и ее превышаю. В истинности моей, живой лишь Любовью, не отделим я от любимой моей и от Любви-Истины, в ней, с нею и ею себя и любимую созидая как двуединство. Здесь все живет и созидается во мне, всемогущем Любовью, или — сам я живу во всем и все созидаю, как безмерно-могучая и гармоничная Жизнь-Любовь. Здесь все мне ясно, все

пути неоспоримы и уже свершены. Но все свершено так, что Любовь чрез мое истинное я уже пронизала и объединила, и подъяла в себя всю мою эмпирию. Однако эмпирия моя в отъединенности своей, в мнимой своей участненности сама еще не подъялась до истинности моей, и только молнии прозрений временами озаряют ее тяжелую мглу. В моем эмпирическом не явлена миру Любовь во всей ее неизменной красе; не сбросила последних покровов своих встающая из пены соленого моря Богиня. Ниспал я в эмпирию, и, в отрыве от «я» любимой моей, от триединства Любви, утратил свою мощь и достоверность моего ведения. И бледным отображением предстоит мне эмпирическому единство мое с любимой и Любовью, триединство наше; иногда готово оно вымыслом показаться Не знаю уже я, а лишь вспоминаю смутно, что в каждом действии моем вместе и едино со мною действуют любимая моя и Любовь. Отрываясь в эмпирии от единства с ними, я сам уже не Любовь. Противостоят мне Любовь и любимая, противостоят друг другу внутри меня чувства и мысли мои. Я как бы разлагаюсь, разрываю себя на бесчисленное множество мигов, продолжаю свое умирание, тление, начатое отрывом от любимой моей и Любви.

Кем же, кем, скажи мне, Любовь, обречен я и проклят, обречен на разорванность эту? И нужна ли земная жизнь моя или должен бежать я от сияющих очей любимой, от нежной улыбки ее?

«Нужна и необходима и жизнь земная твоя, ибо в истинности и в ней моя полнота, без нее же лишь грезой прекрасной, красой нерожденной пребудет и все триединство мое. Но не должен ты разрывать един-

ство свое и противопоставлять разъединенные миги должен утверждать всякий миг в единстве его со всеми другими, не отвергая ни одного должен частично осуществлять частичное, т.-е. осуществлять целое. Смотри в сияющие очи, смотри на улыбку милых уст — в них я тебе улыбаюсь — но не забывай ничего: ни слез, ни страданий. Зачем нетерпеливо стремиться, замедляя время; зачем принуждать себя к вере, будто эти слова твои выражают всю Истину? — Завтра найдешь ты другие, и они тебе явят иной лик Единой, столь же правдивый и нужный. Зачем искать всеединое в частном? — Утверждай всеединое во всем, но — как всеединое, не — как отвлеченное, мертвое единство; утверждай и частное, но — как частное, в самом всеединстве. Помни, что ты небожитель, что покоишься ты на лоне моем!»

Не могу, бессильный, изменчивый!

«Не можешь? Где же тогда твоя любовь? где воссиявшее тебе мое триединство? Ты забыл о нем.— Жди нового моего прихода: тогда увидишь, не вспомнишь».

Но что же до той поры — и вернешься ли ты? — молчать я должен, коснеть в бездействии духа? Неужели не должен я мыслить, а должен стенать в ожидании и муке?

«Глупое дитя! Оставила я тебе благоуханье мое. Помни о триединстве твоей любви; не забывай о нем ни на миг. Твори твою жизнь, как умеешь; но не теряй чувства целостности ее во всяком деле твоем. Не спеши. Умей ждать и слушать тихие речи мои. Собирая себя, всего себя влагай в каждый миг бытия твоего. Не отчаивайся, сам обрекающий себя на ущерб-

ление жизни в пространстве и времени, слабостью своей низводящий в них дивный порядок мой. Час твой придет, и тогда все ты исполнишь, сомкнув звенья твоей жизни в одну золотую цепь любви. Может быть, это случится завтра, может быть — ждет тебя длинная чреда лет. — Выбирай сам и не думай о проклятье. Ты сам себя проклинаешь, глупый ребенок, забывший тихую песнь Матери Любви».

Любовь, Любовь, слышу снова речи твои! Снова из бездны души подъемлется благоухание твое! Снова вздымаются волны твои, немолчную песнь начиная. Громче и громче звучит и несется она .. А метель затихла. Близится конец безмолвно вещающей Ночи. Не светлеют ли окна?... Откуда несется благовест: из соседнего храма или из радостью полного сердца моего?... Ты ли это, Любовь, ты ли снова со мною и снова несешь мне образ любимой, снопами лучей исторгаясь из милых глаз?... Колеблясь меркнет жалкий ночник — все ярче сияют любимые очи, излучая Любовь. Тихо уходит безмолвная ночь. В звуках колокола светлеет мир.

НОЧЬ ВТОРАЯ

1. Любовь — вселенская сила, «l'Amor che move il cielo e l'altre stelle».

Отчетливо встает предо мною физиономия Федора Павловича Карамазова: маленькие наглые глазки, жирные мешочки под ними, брызжущие слюной пухлые губы с остатками гнилых зубов за ними, тонкий нос с горбом, нос хищной птицы, и похожий на кошелек кадык,— «настоящая физиономия римского патриция времен упадка». Почти слышится его «дрожащий полушопот», льстивый и лживый...

«Деточки, поросяточки вы маленькие, для меня даже во всю мою жизнь не было безобразной женщины, вот мое правило... По моему правилу во всякой женщине можно найти чрезвычайно, чорт возьми, интересное, чего ни у которой другой не найдешь — только надобно уметь находить, вот где штука! Это талант! Для меня мовешек не существовало: уже одно то, что она женщина, уж это одно — половина всего... Даже вьельфильки... и в тех иногда отыщешь такое, что только диву даешься на прочих дураков, как это ей состариться дали и до сих пор не заметили!»

Есть в этих словах что-то знакомое, влекущее не только похотливость, зовущее погрузиться в себя... Так хочется бередить больную рану, и с болью сплетается какое-то наслаждение... Чем-то глубоко про-

ницающим в природу Любви и в меня самого веет от клейких слов и наглого хихиканья. Еще вчера так ясно было мне, что Любовь узревает красоту в безобразном; сегодня Федор Павлович, правда — по своему и мелкопохотливо, но, может быть, ярче повторяет почти те же слова. Да разве Федор Павлович любит, разве он способен любить?

Он видит то, чего не видят другие, улавливает неповторимо-индивидуальное. Ценитель «грубой женской красоты» до безумия увлекается матерью Алёши ее невинностью. Пускай ему хотелось осквернить ее чистоту. — Он ее понимал и чувствовал, острее и глубже, чем иной «благородный» и непохотливый человек. Сама жажда осквернить понятна лишь на почве острого ощущения того, что оскверняется. И восприятие чистоты (т. е. сама чистота) должно было находиться в сознании Федора Павловича, в известном отношении быть им самим. Он познавал чистоту Алёшиной матери, т. е. стремился к ней и любил ее: иначе бы и не познавал. Ощущая в себе сияние чистоты, он ощущал несоответствие между нею и темным своим эмпирическим я и знал, что она выше его. И попирая ее он знал, что попирает лучшее и святое, влекущее его к себе и любимое.

Федора Павловича не только «тешит», а до боли услаждает «рассыпчатый» смешок его «кликуши», «звонкий, не громкий, особенный». Он знает, что «так у нее всегда болезнь начинается, что завтра же она кликушей выкликать начнет и что смешок этот теперешний, маленький, никакого восторга не означает, ну да ведь хоть и обман да восторг!» Ему, значит, понятен и желанен восторг; он хочет цельного

чувства, а не только развратных вывертов, и болеет неизбежностью обмана.—Не своего восторга, скажут мне, а восторга кликуши. Федор Павлович, словно хищный зверь, ждет этих мгновений восторга, чтобы потом тем беспощаднее его растоптать и осквернить. Он думает лишь о своей утехе.—Но можно ли знать чужой восторг и не обладать им в себе, а обладая им можно ли его не любить? Знание и любовь отожествляют со знаемым и любимым

Безобразен Федор Павлович, но чуток к прекрасному; грязен, но влечется к чистому и святому. И этот же ч у т к и й человек находит, что Лизавету Смердящую «можно счесть за женщину, даже очень . Тут даже нечто особого рода пикантное...» Что влекло его к Лизавете, к идиотке ростом «два аршина с малым»?—Он думал, и всякий думает: не она сама, а особенность наслаждения, «пикантность». Но ведь эта «особенность» немыслима без самой Лизаветы, и сознание в себе т а к о г о влечения есть вместе с тем и познание в Лизавете чего-то непонятного и невидимого для других, самой Смердящей.

Дмитрий Федорович назвал вожделения этого рода «цветочками польдекоковскими». Но дело тут не только в цветочках.—Митя видел у «Грушеньки—шельмы» пальчик-мизинчик, в котором отозвался «один изгиб тела», и по части и в части постиг он этот «изгиб», понял больше, чем его—всю Грушеньку, и телесность и душевность ее. Это уже не «цветочки»: это целостное постижение, от низменной похоти возносящее к вершинам Любви. И в отце и в детях живет какая то вещая, чудесно-чуткая стихия. Как Митя, необразованный и дикий Митя, тонко и полно

понимает ту же Грушеньку или Екатерину Ивановну! Как безошибочен взгляд самого старика, боящегося Ивана, слепо доверяющего Григорию! И острый ум Ивана, и необыкновенное чутье Алеши, и цинически-прозорливая расчетливость Смердякова вырастают из одной и той же стихии их отца. Не опыт житейский учил их.—Опыт дает только шаблоны и схемы, сырой материал для внешней индукции, не открывающей душу чужую. Опыт ведет лишь к ошибкам. Если же в нем открывается чужая дума и пронизываются чужие мысли, так это только—в нем, а не он: это нечто совсем иное, хотя и в нем проявляющееся. Тут особого рода постижение, особое познание, которое покоится не на догадках, а на подлинном приятии в себя чужого я, на каком-то единении с ним, без любви невозможном. Неважно, много или мало «пережил» человек; важно, чтобы открылись глаза, а они могут открыться и при первом же взгляде. И дальнейший «опыт» дает прозревшему не шаблоны и схемы, а новое знание о неведомом раньше, хотя, как дерево из корня, и растет оно из первых прозрений, ибо все едино в чудесном познании—любви.

Федор Павлович знает, что «босоножку и мовешку» (только ли их?) «надо сперва—наперво удивить. . до восхищения, до пронзения, до стыда». И он становится могучим чрез раскрытие и постижение, а, значит, и чрез сопереживание чистого идеализма «босоножки». Знание становится средством низменного самоуслаждения, и сопереживание гаснет в восторге злой власти, гаснет, но не исчезает. Митя «в темноте, в санях принудил к поцелуям эту девочку, дочку чиновника, бедную, милую, кроткую, безответную. Позво-

лила, многое позволила в темноте». Кому же в этих словах неясно подлинное постижение Митею кроткого образа и милой души безответной девушки, всей ее сдержанной еще внутренней нежности? И должно же быть все это в душе Мити для того, чтобы мог он «игрою» «забавлять» свое «сладострастие насекомого». Да, его «забавляло», как на балах «следили» за ним глаза обманутой, как они «горели огнем — огнем кроткого негодования». Но он переживал в себе это «кроткое негодование» (слова-то какие точные!), и тем острее, чем более оно его забавляло. Мало того он знает (как знает, впрочем, и сам Федор Павлович), что в таких действиях и мыслях он «клоп и подлец», что мысли его — «мысли фаланги». Он осуждает себя, и все-таки себе не изменяет, даже чует в самих извращениях своих нечто самоценное.

«Я иду и не знаю: в вонь ли я попал и позор или в свет и радость. Вот ведь где беда, ибо все на свете загадка..» Митя чувствует, что падает вниз, в бездну и грязь, «головой вниз и вверх пятами», но «даже доволен, что именно в унизительном таком положении» падает и считает «это для себя красотой». Он ощущает какую-то правоту свою и в самом падении своем, в «самом позоре» начинает гимн.—

«Душу Божьего творенья
Радость вечная поит,
Тайной силою броженья
Кубок жизни пламенит».

Ошибается ли тут Митя, изменяет ли ему острота и правдивость его любовного ведения или нет?—Он чувствует, знает, что как то нужны и оправданы

даже гнусные проявления его личности, хотя от этого не перестают они быть гнусными.—Насекомым дано в удел сладострастье: в нем закон и цель их жизни; более: чрез чего они под'емлются от низости безразличия. Но

«Чтоб от низости душою
Мог подняться человек,
С древней матерью-землею
Он вступи в союз навек».

2. В чем же смысл и ценность гнусного, того, что в нем обнаруживает себя и само по себе не может, не должно быть отвратным, того бытия, которое лежит в его основе и должно, как бытие, быть благом?— Перед нами один аспект объединившейся со стихийною силою личности—аспект мучительства, насилия, безграничного властвования и убивания. «Вот она от меня, клопа и подлеца, вся зависит, вся кругом и с душою и с телом. Очерчена». Я, мое маленькое эмпирическое я, стремится к одинокому самоутверждению в полном обладании любимой (хотя бы на миг любимой), в полном растворении ее в себе. Я хочу, чтобы любимая совсем, вся была моею, мною самим, чтобы исчезла она во мне и внешне от нее ничего не осталось. Эта жажда господствования и убийства есть во всякой любви; без нее, без борьбы двоих не на жизнь, а на смерть любить нельзя. Любовь всегда насилие, всегда жажда смерти любимой во мне. Даже когда я хочу, чтобы любимая властвовала надо мною, т. е. когда хочу ее насилия надо мной, я хочу именно такого насилия, уже навязываю любимой мою волю. Отказываясь от всяких моих определенных желаний и

грез, самозабвенно повторяя: «да будет воли твоя», я все же хочу, чтобы она (ни кто другой) была моей владычицей, умертвила меня, т. е. отожествляю мою волю с ее волей и в ней х о ч у своей гибели. И уже не она владычествует—я владычествую. В предельном развитии своем подчинение рождает господствование. И в этом пределе нет уже ни того ни другого, а только единство двух воль, двух я, единство властвования и подчинения, жизни и смерти. Оно сказывается даже в разорванности нашей эмпирии. Им объясняется странное чувство, вспыхивающее в изнасилованной любимым.— Ощущение несправедливой униженности, испытанного насилия часто неожиданно сменяется жалостью к насильнику, словно он не наслаждался, а страдал, не насиловал, а сам испытывал насилие. Откуда это иррациональное чувство, каков смысл этой жалости нежной, если она всегда обманывает, если насильник на самом деле не жалок, как безвольный раб увлекшей его чрез любимую стихии? Он не довел до предела напряжение своей воли к властвованию, не преодолел темного в себе влечения чрез отожествление своей воли с волей любимой. Вместо того, чтобы стать господином, он стал рабом, но не рабом любимой—тогда бы он стал и господином ее—а рабом темной силы, сломившей и любимую и его самого. Поэтому он должен испытывать чувство унижения и стыда, чувство отвращения к себе и даже к любимой, которая без борьбы уступила ему, не устояла; должен мучаться своим одиночеством, ибо не полон был плотской их союз. Omne animal post coitum triste.

Итак само стремление господствовать и насильничать, причинить смерть естественно и необходимо

в любви, как неполное ее, ограниченное выражение. Часто оно проявляется грубо и жестоко, как первобытное рабовладельчество, но часто принимает вид изысканного мучительства, захватывая всю сферу душевности. Предполагая жажду подчинения и рабствования, оно словно испытует, есть ли еще сила другого, им, насилием, не сломленная; издевается, истязает. Нередко бурная и нетерпеливая стихия не ждет мольбы, жажды быть властвуемой, ломая все препятствия, неудержимая, самоутвержденная. Не всеми прощается такое насилие, и прощается с трудом, оставляя на всю жизнь болезненные следы, сглаживаемые лишь печальными зорями старости. Но в этом случае не осуществлено и само властвование: не все подчинено и взято — осталось сопротивление воли, только внешне сломленное, не было вольного подчинения. Властвование может стать полным лишь тогда, когда подчинена и воля, т. е. когда обе воли, подчиняющая и подчиняемая стали одной И не совершается ли во всякой любви необходимое для такого слияния уподобление воли властвующего воле властвуемой, нет ли во всякой любви и вольного подчинения? — Я хочу господствовать не над вещью или телом, а над личностью, над данной личностью, над любимой моей и жду от нее именно такого, свойственного ей и только ей ответа. Всем этим образуется, определяется моя воля, подчиняется вольно воле любимой моей, сливается с нею в единство. Вот почему вслед за самим актом обладания в душе обладавшего рождается чувство нежной благодарности, преодолевающее отвращение и стыд, превозмогающее тоску одиночества. Свободно, свободно отдалася любимая. был одним ты с нею хотя бы одно мгновенье!

3. Есть своя правда и в рабовладении и в рабствовании, хотя и бытие ущербленное, ограниченное. И то и другое как бы два разъединившихся лика Любви, живых в ее единстве. И к этому единству одинаково стремятся и Митя и Федор Павлович. Но если правда все мною наблюденное, в обоих, и в отце и в сыне, должен проявляться и второй лик Любви: не могут они быть только «злыми насекомыми», не подниматься душою от низости. Он и проявляется.—Как представляет себе Дмитрий Федорович свое возможное будущее с Грушенькой?—«Буду мужем ее, в супруги удостоюсь, а коли придет любовник, выйду в другую комнату. У ее приятелей буду калоши грязные обчищать, самовар раздувать, на посылках бегать» Здесь много чувства оскорбленного человеского достоинства и горечи, но по существу—готовность беспредельного подчинения. Митя подымается выше, удаляясь от всего похотливого, когда мчится в Мокрое, чтобы в последний раз взглянуть на Грушеньку и умереть. Любовь, сама Жизнь, довела его в самоотверженнии до последней грани своей—до Смерти. И глубокою искренностью прозвучало стенание его истерзанной хождениями по мукам души: «Прости, Груша, меня за любовь мою, за то, что любовью моею и тебя сгубил». Митя уже знает, что единство Любви нерасторжимо и гибель одного неизбежно влечет за собою гибель другого. И не о «цветочках полъдекоковских», не об «изгибе» не о господствовании думает он, полный Любовью в предверии Смерти. Но Любовь—Жизнь. И в страшную минуту полной оставленности и отчаяния подымается Митя до яркого сознания единства и с о р а в е н с т в а с любимой, до трогательно-благородных, хотя и наивно-

неуклюжих слов, торжественно прозвучавших в заплеванной комнате грязного трактира. «Спасибо, Аграфена Александровна, поддержала душу!»

Все это Митя, не Федор Павлович.— Но разве уже совсем не заметно того же и в Федоре Павловиче? — Мне кажется, мы ошибаемся, испытывая вместе с Митею только чувство омерзения, когда всматриваемся в лицо старика и вслушиваемся в его голос, окликающий Грушеньку, когда не хотим вникать в глубокую нежность неожиданных в его устах эпитетов: «маточка», «ангелочек», «цыпленочек» Здесь рабствование и нежность, та нежность, которая не знает: как назвать любимую, какое новое имя для нее измыслить, которой хочется принять любимую, как милого наивного ребенка. И не чувство ли благородного негодования и настоящая идеализация, т. е. познание умопостигаемои личности, — пускай сопровождаемые шутовством: без него Федору Павловичу не обойтись — вспыхнули в нем, когда он в келье старца Зосимы вступился за ту, которую оскорбили, назвав «тварью» и «скверного поведения женщиной»? Федор Павлович Карамазов, угодливый подхалим, битый в собственном своем доме, — рыцарь? — Да; трусливый и хитрый, дрожащий за свою жизнь, он забывает обо всем, когда Дмитрий врывается в его дом в поисках Грушеньки. Он уже не трепещет от страха; его приходится держать: страха как не бывало...

В душе Федора Павловича просыпаются неожиданные, казалось бы, чувства. Сына своего Алёшу он «полюбил искренно и глубоко». «Как бы что-то проснулось в этом безвременном старике из того, что давно уже заглохло в душе его. «Знаешь ли ты», стал

он часто говоритъ Алёше, приглядываясь к нему, «что ты на нее похож, на кликушу-то?» В сыне он увидел мать и снова, может быть, полюбил ее, только более чистой и светлой любовью, тою, какой любят умерших. Алёша несет ему радость и свет; Алёша открывает нам самую глубь души Федора Павловича — «Сердце у Вас лучше головы».

«Не стыдитесь столь самого себя, ибо от сего все лишь выходит». Так говорит Федору Павловичу старец Зосима. — Федор Павлович, этот срамник и бесстыдник, стыдлив; он жертва своей стыдливости. Он чувствует влекущую его стихию, которая ломает волю, но он не хочет обмана, а жаждет правды, «натурального вида», хотя этот вид и пугает его самого. Ощущая внутреннюю красоту и правду, лежащие в основе его вожделений и ими искажаемые, Федор Павлович не может всецело себе поверить и, как и сын его Дмитрий, в недоумении и колебании стоит перед неразрешимой загадкой. Его давят внешние, условные схемы: он раб ходячих взглядов и оценок, хотя и лукавый, непокорный раб. Он как-то признает эти схемы. Отсюда — озорство и срамота, все-таки не доводящие до натурального вида: до обнаружения того, правду чего он внутренно чувствует. И дело не только в преодолении внешнего: схемы живут в самом сознании, не отрывны от него, и чувство распада и возмущения проникает в самую глубь души. Преодолеть э т о т разлад внешним озорством и ёрничаньем невозможно. Он остается во всей своей внутренней остроте и невыносимости, сказываясь в борьбе с самим собою, в порывистом утверждении с в о е й правды, в лихорадочном, неосмысленном осуществлении мимолетных

своих желаний, в которые не удается окончательно поверить, которые невозможно понять, как всеединую, целостную правду.

Низменна Карамазовская любовь, мелкая, дробная. В ней нет собранности; нет центра в ее безóбразной и безобразной стихии, но каждый момент этой стихии на мгновение становится от'единяющимся от всего, замыкающимся в себе и быстро исчезающим центром. И тем не менее из этой любви растет вещее знание, в ней рвется наружу безмерная сила, из ее зыбкого болота подымаются чистые, белые цветы. Мучительство и насильничество перерождаются в нежность и жертвенность; одинокое самоутверждение — в самоотдачу. На миг раскрывается первозданное единство. Но коснувшись светлых вершин, эта любовь снова низвергается в топкое болото, становится сладострастием жалкого насекомого. Федор Павлович рождает Ивана, глубокий и тонкий, больной от правдивости своей, неутомимый и жестоко-истязующий себя и других в своих исканиях ум, рождает Дмитрия, «горячее сердце», и Алёшу с его чутким пониманием людей и мира, с его нежною любовью, родною «серафической любви» старца Зосимы; но он он же рождает и Павла Федоровича Смердякова, отцеубийцу и самоубийцу. А Митя, вслед за отцом постигая красоту и правду единой жизни, нелепо но вдохновенно изливает свое сердце и в чужих стихах и в прозе.

«Красота — это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя, потому что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают

на земле человека. Разгадывай, как знаешь, и вылезай сух из воды. Красота! Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом Содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом Содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его, и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Чорт знает, что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В Содоме ли красота? Верь, что в Содоме то она и сидит для огромного большинства людей, — знал ты эту тайну иль нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей.»

4. Как в зеркале вогнутом, в Карамазовской любви отражается Всеединая Любовь. Ее черты искажены, но это все-таки ее черты: мы их узнаем. — И Карамазовская любовь — чудесное ве́дение, необычайно тонкое познание, не только разлагающее, как разум, но и единящее, как ум. Этим она несравнимо превосходит так называемую любовь, любовь средних людей, обывательскую, имени своего недостойную. Но она не только ве́дение — она мощная стихия, властно захватывающая все существо человека, несущая безумие, влекущая на преступление и гибель. Она доводит до граней Смерти, кровно связанной с нею.

В своих противоречиях Карамазовская любовь таит единство и единством связует их и переплавляет друг в друга. Потому-то в ней и «берега сходятся» и «все

противоречия вместе живут», как с удивительной прозорливостью замечает Митя; потому-то в ней и «дьявол с Богом борется». То она — безудержное стремление к власти, насилию, убийству, могучее, но слепое и в слепоте своей недостаточное, кидающееся из стороны в стороны, теряющее силы и мельчающее; то подымается она до пред'ощущения истинного двуединства и соравенства; то живет в чистоте и самоотречении — то падает до грязного и тупого сладострастия насекомого. И в гнуснейших проявлениях своих, в Содоме, грезит она о Мадонне, все же ощущая какую-то свою правоту; и поднявшись до светлого лика Мадонны, с тоской низвергается назад, в мертвое море Содома.

Но где же двуединство в этой готовности «прильнуть к какой угодно юбке»? — А разве не нашел Митя свою Грушеньку, Иван — свою Катю; разве не «должен» будет оженится и Алёша? Не знаю, была ли своя избранница у старика? — Внутренно раз'единенный, тлеющий и смердящий, он мог избрать или подобрать под забором лишь Лизавету Смердящую, родившую ему его убийцу, который сам не знал избранницы, потому что был и самоубийцей. Федор Павлович не искал свою единственную, жадно и скупо пытаясь жить и любить только в себе и для себя, стараясь удержать в себе то, что влекло его в другую душу, неведомую, но близкую, и в мир. Он думал только о себе, о своем одиноком самоуслаждении; но одинокое я неполно: оно — лить часть истинного. От'единившись оно полагает начало тлению и, разрывая единство любви, разрывает и себя самого — дробит единое чувство на бесчисленность мелких преходящих

мигов. Поэтому в основании своем ложно стремление создать свое эмпирически-от'единенное единство. Единство истинное может быть только двуединством в триединстве Любви. Всякое такое стремление не что иное, как попытка утвердить первичный распад; и должно оно вести к дальнейшему разложению отложившегося от двуединства и уже разложившего его я, т. е. к гибели и смерти. Оно в цели своей есть самоубийство. Но в полноте разложения исчезнет ограниченность и самозамкнутость от'единенного я, ибо это разложение от'единенного. А так как я от'единено не всецело: иначе бы его и не было, — в процессе его разложения не погибнет, а обнаружится его истинное бытие, «но так, как бы из огня», из смерти восстанет бессмертная жизнь. И лучи этой бессмертной жизни, лучи Любви пронизывают темную душу Федора Павловича, являют себя чрез него в том, в чем он себя самого отрицает.

Однако не иллюзия, не сон эмпирически-низменная любовь. Мучительство и властвование оправдано и истинно, когда оно сливается в двуединство с подчинением. Оно ограниченно, неполно, отвратно, когда сосредоточено в себе, когда маленькое эмпирическое я не хочет выходить за свои им же созидаемые тесные границы. Но и в этих границах каждый момент его реален и бытиен, необходимый как момент целого. Целое исчерпывает себя во всех моментах и, как целое, властвование одно с подчинением, обладание с самоотдачей: жизнь завершается в смерти, становясь полнотою любви. Всеединая Любовь не жизнь: она — выше ограниченной жизни и ограниченной смерти, она — их единство.

Плотская похоть, отвращающая нас в Федоре Павловиче, сама по себе не может и не должна вызывать к себе отвращение. Ни отвращения, ни стыда не знают животныя. Мне стыдно явить любимой мое телесное или духовное безобразие, и я преодолеваю этот стыд, жертвуя им для нее, если знаю, что она любовью своею сумеет в безобразии моем найти истинность его. Мне стыдно другим открывать то, что ей открываю, самое во мне дорогое, лучшее; а ей без стыда лучшее свое я отдаю. Но страсть моя не безобразна, если моя она, а не властвует надо мною, если должное место занимает она в духовном единстве моем. В страсти и похоти своей я стыжусь тогда, когда подчиняюсь ей, как чуждой мне силе, когда теряю себя и волю мою. Мне стыдно страсти моей, когда она увлекает и подчиняет меня, не тогда, когда, с нею сливаясь, страстно люблю, ощущаю полноту и красу всеединой жизни моей.

Две сущности во мне: тело и душа, животное и духовное начало. Знаю, что духовное должно царить и осуществлять себя в единстве с телесным, подчиняя и направляя его Тело выполняет закон своей природы, закон животного мира, и во всей изменчивости своей осуществит свое единство, чрез возникновение и разложение будет и самим собою и всем. Но только дух в силах возвысить это единство над состоянием потенциальности, преобразить материю, усовершить ее. И должен он сделать это не в от'единенности своей, а в обращенности к телу, в гармоничном единстве с ним. Он не должен жить особняком, не должен забывать о мольбах и хотениях тела. Он его образует, поддерживает созидаемое им единство, преображает

грубую материальность. И стыдно ему, когда, позабыв свою цель, пренебрегши полнотою Любви, в которой должен он жить, забывает он о царственном положении своем и равнодушно глядит на «безумные» стремления тела своего или вместе с ним довольствуется малою степенью Любви, телу уделенною. Тело само не знает, что творит. Оно безвинно; оно в себе самом хорошо и прекрасно. Но тело не полно, не совершенно, отрываясь от единства, преходя и телесно не достигая полноты. Достижение же полноты моей не в отказе от тела, а в развитии его, когда утверждение одного момента становится утверждением всех, т. е и отказом от себя, когда Любовь и в теле осуществляется единством жизни и смерти, когда оно воскресает.

Отвратительна Карамазовская похоть потому что она остается в низинах животности, в том, что для духа — болото. Она низменна для человека в от'единности ее, допускаемой косною леностью духа; гнусна, как отрицание всего, кроме себя самой. А извращенность, изысканность, расчленение и многообразие похоти — признаки попыток достичь полноты собиранием жалких крох и создать единство раз'единенными усилиями, низвести небо в болото. Такие усилия возможны потому, что дух не находит в себе сил или не хочет все об'единить и разлагается сам. Разврат — распадение духа, утрата им своего единства в отрыве от того духа, который его дополняет, и от триединства Любви. В Карамазовщине отвратительна Смердяковщина; ужасен тяжелый запах тления. Федор Павлович не тупое животное. В от'единенности своей, в самоутверждении и сосредоточении на эмпирически своем он всю силу своего духа влагает в

жизнь своей животности, не преображая ее и не возвышая, а держась на ее уровне, не об'единяя ее, а только пронизывая духом раз'единенные ее моменты в особности каждого из них. И дух его разлагается и тлеет в тлении невинной и безумной, как невинна и безумна Лизавета Смердящая, животности Федор Павлович, любя низменно и животно, одухотворяя моменты разорванной своеи любви, чувствует свою правоту в признании и одухотворении плотского, но сознает в то же время недостаточность такого одухотворения, страдает и стыдится. Его любовь — и правда и мерзость, мерзость — как недостаточная правда. Не веря лучшему в себе, своему сердцу, не слушая зовов любви, воспринимая и сами ниспосылаемые ею озарения как только свое наслаждение, он борется с собою, в животной слепоте воинствуя утверждает ограниченность плоти И он находит предел и смысл ограниченно-плотской любви в обладании безумным телом, телом идиотки, пронизывает его чистую материальность духом, но не поднявшись над нею и ее не преодолев, раскрывает недостаточность плотской любви. Лизавета рождает ему смерть — его убийцу, мертвого и пустого душой от колыбели Смердякова, повара и хама.

5. Федор Михайлович Достоевский, кровно близкий своему герою и тезке, искал какого-то оправдания Карамазовщине, учившей его, Федора Михайловича любить, как Зосима. Он пытался примирить Зосиму с Карамазовыми вопреки безобразной сцене в келье «священного старца». И Зосима, как будто понял — а можно ли понять не полюбив? — и Федора Павловича

и Митю, и Ивана. Он поклонился земно великому страданию Мити, словно оправдав и освятив его жизненный путь. Он и Алёшу посылал в мир, предрекая и предуказуя ему женитьбу и чрез него благословляя жизнь. — «Много несчастий принесет тебе жизнь, но ими-то ты и счастлив будешь, и жизнь благословишь, и других благословить заставишь, — что важнее всего»... Но удалось ли это примирение Карамазовых с Зосимой? Действительно ли все приняла в себя любовь схимника? Отчего же от усопшего старца изошел «тлетворный дух» так скоро, что «естество предупредил»; отчего и он «провонял»?

Яркая и острая, но болезненная и только словами осуществляемая любовь чахоточного брата запала в душу девятилетнего Зиновия-Зосимы. Это — нежная, радующаяся и радующая любовь бессильного телесно, тихого и кроткого юноши. «Мама, не плачь, жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того. а если бы захотели узнать, завтра же и стал бы на всем свете рай» Все перед всеми виноваты: надо только понять это. И радовался, и трепетал умилением и любовью умирающий Маркел. Хотелось ему «гулять и резвиться, друг друга любить и восхвалять, и целовать, и нашу жизнь благословлять». «Да, говорит, была такая Божия слава кругом меня: птички, деревья, луга, небеса, один я жил в позоре, один все бесчестил, а красы не приметил вовсе».

Но все ли принято? может ли принять, не мысленно, а на деле, прикованный к постели умирающий юноша? И не такова ли немного и любовь старца Зосимы? — Его душа умиляется, взирая на мир. Он видит, что «старое горе, великою тайною жизни

человеческой, переходит постепенно в тихую умиленную радость». Он светло принимает смену юности разрушающейся старостью и, благословляя восход солнца, еще больше любит «закат его, длинные косые лучи его, а с ними тихие, кроткие, умиленные воспоминания, милые образы изо всей долгой и благословенной жизни, — а надо всем-то правда Божия умиляющая, примиряющая, всепрощающая!» Он радуется близкой смерти своей, чувствуя, что его земная жизнь «соприкасается уже с новою, бесконечною, неведомою, но близко грядущею жизнью, от предчувствия которой восторгом трепещет душа .., сияет ум и радостно плачет сердце» .. Не много ли в этой любви русского «серафического отца» самоотречения и отказа от мира, для него все же юдоли слез и испытании? Не далека ли столь «близкая» «грядущая жизнь», «неведомая»? И согласуются ли с приятием мира слова тому же Алеше: «Мыслю о тебе так: изыдешь из стен сих, а в миру пребудешь, как инок»?

Понятно восхищение Божьей мудростью; и легко любить лес и птичек лесных, всякую букашку, муравья и «пчелу золотую», «природу прекрасную и безгрешную». Можно простить Федора Павловича, поняв свою вину перед ним. Но трудно все полюбить в нем, а без любви ко всему, даже к насекомому, нет и полного приятия мира. Старец знает, в чем проклятие мира.— Оно в «уединении» всякого, т е. в раз'единенности, в распаде — в зависти и ненависти. «Всякий-то теперь», говорил Зосиме его таинственный друг, «стремится отдалить свое лицо наиболее, хочет испытать в себе самом полноту жизни, а между тем выходит из всех его усилий, вместо полноты

жизни, лишь полное самоубийство, ибо, вместо полноты определения существа своего, впадают в совершенное уединение. Ибо все-то в наш век разделились на единицы, всякий уединяется в свою нору, всякий от другого отдаляется, прячется и что имеет прячет, и кончает тем, что сам от людей отталкивается и сам людей от себя отталкивает». Этому раз'единению противостоит умиляющее единство Любви, «деятельной и живой». — «Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, ищи восторга и исступления сего. Омочи землю слезами радости твоея и люби сии слезы твои. Исступления же сего не стыдись, дорожи им, ибо есть дар Божий, великий, да и не многим дается, а избранным».

В упоении своею вселенскою любовью старец доходит до порога стоящей перед ним тайны. Он зовет любить человека и во грехе, «ибо сие уж подобие Божеской любви и есть верх любви на земле». Он исполнен «сокровенным ощущением живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим», и знает: «корни наших мыслей и чувств не здесь, а в мирах иных». Остается сделать один только шаг; но его ни Зосима ни Федор Михайлович сделать не решаются. Человека, говорят они, надо любить во грехе, но греховное о нем — нацело отсечь, как злое бытие, победить зло силою смиренной любви. Признаются лишь «корни наших мыслей и чувств», не цветение их; а мир святых человеков остается от'единенным от мира животного, душа — от тела. Истинный и единственный путь к жизни и любви в иночестве, отсекающем «потребности лишние и ненужные», гордую волю. Не к преображению мира, не к пронизанию его

до самых последних глубин, зовет старец, а к царству грядущему, к отказу от «лишнего и ненужного». Точно есть что-нибудь ненужное и лишнее в Божьем мире! Любовь Зосимы не оправдывает всего мира, не оправдывает Карамазова. Она — высший из видов Любви на земле, но только одно из ее проявлений, не сама Всеединая. Она тоже от'единена, и потому обречена на умирание. В ней нет героизма и полноты напряжения, той жизни, которая неудержимо и бурно являет нам творчество Божье.

Но мы должны додумать до конца начатое автором Карамазовых; мы должны провести нашу любовь и по этим топям. Чего нам бояться? — Любовь чиста, и к ее белоснежным одеждам грязь не пристанет. Из болотного тумана она встает еще прекраснее В чистое золото претворяет она самое грязь. И понятнее тогда, что любовь она, ибо Любовь, как солнце, озаряет все, согревает и живит малейшую мошку, дарует жизнь и радость последнему насекомому.

Душу Божьего творенья
Радость вечная поит,
Тайной силою броженья
Кубок жизни пламенит.

НОЧЬ ТРЕТЬЯ

1. Еще не любя, св. Августин уже «любил любить» Не так же ли и мы стремимся к Любви, мыслью и чувством ее предвосхищая, как-то испытывая еще не испытанное? Мы жаждем чего-то неизвестного, но в самой жажде как-то уже знаем и любим его. Любовь и любимое сразу и неведомы и ведомы, словно Истина и познаваемое. Не знает еще нежный отрок иль робкий юноша, какова природа Любви; боится и стыдится всего чувственного; но и оно уже живет в любви его, живет изначально, невыделимо из ее целостности. И такою же целостною должна быть любовь в совершенном, полном расцвете своем.

В любви любить уже дана возможность наслаждения: оно пред'ощущается неполно и незавершенно, но существует. Может быть, оно даже преобладает, ибо неведома еще любимая, которой можно и должно себя отдать, и не верится в отдельное бытие самой Любви, наивно низводимой до признания ее чувством любящего, не верится в ее волю и правду. Не завершается наслаждение в одиноком я того, кто любит, и бесконечно томительно оно, знойно, как жажда поцелуя любимых уст, над тобою склоненных. Полураскрыты они и близки; и смежаешь глаза ты и ждешь, а они неподвижны с улыбкою тихой.

Как и всякая любовь, любовь любить даже в самых темных истоках своих всегда предметна: где-то суще-

ствует любимый, как то касается его томящаяся душа. Не отделим он от любви, как в любви не отделимо наслаждение им от услаждения его, стремление отдаться ему от стремления им овладеть. Потому-то так легко и вырождается любовь любить в самоусладу, роднит себя с Карамазовской и рождает то рабские, то жестокие грезы. Трудно сберечь целостность Любви, трудно не оторваться от ее триединства, еще смутного, не уйти в свое одинокое я. Не отделимая от любви, неведома любимая, но она все же существует, должна существовать: иначе не было бы самой любви. Эту любимую жадно ищет и ждет тот, кто любит любить, иногда даже не зная: любимая ли зовет его, не любимый ли, не такой же ли юный и нежный отрок, как он... Медленно проясняется, определяется чувство. — Это, «как всегда, как у всех», она, любимая. Но какова она? — Наверно, красавица стройная и ласковая, о которой говорят влюбленные, пишут поэты. Любовь подсказывает, что лучше любимой нет, что в целом мире нет никого ласковей ее и прекрасней... И сам того не замечая, воображает любящий мнимый образ любимой, который тем дальше от его избранницы истинной, чем слабее в нем Любовь, чем больше думает он о себе и верит в шаблоны и схемы. И, может быть, именно этот измышленный образ помешает ему узнать любимую, когда он встретится с нею, или обманет, заставив признать любимой ту, которую он не любит и любить не в силах.

Истинна в источности своей любовь любить. Но развиваясь она обволакивается ходячими и привычными мыслями, образами и чувствами, неприметно становится шаблонным романтизмом или романтизмом пози-

тивной пошлости. Знойная истома живет мечтой и больное воображение населяет сознание грезами, а грезы питают истому, ростят ее и, сами неуловимые и нереальные, толкают на реальное, но порочное самоуслаждение. Любовь извращается. В грезах нет реального страдания другого, а потому в них питаемая самоутверждением стремительная мужественность становится жестокой и безмерной, не переходя в женственность; или — чаще — сосредоточение на себе и вынужденная пассивность болезненно развивают женственность, родную знойной истоме. Любовь любить развращается, разлагается и мельчает в обостренности самоуслаждения И потом, когда явится любимая и придет время любви истинной, ядовитый плод принесут цветы, выросшие в теплице любви любить. Встретит любящий свою единственную, узнает ее; но станет он искать в любви одну самоуслады, будет ждать осуществления своих смутных и лживых, хотя и конкретно-ярких грез и мучаться, его не находя; или станет он, как прежде, длить мгновенья, стараясь не упустить ни одного момента наслаждения, разлагать его на части и тем убивать живую любовь и в себе и в любимой.

Любовь любить не полна, не раскрылась. И все же в ней являет себя истинное единство Любви. Она уже творит себе новый мир, преображая старый, томными делает глаза, прекрасным темнеющее лицо. Она уже познаёт любимого, еще неясного. Но творит она не в самой реальности, а в царстве грез (хотя в ином смысле и реальном); преображает, а иногда извращает капризный и легкий, как утренний, озаряемый восходящим солнцем туман, мир мечты любящего... Но не встре-

чается ли она там, в этом мире с самою любимой, не касается ли незримо ее души? Кто знает... Юноша милый, тоскуешь ты и томишься, зовешь единственную твою; а не знаешь и не видишь — вон там навстречу тебе бежит из школы с маленькой сумочкой раскрасневшаяся, смеющаяся девочка; вот внезапно затуманилось и стало не по детски серьезным ее веселое личико. Это она, твоя избранница. Найдешь ли ты ее, узнаешь ли встретив?..

Должна любовь любить найти истинного любимого, истинную любимую; должна она осуществиться в мире реальности и его преобразить, в нем познавать и творить, став любовью истинной. Должно вспыть в ней новое, то самое, что часто приходит и без нее, приходит незаметно, загорается внезапно.

2. Неслышны шаги истинной любви, таинственно ее пробуждение в душе. И часто раньше ведома любовь, раньше ведома любимая, чем заметит человек под'емлющееся из глубин души, все заполняющее чувство... Вспоминаю. — Издали однажды я видел, как проходила ты по улице, и мне тогда стало неприятно-болезненно от мелькнувшей невольно мысли: «У нее некрасивая походка». Что мне было тогда за дело до твоей походки, до тебя самой? Я же тебя еще не любил!.. — Нет, теперь знаю: любил и хотел видеть и вовне такою, какою любил, не понимая еще красоты в самом некрасивом, не понимая, как прекрасна походка твоя... Вечно играющая насмешница - жизнь — как чудесно-правдивы старые сказки о лукавом Эроте! — странно предсказывает любящим их будущее. То она озарит их одним лучом солнца; то устами полуслепой шамкающей

старухи назовет их, еще далеких и чуждых друг другу, мужем и женой... Нежданно и негаданно приходит Любовь, таинственная и стремительная, внезапно зарождается... Да зарождается ли? Не она ли в любви любить? Не так же ли исконна она, как сами любящие? не начинает ли жизнь свою в тот миг, когда создает их Божество, когда в неведомом мире покидают они друг друга?

Сразу раскрывается в душе давно, может быть — искони жившая в ней Любовь, то, словно молния, озаряя темную, не знавшую себя душу, то — как могучая гармония, созвучная ропоту волн и шуму леса, слышная чуткому уху в мерном беге небесных светил. Она неодолима и несомненна; уверенная в себе, уверена и в том, что нашла своего единственного и что он тоже любит, не может не любить. И всю себя, всю свою силу и все ве́дение свое, свое триединство являет душе Любовь, являет и любимого таким, каким он д о л ж е н быть и каков он подлинно есть. Поверь же, поверь властным речам Любви, не страшися слов и признаний!..

Часто долго живет в душе Любовь невысказанной, таится от взора других, даже от взора любимой. Точно боится она, стыдливая, признаньем нарушить святость свою. Но не полна любовь, пока не высказана она, пока не осуществилась в реальном мире, не выразилась во вне, а живет лишь в легком озаряемом солнцем прозрачном и зыбком тумане. Она истинна и правдива в существе своем, если не темнят ее душные грезы любви любить. Она прекрасна и чиста в невысказанности своей, как прекрасны архаические статуи предчувствием красоты, которой все равно не выска-

зать никому. Невыносимо-прекрасна ты, молчаливая Любовь!.. И страшно расстаться с красой несказанной твоей!.. Не потому ли так молчаливы мгновенья высших твоих проявлений, так тих и неверен голос влюбленных, так тоскливо сжимается их неумолчное сердце? Не потому ли ищут они уединения, стыдливо скрываются от постороннего взгляда?.. Почему же иногда они смелы, почему иногда хоть намеком стремятся поведать другим о своей любви, поделиться с другими ревниво хранимою тайной, хотя поделившись смущены: точно унизили любовь? Почему им двоим лишь понятное слово вплетают они в шум и смех беспечной беседы других? — Невысказанная любовь истинна и правдива, беспорочная. Но это — только идеальная правда. Ее должна воплотить Любовь в мире. Любовь должна об'единить и явить подлинную личность любящего, подлинную личность любимой, искаженные жизнью в разорванности мира, а в них — и весь об'единенный ею мир.

3. Раскрылась Любовь. Но на первых же шагах своего пути встречается любящий с раз'ятостью мира с эмпирической неполнотой своей личности и личности любимой. Чувство целостности Любви, столь ясное и яркое, когда она затаенно жила в нем, об'единяя и преображая его душу, сменяется ощущением болезненной раздробленности, утомительной смены озарений и пустот. Вместо непрерывного всеохватывающего чувства мелькают какие-то блуждающие огоньки. Бессилен он сразу пронизать все своею любовью: и себя, и любимую и мир. Лишь иногда снова является ему на миг Любовь во всей своей красе и силе, приходит и уходит, и возвращается и уходит опять; сияет и

греет, когда нет любимой, в горькой разлуке, исчезает — когда она здесь и зовет. Но знает любящий, что должен любить. И ждет он порыва Любви, ищет ее в себе и стремится к ней, когда ее нет. В этом его мука, мука осуществления Любви, тяжелый труд Любовью преображающего себя, любимую и мир.

И основание и цель Любви в единстве любящих, не чаемом и пред'ощущаемом только, но в реальном и осуществляемом. Любящий хочет видеть любимую; видит и насмотреться не может на нее, смущенную и радостную. Он хочет слышать ее голос; знать о ней все, ничего не оставить неизведанным, читать ее мысли. Непрестанно и стремительно погружается он во все бо́льшую полноту бытия, все больше постигает любимую, а в ней себя и весь мир. И горестно ему, что не знает он всю ее, что остается в ней для него недоступное. И больно, что никогда не узнать, какою была она раньше, когда он был вдали и не думал о ней.

Кто любит, тот стремится целиком «понять», понять любимую, т. е. познать ее, ибо одно и то же познание и любовь. Если люблю я, все в любимой, вся любимая — мое, даже более — я сам. Но это значит, что и я уже не мой, что я — она. Иначе нет познания, нет любви. И перелив властвования, в подчинение, подчинения во властвование, вечная смена жизни и смерти не что иное, как слияние двух я в одно, как восстановление их первозданного единства, истинного двуединого я.

Любя я настолько отожествляю себя с любимой, что живу ее желанием, ее жизнью; не отделяю себя. Невольно усваиваю привычки любимой. И часто любовь кажется взаимоуподоблением, хотя на самом

деле взаимоуподобление только внешность, отражение чего-то более глубокого, иногда — признак слабости и упадка любви. И смеемся мы над внешним, нарочитым желанием уподобиться тому, кого любишь. Но не верим мы и в единство, рабствуя предвзятому мнению, будто две души друг для друга — монады без дверей и без окон. И все наблюдения свои упорно и настойчиво стремимся мы истолковать так, точно переживаемое нами лишь примысел и обманчивое об'яснение какого-то неизвестного нам, но смело предполагаемого нами, механического процесса. Наивной иллюзией кажутся зарождение и рост в душе нашей чувства, переживаемого милой; случайным совпадением — одновременное просветление тоски обоих. Счастливыми догадками считаем мы чтение глубочайших, сокровеннейших мыслей...

Есть свой смысл и в уподоблении любимой, напоминающем о ней, дающем возможность лучше в себе пережить и познать ее. Но Любовь предполагает не только единство, а и различенность, цель ее не во взаимоуподоблении, а во взаимораскрытии. Не хочу, чтобы любимая уподобилась мне: хочу сохранить ее самое, бесконечно дорогую, неповторимую. Всю ее приемлю. — «Вся ты прекрасна, подруга моя, и нет недостатка в тебе!» Знаю я, должен знать истинное значение того, что лишь наметилось в ней и в недостаточности своей кажется злом. Не изменю я Любви, как ленивый раб и лукавый — во имя истинного преображу реальное, недостаток сделаю моментом красоты и правды. В этом идеализм Любви, мой творческий труд, открывающий новое в мире. Но не новое нечто из ничего я творю. — Я лишь извлекаю из недр любимой

то, что в ней подлинно есть, подобно ваятелю высекаю из ее эмпирической ее истинную. Истинная любимая, данная мне в каждом ее эмпирическом обнаружении, хотя и неполно и недостаточно, должна раскрыться и расцвесть моею силою, которая есть сила Любви, а в Любви и ее сила. И, озаренный узреваемым мною сиянием моей истинной, преображаюсь и сам я, хочу быть достойным ее, не повторить ее, а дополнить. И чем глубже в нее погружаюсь, тем больше нахожу в ней такого, на что могу и должен ответить раскрыв себя самого, тем больше и лучше себя познаю и стремлюся собою истинным стать. Я ли стремлюсь? Не она ли влечет меня, как влеку ее я, не к одной ли цели мы вместе идем?

Не во взаимоуподоблении цель и смысл Любви — Может ли быть Любовь там, где любящие вполне уподобятся, т. е. отожествятся друг с другом, где они станут только одним? Кто же и кого тогда будет любить? И мне безмерно дорого все своеобразие любимой моей. Оно нигде, ни в ком, кроме нее не существует. Дорого мне и постигаемое любимою, а в любви к ней и мною самим м о е своеобразие, тоже незаменимое... Не слияние-отожествление, а слияние в гармоничное единство, не взаимоуподобление, а взаимодополнение происходит в Любви. Не единство безразличное цель ее, а двуединство. Словно воссоединяются две когда-то оторвавшиеся друг от друга части целого; и, становясь невидимой, исчезает извилистая линия их разрыва. Любовь — восстановление первозданного двуединства, в котором каждый из любящих находит его и ему недостающее, в котором оба вместе вновь сопрягают ими извечно нарушенное единство.

В Любви возрождается единая истинная личность, свободным слиянием частей своих восстановляя когда-то и как то расторженное ею. В Любви беспредельно углубляется и в новой, ослепительной красе являет себя душа каждого из любящих; в каждом из них просыпаются новые чувства и мысли; мысли и чувства одного продолжаются и завершаются в другом. Все гармонично и полно, все цветет неумирающим цветением, ширится и становится богаче, многоцветней и целостней; и новая раздельность — смерть для обоих, страшная в предвестии разлук. Меняется для них смысл обыденной речи; слова приобретают новое, глубокое значение. И от обнаруживающей себя в мире двуединой личности излучается на все свет Любви, делающей ее триединством. Незнаемое дотоле и неценимо ценное является в мире, влечет и манит к себе невиданной еще радостью. Меняется сам быт — вьется новое гнездо. Все вещное стягивается по сродству с новой четой, вступает в особое индивидуальное отношение с нею, принимает преображающую его печать и в вещности своей начинает выражать единство духовное.

4. Легкою, неуловимою мечтой, может быть и прекрасной, но нежизненной кажется все это трезвому обыденному сознанию. И только в лунные ночи, как эта, когда необычно четки тени, и горит золотой купол храма, и бледное сияние сказочною тишиною томит душу, умолкают и бессильны, смешны сомнения. Не верим мы в триединство, не верим в осуществляющуюся в Любви двуединую личность. И как поверить, когда полнота осуществленной Любви — редкий,

невиданно редкий дар? Как поверить, когда высшим выражением Любви почти всегда представляется нам мгновение таинства, не тихая брачная жизнь, когда таинство не продолжается за стенами храма? И кому поверить; кто расскажет о вершинах земной любви кто из немногих избранников?..

Однако смутно, сами того не замечая, мы все же разгадываем тайну Любви, прикасаемся к ней. Говорим же мы о том, что любящие «подходят» или «не подходят» друг к другу, хотя, стараясь уяснить себе эти слова, повторяем глупые и пошлые мысли. Утверждаем же мы с наивным глубокомыслием, что «противоположности сходятся». Только ли романы заставили Татьяну писать о «воле неба» и «решении высшего совета»? Полюбив мы мечтаем о полной гармонии с любимой, хотя и видим гармонию лишь во внешнем покое, забывая, что иногда она лучше и прекраснее в борьбе, полнее во взаимных обидах и примирениях. — Часто в потрясенной бурною ссорой душе любящих впервые ярко всплывает сознание единящей их Любви. Благословенны же вы, нежданно налетающие на любящих темные беды! Вы рассеиваете все мелкое, повседневное и, обнажая души, являете в них сияющий свет Любви. Не наивным самообманом, не ложью живут влюбленные, когда грезят о с в о е м будущем, когда считают свой союз единственным в мире. И не иллюзией терзают они себя видя, что греза не осуществилась, что далеки они друг от друга. Разве неосуществленность грезы доказывает ее неосуществимость? И даже если ни разу еще на земле не осуществилась Любовь, нельзя сказать, что и этот раз она не осуществится. Любовь верит в чудо и

требует чуда; и не ее вина, что мы не верим в ее безграничную силу.

Друзья и подруги, не верьте обманам страданий и гнева! Не внешнее счастье, не тихую радость — в томлении, исканьях и муках, в разладах и ссорах единство приносит на землю Любовь. Не верьте обманам лукавого чувства; страшитесь отвергнуть избранную душу, поверив прельщениям мнимой любви. Любовь к нам нисходит, и дар и Царица, но в нас она, в наших трудах и исканьях живет. Она предназначила всех нас друг другу, четы освящая, но в ней мы свободно избрали любимых своих. Она единит нас, она раскрывает в себе нам любимых; но в ней мы, и дело Любви — наш свободный и творческий труд

5. Животный мир не знает личности, личного сознания и личной жизни в составляющих его особях. Для рода или вида одинаковы и безразличны все слагающие его особи, заменимые друг другом, и каждая особь не один из бесчисленных центров мира, а только момент в сознании вида или рода. Но не достигая полноты индивидуализации во многообразии, род и вид и сами не являются совершенными индивидуумами. Они — что-то текучее, расплывчатое, безóбразное — не обладают четкою формою; недостаточно одухотворены, материальны и телесны. Нет и не может быть в мире животном брака, союза, являющего двуединую личность, ибо нет личности, нет индивидуальности, кроме п р и б л и ж е н и я к ней в роде и виде. Вид причастен Любви, предписывающей ему свои непреложные законы, неотменные времена и сроки союзов и разъединений; но лежит на нем пелена глубокого неведения, тускло мер-

цает в нем золотой луч Любви. Стремится вид стать всем, являя себя в бесконечном разнообразии рожденных особей, но ни одна из них не достигает полноты своеобразия и возвращается каждая в безóбразное единство вида чрез неизбежимую смерть, рабствуя тлению. И так же слабы и неясны узы Любви, сопрягающие неполно индивидуализованный вид с другими видами в единстве рода, а потому незавершено и многоединство самого рода. Высшая сила образует, одухотворяет и род и вид и особи, их составляющие. Человек дает имена животным, своею любовью завершая дело Творческой Любви. В человеке проблема многоединства животного царства, многоединства космоса. И если раз'единен, безóбразен и материален наш мир в каждое из этих быстро бегущих мгновений времени — мы виновны: неполна в нас Любовь.

Ни телесно, ни духовно не рожден на земле Человек, Адам Кадмон мистических умозрений. И Второй Адам, нововозглавивший род людской и весь мир, не собрал еще всех земнородных в лоне своем: еще свершается таинство причастия телу и крови Его, не замолкли звуки земных гимнов, одеждами тленными сокрыт и убран престол Бога Живого. И не может быть осуществлено на земле это единство человечества, а в нем — всего мира в какое-либо одно из мгновений времени, ибо выше оно времени и пространства и должна раньше земля изменить свой лик, небеса свернуться в свиток, умолкнуть стенания твари. Оно извечно существует в творческом бытии Божества, где совершенен Адам Кадмон, обнаруживающий немощь свою в Адаме Перстном, искупаемый и восстающий в Небесном Адаме. Но живущим в пространстве и времени неви-

димы они сами как многоединый Адам. Для них непонятно единство человечества и заменима другою всякая личность. Они не верят в «бесмертие» личности и потому неизбежно отрицают вечное, т. е. идеальное, содержание человеческого духа.

Единство человечества должно быть осуществлено не отвлеченно и не в смысле безразличного единства. Адам Кадмон не существует как отдельный человек отличный от прочих. Он в каждом из нас целиком и целостен во всех нас сразу, хотя для земного бытия еще и не вполне. Он не отвлеченное единство и не множество, а многоединство, hen kai polla, и каждая личность выражает его в особом, не повторимом другими аспекте, хотя она и во всех их и все они в ней. Человечество даже не простое, а иерархически-построенное единство множества: оно осуществляется в многообразном взаимодополнении частных единств, в своеобразном сочетании государственных и народных соединений. Оно — живой организм, не механическое объединение однородных групп и индивидуумов. Но точно так же и народ и государство — подобные же многоединства, союзы любви, в которых иерархически сочетаются друг с другом многообразные общественные ячейки, находя себе дополнение и слагая единство, хотя оно и первее всех их.

Многоединый Человек находит и определяет свою личность в любви и Богочеловеку, как Церковь в отношении к Супругу своему: еще не нашел и не определил. Поэтому личность его еще не полна, но исполняется во внеположности времени и пространства, проницаемая и об'единяемая утешающим духом Любви. И как единство Любви, человечество должно явить в себе

тот же закон двуединства в триединстве, хотя и не может совершенно явить его вследствие обособленности своей. В Человеке объединяется духовность и животность, обособленный мир духа и обособленный мир тела, начало образующее и начало образуемое. В телесности человека заключено не только все животное в нем самом, но и все животное царство вообще, как в царстве животности (а чрез него в человеке) — все материальное, вещное. Человек и есть космос; каждый из нас — малый мир, микрокосмос. И только в человеческом духе, не как отображение, а как сама действительность, может быть образован и об'единен вселенской Любовью весь животно-материальный мир.

6. В меру слабых желаний своих, участненно причаствуют люди Любви; и у каждого своя мера, своя степень причастия. На низших ступенях владычествует Любовь в законе животной любви, сопрягающей тела и, чрез объединение, множащей их. Она осуществляет во времени и пространстве полноту телесности в ее множественности и взаимопротивопоставленности частей, но, бессильная, подняться над множеством, только прообразует единство в тщете недолгих объятий. На миг об'единяя и обнаруживая напряжение Жизни, она разлагает, как Смерть, мгновенную радость топит в тоске тления, чтобы все стало всем. Для нее нет личности ни в том, кто любит, ни в том, кто любим; для нее...— не для самой Всеединой, а для лика Ее, отраженного в материи.

Не многим полнее Любовь там, где господствует полигамия и где, как у древних, духовная дружба от'единена от плотского союза. Но и наш брак лишь

слабая степень обнаружения Любви. Не на Любви держится он, а на холодном расчете рассудка, на быте, на житейской привязанности, иногда — на смутной грезе о Любви. И он «счастливее» и спокойнее, когда основан на расчете иль быте: в этом случае его сдерживают веками сложившиеся формы жизни. В нем нет или мало тепла Любви и мало ее света, но есть в нем тепло привычки и мягкой, хотя и не глубокой дружбы. Не достигает в нем расцвета личность, передавая не выполненную ею задачу потомству. Сумерки неведения и серая мгла безжизненности лежат на таком браке. В этих сумерках, в этой мгле вырастают тысячи поколений, поднимаясь над животностью — не достигая человечности. Но там, где непрочен или разрушен быт, там нелепою и бестолковою становится лишенная внешних форм жизнь. Там ровное и спокоиное течение ее превращается в болото или в мутный и шумный поток. И если была в начале греза о Любви, она вечно томит чувством горького разочарования и сознанием роковой неудачи. И ничего, ничего не видит в серой мгле безотрадно недоумевающий взгляд, а сердце ждет чего-то, не веря своим ожиданьям. И еще больнее от того, что временами словно являет себя Любовь... Не достигает до себя в таком браке, не раскрывается личность; нежная, но грустно неудовлетворенная дружба связует супругов, научает их понимать и ценить друг друга; старость, бороздя морщинами их лица, делает их похожими один на другого и в сходстве внешнего облика гасит последние следы нераскрытой личности... Наступает печально-тихий час заката — уже забыты прежние обиды и разочарования, остается ничего не требующее, грустное чувство. Стареют и близятся

к могиле супруги, а из любви их уже поднялась новая жизнь, их собственная, продолженная в детях. Может быть, в детях осуществится не осуществленное ими; может быть, дети лучше и больше познают Любовь...

Но страшно, когда в такой союз разрушая его вторгается Любовь, беспощадная Хатор, когда муж иль жена, отец или мать познают ее, когда кто-нибудь из них найдет избранную душу и с ужасом поймет свою роковую ошибку. Увлечет ли его могучая стихия и воля его, правду Любви познавшая; разрушит ли он долгий союз, ядом причиненных страданий навсегда отравив свою новую жизнь? Достанет ли в нем сил принять в себя истинную радость не отказавшись от мук? Сумеет ли он улыбнуться в ответ на улыбку того, кого, наконец, нашел? Поймет ли подвиг свой как путь на Голгофу? Или победит быт, победит «долг», предписанный исконными формами жизни, и горькие слезы угасят пламя Любви, и, от нее отказавшись, отказавшись от того, кого любит, от себя самого, останется он доживать свои серые дни, может быть — в терпеливом молчании, может быть — в остром горе для себя самого и других? — Любовь, одна Любовь в силах указать ему истинный путь. Только она его знает, только она и может раскрыть таинственный смысл жизни и смерти, сказать, какое страдание нужно, где правда и цель. Только ее вселенская мощь вознесет над частичностью горя и счастья, всех сливая в едином союзе своем.

7. Чем богаче и глубже человек, чем более превозмог он свою материальность и чем духовнее, тем уже круг тех, кто ему «подходит», тем тяжелее и болезненнее всякая ошибка. Он ищет свою избранницу, зная, что

должен ее найти, ищет среди немногих. И все эти немногие чем-то похожи друг на друга, чем-то дополняют его, и все неясны, непонятны. Однако лишь одна ему предназначена, лишь с одною в единстве может постичь он и выразить тайну Любви. Всякий иной союз неполон будет и не развернет всей его личности, оставив ее незавершенной. Каждая личность многообразна, но каждая во всем многообразии своем едина, если только не тлеет, не разлагается уже она. На единстве ее покоится и от него исходит истинная любовь, на все давая ответ, во всем дополняя любящего любимой. Все свое найдет он в ней, если только будет искать и поймет свою любовь, как жизнь и труд.

Да, любовь — напряженный, свободный и творческий труд. Ты должен найти избранницу свою, но найдешь ты ее не по внешним приметам, а по тихому трепету вещего сердца. И найдя не всегда ты узнаешь ее; может быть — и отвергнешь, поверив лукавым приманкам, лживо толкуя великую тайну Любви. И себя и любимую ты созидаешь не в радости тихой, а в муках и в горе, в слезах и страданьях, в упорной, тяжелой борьбе. Помни, что ты всегда, мгновение каждое мировую решаешь загадку, спасаешь или губишь себя и других, судьбе всеединого мира причастный.

Смущают тебя смешные сказки о любви безнадежной. — Но знаешь же ты, что любовь не договор, не легкая дружба, не семейные узы. Для любви оставляешь ты дом твой родной, и мать и отца, порываешь с друзьями. Ты знаешь — любовь особое чувство, единственное, отличное от других. Ты любишь и друга, но не тою — меньшей любовью. Может быть, любил ты иную, не свою избранницу, и считал свое чувство

любовью истинной. Но теперь, полюбив ты узнал, что то была не любовь, что та меньшая любовь сама совершенна только чрез любовь твою к ней, любимой твоей. И разве разделенность чувства должна всегда обнаружиться внешне? Кто, кроме самой Любви, расскажет о тайнах ее, раскроет ее цели и смысл?

Во всем, в полноте всей жизни, в духе и в плоти должна явить на земле ослепительный лик свой Всемогущая. И таинство брачного союза свершается не только в слиянии плоти: глубже истинней оно — сходятся души родные и, погружаясь друг в друга, становятся единой душой. Во всякой истинной любви свершается этот союз; не во всякой завершается он слиянием плотским. Настоящая любовь часто трагична. Чем сильней и полнее она, тем ближе к смерти. Любовь — жизнь, но она — больше, чем жизнь, противостоящая смерти: она и жизнь и смерть для другого, высшее их единство. Редкая гостья Любовь на земле, редко приносит свой плод, воплощается в жизни детей. — Исчерпывает она себя в двоих, в двуединстве их являя свою полноту, триединая.

Люблю я и делаю любимую моею, мною самим, раскрывая ее и себя. Нашел я ее и узнал. Но во мне и она меня искала, нашла и сделала своим и собою. И не бывает, не может быть истинной любви без ответа, она всегда — любовь двоих. Я эмпирический могу ошибаться, признать за Любовь только смутную грезу о ней; могу не опознать заговорившей во мне Любви или отвергнуть ее. Загадочен взор Любви, сокровен ее таинственный путь. К чему в ней я стремлюсь и что в ней себе и любимой готовлю? Явится ли Любовь во мне любимой, в нас двоих — всему миру, или останется

тайным и для меня самого мой истинный брачный союз? Будет ли жить во мне Любовь иль без нее я погибну, со мною погибнет и та, кого я люблю? — Любовь это знает, а в ней и мое истинное я. На земле, от истинности моей отделенный, должен я осуществлять Любовь, как могу, слушаясь внутреннего голоса ее во мне, веруя в ее чудотворную силу.

В тихом и бледном сиянии скользят предо мною бесплотные тени, «люди лунного света». Они как будто не знают своих избранников, своих избранниц. Отражая вечное сияние Солнца Любви, пронизывают они мглу плотской жизни и влекут к нему все сущее нездешней тоскою... Что это за люди? Живут они иль не живут, сияя светом отраженным, таинственно-прекрасным, но холодным? Или они — «духи нечетные»? Но может ли быть Любовь без четы? Вот и Он, избранницы на земле не знавший, близкий душе моей и непонятный. Он ли, творческим словом своим создавший мир во мне и в любимой моей, Он ли, соединивший нас, — нашу Любовь, Себя самого отрицает? Влечет Он к Себе с невыразимою нежностью и силой. Но живет Он в Любви моей и не могу я, познавший Всеединную, не видеть в ней Его самого: люблю Его, но не хочу и не должен любить без любимой моей. И не верю, что в безжизненной тени, скользящей при свете луны, в тени бескровной, бесстрастной живет полнота совершенной Любви.

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1. Опять тихая, морозная, лунная ночь. Редкие прохожие идут торопливо. Наверно, на улице слышен хруст снега под их ногами. Нет шумной дневной суетолоки, и собор потерял свою суетливость, очерченный луной. Везде длинные редкие тени рядом с бледным светом, медленно ползущим по полу передо мной Жизнь затихла, но все живет иною, лунною жизнью, зовущей к себе и недоступной. На душе непонятная грусть. И встают сомнения, мучительно неразрешимые...

Если правда, Любовь, что высшее твое явление на земле — любовь едва связанных с миром, любовь «людей лунного света», каков смысл м о е й любви? Отчего обречен я тобою на что-то низшее и худшее, с чем не хочу примириться как с низшим? Какая тогда цена всему, что люблю я, и тому, что, стремлюся в тебе сделать вечным? Ведь вершины твои не здесь. Они покрыты вечным снегом, белым и бесстрастным, сияющим холодными лучами; они овеяны вечным холодом. Если ты зовешь от мира, зачем ты меня заставляешь в мире тебя искать? Преходит образ мира сего, прейду вместе с ним и я. И что же станет с любимой моей? — Там, в будущем не будет она такою, какую я люблю, там я ее не узнаю. Но не хочу я и вечности без нее!

Мне скажут «люди лунного света»: — Не любимую любишь ты, а себя самого. Ты не знаешь Любви, равной ко всем, совершенной. — Но нет, себя самого любить

нельзя. Что значит любить себя? — Любить свои наслаждения? — Но эти наслаждения невозможны без того, что их вызывает; самые низменные из них необходимо предполагают нечто внешнее мне, хотя бы мое тело, от меня отличное. Тело мое не я сам: оно должно быть от меня отличным, чтобы мог я им наслаждаться. Не могу я стремиться к наслаждению, если в н е меня нет ничего, способного меня услаждать, если само наслаждение уже целиком во мне и я сам. Оно должно быть и в н е м е н я, хотя как то я с ним изначально сопряжен. Нет наслаждения без любви; нет любви без любимого. И если больше всего люблю я покой свой и стремлюсь к нему — я еще не обладаю им и его неот'емлемостью. Тогда предо мною стоит идеальный образ моего я, еще не ставший мною. Так и стремясь к совершенству я люблю себя идеального, существующего уже как идея и предвосхищаемого сознанием моим, но еще не осуществленного и тем от меня отличного. В Любви, как в Познании, реально отличны любящий и любимый; только любящий и познающий — ничто, а любимое — само Всеединство.

Не говорите вы о себялюбии, говоря о любви к далеким, ко благу других, к бесконечному Богу. Но разве и Благо и Бог не приносят вам наслаждения? Тогда вы не любите их, холодные, бесплотные тени! Скудость нашей любви не в том, что нас Божий мир услаждает, а в том, что услаждает лишь близкое нам. Полнота Любви не в отказе от наслаждения, а в наслаждении всем.

Себялюбие... Но любить себя и себя познавать значит познавать ничто и любить ничто, т. е. уничтожать себя. Себялюбие — самоубийство, а то, что

все называют себялюбием, только малость Любви: когда ограниченно любят и когда наслаждаясь страдать не хотят.

Нет любви без любимой. Не мечту, не созданье свое люблю я, когда стремлюсь я к ней. Она была и вне меня даже тогда, когда ее я не знал: уже тогда волновала она всю душу мою. Если бы любимая вся была во мне и мною, не стремился бы к ней я, не любил бы ее. Но тогда не было бы во мне любви и жизни: все пребывало бы в вечном покое смерти. Люблю, считая вечною мою любовь; жажду полного слиянья с любимой. Оно должно быть, если любовь, если жизнь моя не обман, если стоит любить. Но наступит такое слиянье, любимая станет всецело мною — и не будет любви моей к ней, и не будет ее. — Чтобы могла быть и стать совершенной любовь моя, должно наступить полное наше слиянье и в то же самое время должна остаться и наша раз'единенность. Если будет только единство не будет любви моей, самой жизни. Если будет вечная раз'единенность, любовь моя никогда не достигнет цели своей, не станет совершенной, томя меня неутолимою жаждой. Чтобы осуществилась и существовала Любовь, необходимо, чтобы любимая и я были в ней нераздельно и неслиянно. Но как возможно такое совпадение противоречий? И к нему ли движет нас наша любовь?

2. Мы должны быть нераздельны... Но все нас разделяет, и уже вьют над кем-то из нас неслышные крылья Смерти. Умирает любимая... Где же тогда любовь моя, без нее не существующая? Где ты, Любовь, убедившая меня в твоей вечности? Нет любимой —

нет и любви. Отчего же не верю я смерти и болит любовью душа? Отчего все еще стремлюсь я к любимой — ее ведь нет: она тлеет в земле — отчего с тоской и какой-то непонятной надеждой зову ее милый образ? Бессмысленно любить навсегда ушедшее... Зачем же мы так любим? Зачем мать не может утешиться и все плачет об умершем ребенке? Зачем в тихие часы ночи нисходят милые тени и в мысли о них находишь не только горечь безнадежной разлуки, а и какую-то светлую радость? Словно они здесь, с тобою, в тебе... Но нет, не тень зову я, не зыблемый мыслью образ. Мне мало этой тихой радости примиренного с временем сердца. — Зову всю любимую, хочу вновь обнять ее стан, вновь слышать знакомый мне голос

Не стоит любить? — Но не могу не любить я: любовь — моя жизнь. Не хочу я разумом трезвым поверить в бессмертие всего, что люблю Не хочу, а живу — словно верю. — Нет больше любви, как отдать свою жизнь за любимых своих. Отдаю, свободно и радостно отдаю я жизнь свою любимой. Если грозит ей беда, я ее застилаю, и смерть не страшна мне — лишь бы жила она. Жертвую собою за нее, за нее гибну. Но разве останется для меня и во мне моя любимая; разве останется наша двуединая любовь, если я погибну? Нет моей любви без любимой. но не будет ее и без меня, без того, кто любимую любит. И не только за жизнь ее отдаю я свою: готов я погибнуть за честь и за счастье ее. Какое мне дело до чести ее и до счастья, если не будет меня самого, если вместе со мною исчезнет и наша любовь? И почему же, столь самоотверженный, так я жесток к ней? — Вот грозит ей позор, в котором утратит она все светлое и мне дорогое или — даже

только на миг изменит себе. А я, безмерно любящий, я говорю: — Лучше погибни! — Посылаю ее и на смерть и на муку. Какой в этом смысл? — Погибнет она, и с нею погибнет на веки любовь, погибну я сам. Не будет любви так же, как не будет ее, если она себе изменит. Так же ли? — Может быть, себе изменив она принесет мне страданье, но любви моей не убьет, может быть, примирюсь я даже с позором. Что́ же хочу я спасти, любимую на смерть посылая: ее, любовь, себя самого? Или я, столь самоотверженный, бессмысленно жесток: для того, чтобы как-то сберечь свою грезу, убиваю душу живую? Но я же знаю, что грезы мне все равно не сберечь, что предстоит мне горечь вечной, безнадежной разлуки.

А Смерть не ждет моего зова, не ждет конца жизни она разрушает каждое ее мгновенье. Неумолимо и непрестанно уносит она все дорогое — Помнишь ли, как стоял ты у колыбели своего ребенка и часами смотрел на него? И радовал тебя первый проблеск мысли в его глазах или смущала их нездешняя тихая мудрость. И смеялося сердце твое, когда слушал ты его смех и смотрел, как в е с ь он смеется и от смеха дрожит смеется и беззубым еще ротиком, и ножонками, и трепетанием всего своего маленького тельца. Теперь вырос он. Он красив и умен. Его не задела, не исказила жизнь. И ты ни за что не откажешься от него такого, каков он теперь... Но не с грустью ли ты вспоминаешь о нем, когда он лежал и смеялся в своей колыбельке, смеялся всем маленьким тельцем своим? Ты вспоминаешь и вспомнить не можешь; да и то, что вспомнишь, уже навсегда прошло, безвозвратно, как пройдет и то, что теперь... Сегодня на милом

лице увидел я новые морщины, на голове любимой пробивающуюся прядь седых волос. И красят ее морщины, красит седина, новое мне в ней открывая. Не откажусь я от них. Но зачем же нет и того, что было так дорого прежде, что дорого мне и сейчас? Почему не могу я припомнить юное лицо ее, ее светлые и спокойные очи в те дни, когда я ее полюбил?.. А там неслышно надвинется Старость и разрушит эти черты дорогие, отнимет их мягкость и нежность, заглушит и сделает тусклым веселый и радостный смех. И не в силах припомнить я буду вот этот, сегодняшний голос, эти черты, а если припомню неясно — вернуть их уже не смогу... Все дорого в ней мне, в любимой, но все безвозвратно уходит. Хочу я, чтоб вся она стала моею. Но как же узнаю я милое детство любимой, и смех ее первый и светлы, и детские слезы, и грезы во сне обо мне?

Как же возможна Любовь, как возможно в ней полное наше единство? Или обманывала она меня в те ночи и слова ее были ложью? Но почему же тогда они жгут мое сердце, почему не могу позабыть их, победить непонятный обман моим разумом трезвым, почему я живу и люблю?

3 К лучшему и прекраснейшему все мы стремимся; неудовлетворенные, вечно ищем совершенства и мучаемся недостатками любимого; ради лучшего оставляем хорошее и не можем остановиться в движенье своем. Нет конца этим поискам нашим, несущим с собою лишь горечь разочарований и пресыщенья. Нет на земле совершенства, и красота отражается в бесчисленном множестве отблесков своих. Мы ловим их и

собираем, но не можем, не в силах собрать. И не удовлетворяет нас находимое... Я люблю и знаю, что она — моя единственная, неповторимая. Любовь сама привела меня к ней, открыв мне ту, с кем когда-то, ранее жизни моей я расстался. Люблю ее во всех ее недостатках, но, бессильный их преодолеть, болею и мучаюсь ими. Любя совершенное, люблю единственную мою и хочу все в ней найти, хочу, чтобы она была совершенной. Хочу, чтобы она, оставаясь моею единственной и ничего не теряя, не теряя самих недостатков своих, была лучше и прекраснее всех в мире. Но не прекраснее она и не лучше, а прекраснейшие и лучшие не единственная моя, чужды мне, и не их я люблю. И вспоминается мне трогательный образ Агафьи Тихоновны. — «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивану Кузьмича, да взять сколько нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да пожалуй прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича...»

Единством с любимой должна быть вся жизнь моя. Но люблю я прекрасное и вне ее и, бессильный собрать и найти в ней все, распадаюсь. Слагаю все, что могу я найти и достать. Принес ей цветы полевые — поникли и завяли они в руке у нее Отдаю себя самого, но в себе не отдать мне всего мира. Хочу, чтобы все было в ней, и завидую прекрасному в других, но любить их не могу, ибо люблю лишь ее. Смешны и наивны желанья мои. Но если не исполнятся они, не будет полна любовь моя, не осуществится она. Тогда и ты Любовь, не благостная и всемогущая царица, а прихотливая мучительница, лукавая обманщица, всевластная, да, но беспощадная, жестокая Хатор, кровавая Танит.

4. Снова томлюсь я и снова колеблюсь; ответа ищу на сомненья свои и найти не умею. Ярко светит луна, пронизывая душу тоской без конца и начала... Не ты ли, Любовь, в лучах ее нисходишь ко мне? Чую твое, уже знакомое тихое веяние .. Что-то всплывает во мне и яснеет... Вот, наконец, и голос твой слышен.. все громче и громче...

«Завидуешь ли ты любимой твоей, завидуешь ли тому, что она краше, добрее и лучше тебя. Знаешь ты, что она вся твоя и — сам ты; а зависть к себе самому невозможна. И бывает стыдно тебе оттого, что ты ниже и хуже, чем должен и можешь ты быть в силе вашей любви. И боишься тогда, что разлюбит она; забываешь о вашем единстве и силе моей, забываешь, что истинный ты в ней, в любимой твоей. Не завидуешь ты себе самому, не завидуешь ей: нет зависти в триединстве моем И если любимая твоя любит других, красивейших и лучших, чем она, они должны быть в ней и ею. В ней найдешь ты все, что влечет тебя и манит, чего ранее в ней увидать ты не мог. Но любимая твоя — ты сам; и не может она во мне быть единой с иными, со всеми, если сам ты не любишь и их, а они не едины с тобой».

Но как же... как могу я любить всех, если люблю только одну? Да и не хочу я любить никого, кроме милой моей! Не хочу примириться и с тем, чтобы она любила других. Любовь моя ревнива — ни с кем она делиться не хочет. Любимую я искал и нашел; никому отдать ее не могу. Непонятны мне речи твои. — Да, умней и добрее становлюсь я любя умного и доброго. Но разве становится прекраснее горбун, когда любит он кумир Бельведерский? Нет, и ты, Всемогущая, бес-

сильна преобразить тело любимой — все в нем сохранив сделать его беспорочно прекрасным. Зачем же разрываешь ты двуединство наше, зачем зовешь любить и других, а ее, единственную мою, у меня отымаешь?

«Не завидует отец любимой дочери своей за то, что прекраснее она жены его, безмерно любящей дочь. И только в любви к жене и к дочери постигает он вполне истинную красу жены своей. Если же любит жену он, если постиг он ее, откажется ль он от чего нибудь в ней? Не находит ли он недостаток жены возмещенным красою дочерней? — В любви к обеим обладает он полнотою всего и с женою своей он счастлив озарившей ее недостаток любимой красой. Кто отнимет ее у него, если я сочетала троих? В жене, в недостатках ее постигает он то, что дороже ему всего недостаточность ее восполнена юной красою. Так в венке из цветов полевых прекрасней лицо Так прекрасна и темная скорбь, если светлая радость витает над ней»

Но непрочен семейный союз. В нем узы твои расторжимы. И далеко уносит любимую дочь иная любовь.

«Отчего же не может он быть неразрывным навек? Отчего же и он не причастен ко мне, вечный жизнью моей? Неужели разлука земная сильнее, чем Смерть? Побеждаю я Смерть и разлуки сильней в том, кто любит меня и умеет любить. Сам ты видел мой свет, когда в лоне любви расцветает любимых любовь, когда тихая старость согрета лучами, сиянием новой четы».

Говоришь о любви ты. Но это любовь тех, кто кровно друг с другом уж связан... Здесь возможно

единство твое. Но оно ограничено тесной оградой: мир, бесконечный мир весь за нею лежит.

«Кто ж мешает тебе и других так любить, как отец — свою дочь? Невозможного нет для меня, нет его и для тех, кто полюбит во мне и исполнится мной. Он во мне созидает единство свое, чрез меня и во мне обретает он мир как себя самого».

Но ведь даже такая любовь не сделает урода прекрасным, не выпрямит горбуна. Правда, ты озаряешь и некрасивое лицо. Вспоминаю, как преображала ты лицо княжны Марьи, когда касалася сердца ее. Но здесь есть свои границы, которые и ты перейти не в силах

«Сам ты мне говоришь, как я их прехожу. Но лишь слабый то отсвет луча моего. Ты же знаешь, как нужно само некрасивое в милой твоей, как прекрасно оно в ней, в единстве ее. Так и в мире моем все красою полно для того, кто любовью научится жить. В двуединстве своем вы должны победить одинокость свою: мир всецело принять и, отдавшись ему, стать единством его. Мир проходит чрез тело любимой твоей, и чрез душу ее — в ней мгновенье его; и она — из него родилась и вернется в него. Жизнь и смерть, распаденье и связь, это — звенья мои, Всеединой Любви. С нею ты навсегда искони сопряжен. В ней находить себя, в ней найдешь и весь мир. И ни в ком для тебя он не станет таким; и ни в ком — только в ней — станет мир весь тобой. Чрез меня, чрез Любовь, вы — одно существо; и во мне чрез нее постигаешь ты все».

Но любить я иную, иных не могу! Не хочу, чтоб любила она и иных! Где ж твое триединство, Любовь, если любит она и меня и других?

«Как смешна твоя ревность! — Ты жадно приникнул к любимой твоей, а не видишь, что любишь ее только в тесных пределах земли, только в узких границах, чертимых тобой. И ревнуя не веришь ты мне; и предвечный закон забываешь ты мой. — Отдавая себя, ты находишь себя. Но себя отдаешь только в гранях земных, а находишь в единстве вселенской любви. Разве может она полюбить и других так, как любит тебя? Посмотри на себя. — Ты ведь любишь других, но не так, как ее. До конца ты не в силах другую познать: с нею ты не одно, и ее глубина для тебя сокровенна на век. Лишь с одною тебя я связала во мне; лишь одну ты покинул покинув меня. Я же всех содержу: все четы, в бесконечном единстве моем. Познавая меня, ты и всех познаешь. Но не можешь меня ты любить и познать, если сам не един, если ты не в любимой, она не в тебе. В ней тебе я даю всеединство мое; только в ней — весь тобою утраченный мир. Он меня отражает и мною живет в бесконечном и вечном движеньи своем. А когда ты постигнешь и примешь меня, вознесу я тебя над пространством земным, над теченьем времен».

5. Но преходит наш мир и уносит с собою любимое нами сестра иль подруга твоя неотвратная Смерть.

«Не сестра она мне: я сильнее ее. А она лишь одно из явлений моих. Отчего же не веришь ты в вечность мою? Все тебе я верну, что ушло; воскрешу все погибшее я. И во мне, в вечной жизни моей снова встретишь ты тех, кто незримо приходит к тебе, кто в душе твоей светом неслышным скользит. Верь

мне — скоро воскреснешь во мне, и воскреснет с тобою она. Ты коснулся уже вечной жизни моей, ты уже осенен белоснежным крылом».

Мало мне воскресенья любимой, и скучны мне наивные сказки детей. Пускай воскреснет она прекрасной и вечной! — Она уже не будет тою, которую я знаю и люблю. Воскреснет какой то общий ее вид, не она сегодняшняя и вчерашняя. Я же люблю ее сегодня, любил вчера; я люблю всякий миг ее жизни. И если было что в ней, чего я не знал и не видел, с тоскою я думаю о том, зову безнадежно ушедшее. Вот я вспомнил сейчас, как давно уже видел ее. И тогда на лице ее тихая греза лежала; и недвижно склонялись над нею березки, озаренные солнцем закатным, осенним. Греза была обо мне, но любимая не знала о том и не знал о том я. А теперь лишь бледный образ встает предо мною. Понятно мне все, и чарует предчувствием того, что потом было, томная греза, прекрасная в несказанности своей. И хочу я снова быть в прошлом и все понимать, как сейчас, но так, чтобы все оставалось предчувствием смутным, мне и ей непонятным. Мне нужно не бывшее для меня, но бывшее в ней; нужны и первый росток еще незамеченного, темного чувства и это же чувство в полном расцвете своем. Но не может сразу восстать предо мною и быть все пережитое с нею: и те мгновенья, когда была она со мною, и те, когда была далеко от меня. Не может воскреснуть она сразу и молодою, любимою ныне, и милым ребенком, которого я не знал, но так хотел бы лаская держать на руках, и тою, что будет еще во мгле отдаленных годов. Ждет ли меня повторение жизни земной? — Останется в нем умиранье, невозвратность несущихся ми-

тов, холодная Смерть. Или ждет меня вечный возврат одного и того же? Но томительной скукой смущает одна уже мысль об этом. Боюсь я тоски бесконечных повторений; не хочу иной жизни: люблю эту; не хочу умиранья любимой хотя бы на миг!

«И не будет его. — Все понять ты не можешь, в чем вечная жизнь моя, как во мне, в триединстве моем постижима она. Тебе кажется, будто конца всех времен ожидает недвижная вечность, чтоб снова начаться, чтоб течь бесконечным потоком, как время течет. Из вечности делает время наивная мысль твоя. Но не раньше, не после бегущего времени вечность; не ждет, чтоб оно началось и не ждет окончанья его. Вечность сразу все время содержит в себе; она больше его и полнее в ней время твое, время мира всего, как мгновенье ее, но мгновенье — единое с ней. Время — бледный отсвет, ущербленность ее Каждый миг твоей жизни и есть сама вечность. И не в нем ты живешь — вечно в вечности ты, но не всею ты вечностью, слабый, живешь. Каждый миг твоей жизни, отличный от прочих, от них не отрывен, и с ними един он в сиянии вечном. А ты отделяя не знаешь о прочих, бессилен его сохранить... Полнее всего ты живешь настоящим. Представь же себе, что ты можешь усилием жизни, не темной догадкой, не памятью слабой, жить в каждом мгновенье по воле своей; представь — настоящим ты можешь все сделать: и то, что минуло, и то, что придет. И это движенье во временной жизни представь ты свободным и быстрым безмерно. Тогда в настоящем все миги сольются: мгновенье ухода в мгновенья возврата — мгновенье созданья; ничто не исчезнет, и в каждом мгновенье вся жизнь соберется,

и жизнью всею мгновение будет, отлично от прочих, но с ними едино. Одно ты с любимой, одно и со мною, но с ней — двуединство, во мне — триединство. Так вечность содержит текучее время, его превышая своей полнотой».

Тогда мое время лишь сон непонятный, тяжелый, мучительный сон. . Скажи мне тогда, отчего лишь вперед мое время несется, отчего я бессилен вернуться назад?

«Не сон это время твое. То, что есть в нем, действительно есть — сама вечность моя. Но она не полна в нем: ее воспринять ты не хочешь всецело. Ты не хочешь во времени всю свою жизнь мгновенно об'ять; только ловишь мгновенья и их упускаешь, и временем делаешь вечность мою. Утвердившись же в миге как в вечности, вечным ты станешь, все миги единомгновенно обнимешь и временный бег завершишь. Время ты не покинешь, но выше ты времени станешь, его целиком сохранив. Жизни теченье твое — само бытие и сама бесконечная вечность, единый поток. Только в вечности нет умиранья и нет прихожденья: в ней все пребывает и нет пустоты. И любовь твоя в вечности вся существует: не как одно из мгновений ее, но — как все и одно: существует и в смутном и робком начале своем, и в расцвете и силе, и в тихом своем завершеньи. Однако не жду я движенья ее, чтобы ей целиком обладать. Всю я сразу в себе содержу, но храню я и с и л у движенья ее и порядок. Для тебя лишь во времени ясен порядок, во времени или в пространстве. Для тебя непонятна и с и л а движенья. Но если ты, живя в настоящем в грядущее движась, не утратишь настоящего, если и прошлое вечно будет тебе предстоять,

отличное от грядущего и настоящего только как «первое», ты победишь свое время, в вечности время дополнишь, его завершишь. В вечности ты всеедин и всевременен, сразу единый и многий. В ней всегда и мгновенно едина с тобой и любимая, такая же всевременная, как и ты. В вечности и весь мир многоединый в любимой для тебя и в тебе всегда и мгновенно. Спрашиваешь ты: почему время не обратимо, почему оно не течет и назад, а только вперед неустанно стремится — Но таков порядок вечности, отражаемый им: то, что «первее» в вечности, то во времени «раньше». И если сказала я, что в вечности можешь нестися по воле твоей и вперед и назад, не подумай, будто этим извращен мой порядок. Не назад ты несешься, но только — ничего не теряешь; но кажется, будто несешься, когда переходишь из времени в вечность и видишь, что ты ничего не утратил из прошлого жизни твоей. Ты и ныне живешь в настоящем и тем, что прошло, и тем, что приходит и будет; в степени малой во времени все же надвременен ты. В вечности будешь всецело всевременным. В ней прошлое все предстоит, а не бледною частью своей—одним вспоминаемым ныне. Это и есть воскресенье, — не духа, не общего вида, но—всего, что теперь существует, восстание духа и плоти. Нетленною будет она, только так, что включит в себя измененье; бессмертною станет, но — смертию смерть попирая».

Итак вечность во времени: все то, чем живу и чем жил, чем буду я жить?

«Больше она. — В ней найдешь ты и то, о чем лишь с тоской вожделеешь. В ней завершишь не завершенное ныне; в ней грезы твои самою реальностью станут,

хотя не такою, как здесь. И если ты не сумел воплотить мысли своей — не будет и там она воплощенной: завершится как мысль и возможность, оставив сознанье вины. Земное земле и небесное небу. Спеши же исчерпать во времени все, что ты хочешь и можешь исчерпать, не медли! Целуй дорогие уста: поцелуи твои останутся вечно, но в вечности новых не будет. Расширит бытие твое вечность — обнаружит себя не погибшим все то, что считаешь на веки ушедшим, познаешь непознанное, поймешь себя и весь мир в потоке земных изменений, творящих единство, и мысли и грезы твои оживут неземною и светлою жизнью. Но помни, что время—часть вечности; помни, что вечною будет вся радость твоя, но вечными будут и горе земное, сознанье ошибок и муки за грех».

Но если вечность уже существует, то в настоящем и все, что происходит и будет; тогда нет грядущего — все уже есть.

«Не настоящее вечность. настоящее временно — вечность всевременна, об'емля и прошлое, и настоящее и будущее, .их в себе целиком содержа. И будущее не в настоящем, оно не «уже существует». оно во всевременной вечности. Во времени же прошлое дано тебе участненно, как бледный, бескровный, безжизненный образ; дано и будущее, но — только в мгновенных прозреньях пророков, бледных и смутных, в отсветах временных вечности, воспоминаньям подобных. Видят пророки само будущее, но видят его участненно; живут мгновеньями в нем, но живут безучастно, ибо в будущем действуют они в исполнении моего порядка который для них как временный дан».

Не все ли тогда свершено? К чему нам стремиться? — В вечности все уже сделано мною, во времени — раб я безвольный.

«Снова ты путаешь время и вечность: вечность прошедшим считаешь. Вечность не прошлое и не будущее. В ней ты не жил и не будешь жить, а живешь, не свершил, а свершаешь, но так, что свершенья твои — в полноте всех времен. Потому ты и свободен, что сразу, «вечно» свершаешь все, что в каждом миге твоем вся твоя воля, весь ты, ибо миг этот, отличный от прочих, от них не отрывен, не «раньше» их и не «после». Истинный ты — весь в вечности; во времени же ты неполон, не удерживаешь своего все-единства. Погрузись в глубину свою — найдешь в себе вечность, а в ней и себя».

Ты говоришь «погрузись». Но ведь я погрузиться могу лишь во времени. Погруженье — само бытие; и временно, не вечно оно.

«Да, бытие — погруженье твое в несказанную вечность. Но в ней временно не отдельно оно от стремленья к нему, от самой погруженности, как не отдельно оно от того отпаденья во время, которым и жизнь временную ты начал. Немощен ты и в вечности, получивший начало жизни своей и косный; но в ней ты и мощен вселенскою мощью и безначален. Я говорю: «погрузися в себя и расширься». Причастен ты вечности, ею во времени самом живешь. Погрузиться не значит оставить себя, но — собрать, с'единить, снова сделаться целым. Расширяясь ты не уходишь от жизни, но время в вечность под'емлешь, природу его прозревая. Вечностью ты уж живешь, когда сознаешь временное теченье, когда вспоминаешь и мы-

слишь Не временно и само погружение в вечность, только ты его как временное толкуешь; не ведая вечной жизни понять и его не умеешь».

Почему же тогда — ты сама говоришь — в настоящем пророки грядущее видят?

«Не только пророки, а все, и ты сам. Но не все в одинаковой мере приемлют познанием вечность. Тот, кто грядущее видит, так же близится к вечности, как и ты, когда прошлое ты вспоминаешь. Это не жизнь в грядущем, а только касанье к нему».

Яснее теперь мне смысл твоих слов. Верой в тебя и в силу твою я снова спокоен. Ничто не гибнет из любимого мною и мною пережитого. Тяжел и страшен труд моей жизни, моей любви, но он не бесплоден и в своем напряженьи и в том, что творит Верю тебе — все в любимой восстанет, воскреснет. Будет она вся во мне, принесет мне весь мир и незнаемое в ней знаемым станет. Буду с нею в детских я играх ее, разделю ее детские слезы, беззаботную радость и томность мечты. Нет, не буду, а был уже с нею всегда я незримо, незнаемо ей и себе. Надо только постигнуть мне это, в тебя чрез единство с нею поднявшись... Как радостна мысль об этом, как милое сердце волнует! — Был я с тобою всегда, дорогая; был и тогда, когда ты смотрела на синие горы, тогда, когда слушал печальный я «Ave Maria»; в смехе смеялся твоем, беззаботном и звонком; в крупных слезинках сбегал из очей, незримо целуя лицо дорогое. В вечности вспомнишь об этом и ты. И не надо мне больше, не надо и зримо вмешаться в твои детские игры, видимо рядом с тобою стоять, когда так прекрасна была твоя одинокая греза... Но скажи мне, Лю-

бовь: как в любимой приму и постигну я все; чем отлична любовь моя к ней от любви к другим и другой; как создашь ты единство и там, где моя и ее любовь не полна, не двуедина всецело?

«Это познаешь ты сам, а познав всеединство постигнешь. Помни теперь лишь одно. — Ваш бессмертен союз в вечной жизни моей. И в любимой найдешь всеединый ты мир: все, что любо тебе, что красою манит. Все любовью своей, все откроет она. И весь мир заключен в ней, единой с тобой. Так все солнце горит в малой капле дождя, что над влажной землей в семицветном мосту».

6. Погоди, не покидай меня, Любовь! Слабее твой голос. Но ответь мне еще. — Вечно буду любить я ее, неизменно. Но боюсь — мне наскучит недвижно любить. И останешься ли ты во мне, если все во мне замолкнет и не к чему будет стремиться, ничего нового не будет вставать предо мною?

«Вот я покидаю тебя, и ты уже готов позабыть слова мои. — Ты любишь сейчас и в каждый миг находишь в любимой новое, для него оставляя уже обретенное, чтобы потом с горечью об утрате его вспоминать. Недвижна ли любовь твоя? Если да — ты не любишь, не знаешь меня. Так и в вечности всегда иною и новою будет любимая твоя, вся твоя и не вся. В вечности ты всю ее постигаешь, но и не всю, ибо глубина любимой бездонна, бесконечен вмещаемый ею мой мир. Любовь ваша—я, а я бесконечна, не знаю границ и пределов. Приникни ж ко мне, как пчела приникает к душистому меду, приникни и вникни, пей сладость мою — конца твоему наслажденью не будет.

Нет недвижности в вечности: выше она движенья, покоя — ее участненных отсветов».

Но тогда вечно неутолима и жажда моя?

«Нет. — Я же сказала тебе, что всегда любимая будет всецело твоею, тобою самим. Но тобою будет она бесконечно, не ограниченно, как теперь. Чтобы понять это, помысли всецелое и совершенное обладание любимой, которое ныне ты лишь ограниченно мыслишь, и вместе помысли еще бесконечность движенья к обладанию ею, которое ныне ты мыслишь незавертенным, несовершенным. Пойми вечность мою как безграничность обладания и завершенность бесконечного стремленья к нему. В этом моя сокровенная жизнь, бесконечная радость движения к цели и радость достигнутой цели. Я вся в двуединстве вашем конечном. Я — и ты и любимая твоя, но от вас я обоих отлична, движусь я в вас и движу вами, не теряя недвижности моей. Познай же меня, полюби, наконец! В этом новая жизнь твоя, преображенье твое, не познанье одно, а всецелая жизнь».

7. Ты ушла. Но люблю тебя я, Любовь. Люблю тобою, Любовью! Ты — любимая моя, ты — я сам, ты — двуединство наше, целостно-вечная, бессмертно-живая, всесовершенная! Прими нас в лоно твое, растворя в бездонной бездне твоей. Вместе с любимой тебя я искал и любил. Вместе с нею в тебя погружаюсь, в очах ее видя бездонность твою. Это ты возлюбила нас и нашла; это ты нас приемлешь. Открой же последние тайны твои! Мы встречали тебя, когда ты подымалась из пены морской, и сплетали мы руки с твоими руками. Мы смотрели в очи твои и с тобою

вдыхали соленый воздух моря, благоухавший дыханьем твоим. Предстань же пред нами в божественной наготе своей, Анадиомена! В безмолвии ночи открой свою тайну, разящую очи в сиянии дня!

НОЧЬ ПЯТАЯ

1. Любовь — сама вечность. Она — полное, совершенное, истинное бытие, и нет бытия вне Любви. И мы сами есмы лишь постольку, поскольку причастны мы ей, в опыте нашей любви ощущая свою с ней нераздельность. Не было меня, пока низойдя она меня из небытия не воззвала. Не могу найти в себе ничего «моего»: все даруется мне Бытием совершенным, Благом неистощимым, самою Любовью. Но Любви причаствуя, любя и истинствуя, ей я себя противопоставляю. Не будь меня, не было бы и моего ей причастия, а была бы одна лишь Любовь в себе заключенная, не-Благо, любовь несовершенная. Ничто я во мне, однако существую явлением во мне Любви, ею живой и сущий, но ей иносущный. Любовь — все, всеединство, и нет ничего, нет меня вне ее; и все же я есмь, созидаемый и озаряемый ею, как нечто.

Бесконечно-многообразно причастие твари к Любви. «Все любит, ведая о том иль не ведая». — Все стремится быть, т. е. любить и быть Любовью. Все растет и вбирает в себя иное, хочет иным обладать и слиться с иным. В об'единении себя с иным являет себя единство, некогда распавшееся на одно и иное, на многое. Но во времени и пространстве не достигает воссоединение цели своей, своего совершенства и предстоит только как соположность и гармония противостоящих друг другу частей, как закон неизменный их

бытия. Не могут всецело в пространстве слиться и стать одним два атома, не уместиться им в одной и той же точке: каждый ревниво и косно себя бережет Не может во времени тело становиться иным оставаясь собою: новый образ его бытия неумолимо вытесняет прежний. Не совершенно временно-пространственное единство, не восстановляется вполне целое, оставаясь недосягаемой целью. Однако стремление воссоединить в себе части свои, вобрать в себя мир, сделать так, чтобы все было в э т о м единстве, — только одно проявленье Любви, Любовь как начало жизни и жизнь. — Всякое единство не только себя созидает и все вбирает в себя: оно себя отдает всему, разлагается, чтобы быть во всем. Это самоотдача — умиранье единства; это — Любовь, как начало смерти и смерть.

Во временно-пространственной внеположности касание всему и обладание всем возможно только чрез распадение, жизнь чрез смерть; отдача себя всему — только чрез самосозиданье, притяжение всего к себе и в себя; смерть — через жизнь Всякая жизнь—распад, разрыв и гибель иного; всякая смерть — созиданье иного иным. Мы, Любви причастные, знаем, что едина она и что в ней неотрывно обладанье от самоотдачи, жизнь от смерти. Но мир не вполне, как и мы, причастен Любви; в нем нет совершенного ее единства, в нем жизнь отделена от смерти, вечно с нею враждуя. Ни жизнь ни смерть не достигают в мире цели своей, наталкиваясь на косность и сжатость атома материи, на самоутвержденность одинокого духа. И все же мир начал быть, и единство в нем первее множества, а множество разрешится в единстве. В каждое мгновение

бытия не полна раз'единенность и не полно единение — нет всеединства, но в целом бесконечных временно и пространственно времени и пространства, если начален и конечен мир, всеедин он ограниченною всеединостью твари. Завершится распад его торжеством Всевластной Смерти, и в смерти всего осуществится Всеединая Жизнь. Все течет и меняется, все на миг временной пребывает. В целом, в вечности все будет всегда пребывать и всегда изменяться, ибо Бытие не есть пребывание недвижное, не есть и движенье: оно единство того и другого, «движение стойкое и стояние подвижное». Так в бесконечно-быстром движеньи, в совершенном движении по кругу всякая точка стоит и стремится в себе самой и во всех; так она превышает покой и движенье, жизнь и смерть, их единство являя собой. Но лениво и медленно путь свой свершают на небе неисчислимые звезды; косно творенье и мало причастно Любви, смерти боится и жизни всецелой не хочет.

Мир стремится к Любви, к полноте Бытия, к Жизни вмещающей Смерть и к Смерти созидающей Жизнь. Но чтобы осуществилась в мире Любовь, он должен быть и не быть, и не только в мгновенных явлениях своих, а и в целом своем. У мира должно быть начало, и должен окончиться он, в сопряженьи начала с концом истинно быть. Но возможно совершенство мира лишь тогда, если есть уже Совершенство, если было и будет оно всегда; возможна любовь мировая — если мир иносущен Любви; ей он причастен и ею из небытия создан, если ей противостоит он и с нею един. Иначе нет смысла в стремлении его к Совершенству, к Любви, к Бытию, ибо иначе их нет, нет Бытия—ему противо-

стоит и его ограничивает нечто иное, нет Совершенства — оно не полно, еще не существуя, нет и Любви.

2. Влечет меня Бытие. Оно — мое благо и Высшее Благо. И не могу я стремиться к ничто и в ничто. Даже когда под тяжестью муки невыносимой зову я тихую Смерть, когда говорю ей: «Здравствуй, сестра, да будет благим твой приход!» и в Смерти я вижу благо и покой, облекая ничто в одежды Бытия Бесконечно Бытие. Я знаю его бесконечность, потому что люблю тебя, единственная моя, потому что верю в Любовь и Любви. Мы едины с тобой и в единстве нашем едины с Любовью. Но она противостоит нам, совершенная, нас создавшая и зовущая. Люблю тебя я, Любовь, хочу быть единым с тобою, тобой участненно уже обладая. В тебе я истинный, целостный, единый с любимой моей. И ты должна быть таким же единством, как я; не таким же — бóльшим, неизмеримо, бесконечно бóльшим. — Я даже в истинности моей ограничен тобою, началом и источником бытия моего. Я и мир-то могу воспринять лишь чрез себя двуединого, но ограниченного, воспринять ограниченно — в одном только лике его. А ты безгранична; воспринимаешь меня в подлинности моей: так же, как я сам, и больше, чем я сам. Ты и других воспринимаешь не подобно мне— чрез мою ограниченность, но — как они сами и больше, чем они сами: чрез тебя самое. В единстве личности моей тебе я подобен; однако ты не знаешь границ и пределов моих.

Знаю я только мою ограниченную личность, смутно прозревая высшую, но не последнюю в двуединстве с любимой моей. Ты же, Любовь, — *начало* личности

моей, и все личное, что было тайно во мне, от тебя истекает.

Безмерно-мала и немощна любовь моя, участненное мною мое единство с тобою, Любовь; но она говорит мне о том, какова ты. Люблю тебя потому, что ты любишь меня; хочу потому, что ты меня восхотела и хочешь. Ведь мало мне любить тебя — надо, чтобы и ты любила меня, как и ты сама не любишь меня без моей ответной любви. Если ты не любишь меня, как я буду единым с тобой, как буду тобой обладать? Должна ты отдать себя мне — лишь тогда ты будешь моею и мною; должна хотеть меня — лишь тогда я буду твоим и тобой. Но ты всего меня хочешь, и тебе я подобен оттого, что ты — Любовь.

И может ли быть, чтобы ты, Любовь Всеединая, вдруг изменилась?—Вся ты неизменна и проста, совершенна Ничто не прибывает к тебе, ничто в тебе не убывает. Раз ты возлюбила меня, из ничтожества к жизни возвав, никогда ты меня не разлюбишь, ибо не суетна ты и не можешь быть ложной и лживой. Ты — сама вечность; и тобою вечен, бессмертен и я, тобой возносимый над жизнью и смертью. И всецело уже обладаешь ты мной, ибо твоя любовь быть несовершенной не может, ибо нет для тебя немощи моей—времени. Но обладая мной ты меня от себя отличаешь. И нужно тебе отличение это. Иначе не была бы ты Любовью, любовью ко мне и во мне. Нераздельно-неслиянен с тобой я чрез нераздельно-неслиянное двуединство с любимой моей. Без нее нет тебя. Кто же любит во мне, кто же любит ее, как не ты, бесконечно-благая Любовь?

3. Ты со мною, Любовь, когда вместе я с милой и нежные руки держу, и — не помню — смотрю в ее очи иль тихо склоняюся к ней закрывая свои. Все спокойно тогда и желанья молчат. И, как ангелы, светлые души свершают союз. И томительно-сладостно дух мой об'емлет ее; словно пьет ее душу, вино виноградное, словно дыханье ее он вдыхает. Ты со мною, когда далеко от нее, как сейчас, в тишине этой ночи безмолвной, я с ней, и приходит неслышно родная душа. Вижу очи ее, и светлее и ярче они, чем — когда с нею вместе сидим и гляжу я на них молчаливо. И дышу я дыханьем ее... И мне кажется — вся она здесь, и втекает в меня сокровенная истинность чистой души. Незамутненней, цельнее вдали от любимой, томительно-сладостней чувство любви. И духовней оно — только нет в нем всей яркости жизни, нет чар земных и конкретных, земного труда...

Узнаю я тебя, Любовь, в словах любивших тебя самое, только тебя, и тебя называвших именем Бога. Чувства их мне знакомы по безмолвию тихой молитвы, по тому восторгу, что душу волнует, когда нисходит в меня сама Истина или когда предо мной многоцветное Божье творенье. Тогда обо всем и я забываю кроме Единого Бога, кроме самой Бесконечной Любви. И близки и понятны мне речи палимых любовью к Любви.

Они говорят о сладости, касающейся души при воспоминанье о Боге, о забвении всего, трепетании духа и муках любовных его; говорят о молчании всех вожделений, томительном круговращении духа и вещем познанье. Страстью, знакомою страстью, жгут их слова. И ощущают они, что любовь их — сам Бог,

нисходящий в их душу; не умеют Его отличить от себя и все же отличают, томяся стремленьем к Нему. Всплывает в любви к Богу и в любовном общении с Ним живое сознание Его и сознание исконного с Ним единства; неуловимо переходят друг в друга, вечно переливаясь, чувство единства с Ним и чувство отдельности от него. И так же, как мне в очах любимой, в очах Иисуса узревается истекающее из них Всеединое Божество, Всеединое Благо.

Для того, кто читал творения мистиков, ясно, что природа Любви остается тою же самой, что те же ее проявления и формы, как в любви к Божеству, так и в любви к человеку. Только любовь к Богу в своих мистических выражениях ближе к той, которая во мне, когда я вдали от любимой; и обычно нет в ней всей яркости и жизненности земной любви. В этом ее недостаточность и неполнота, в этом роковая ограниченность мистической жизни. И естественно, что, как в любви одинокой, как в любви любить, сильней выступает момент пассивного наслаждения любовью и в мистической любви к Богу, которая редко претворяется в деятельность.

Мистическая любовь такое же ведение, превышающее разумное познавание и невыразимое в обычных словах и понятиях, как и моя любовь. «Обилие восияния Бога в душе бывает совершенным Его невидением, и выше чувства воспаряющее чувство нечувствием всего, что вне. И как может быть и называться чувством такое, которое не знает: что́ такое и где то, в чем оно пребывает, и узнать иль постичь совершенно не может?» И все же любовь — познание. — «Никто не может любить то, чего не знает» и «всякий,

кто знает Бога, уже любит Его, и не может Его любить тот, кто не знает». Любящий «познает сокровенное», «вкушает» Бога. Однако любовное и мистическое познавание превышает обычное. Оно не есть знание, т. е. наше, разумное знание. Но оно не отрицание знания, а усовершение его, непонятная для ограниченного и ограничивающего разума полнота ведения. В Божестве дух «слеп и не слеп..., бездействен и недвижим, как исполнивший всяческое свое действие». Он — «немыслимо как соделавшийся единым с Тем, кто превыше всякой мысли, и почивший там, где нет места разуму действовать, т. е. двигаться в воспоминании, или в помысле, или в размышлении. Бессильный постичь и познать непостижное и дивное, он как бы опочивает на нем совершенным почитием, оным недвижением блаженного нечувствия». И в этом ведении — высшая достоверность.

Совершенное знание... Оно возможно лишь тогда, если познающий и познаваемое одно, если нет между ними различий, ибо иначе отличное недоступно, непознаваемо для другого. Если же нет различий, нет и различия между познающим и познаваемым, как таковыми — познающий и то, что им познается, и само познание одно. Это не знание наше, но все же это знание: я сознаю себя познающим, я помню: как и что познавал, хотя и не могу словами рассказать о познанном мною. Поэтому все же должно быть и различенье между тем, кто познает, и тем, кто познаваем. Мистическое ведение не отрицает, а усовершает, восполняет знание наше.

В мистическом ведении воспринимается нечто разумом непостижимое, нечто всевременное, превы-

шающее раз'единенность и отвлеченное единство, различие покоя и движенья. Ум «недвижно движется и вращается, живя более жизни в жизни, будучи светом в свете и не-светом, поскольку он сам в себе». Это знание — совершенное уподобление Познаваемому: дух, «созерцая Единовидного и сам единовиден и световиден делается», он «безóбразен и безвиден», т. е. теряет с в о й образ, с в о й «вид». Это знание — слияние духа с Божеством, отличное от отожествления лишь тем, что относительный дух все-же противостоит абсолютному Богу. Но именно потому мистическое ве́дение, если полно и совершенно оно, не только знание, а и всяческое причастие к Богу, т. е. к истинному Всеединству «Солнце умное воссияв всегда светит, невместно вмещаяся все во всем. ., все всюду присуще». А «Умное Солнце» и есть полнота Бытия и Любви.

Вот почему говорят нам мистики о видении Бога во «мраке», о неисследимой «пучине» или «бездне». Вот почему говорят не о том, что они познают или делают, а о том, что в них «совершаются Божественные действия». Потому же видят они себя в Боге или пребывающими «в Троице посредине Ее». И разве не этим об'ясняется самообожение, пантеизм, и как отриданье всего тварного и как отожествленье с ним Бога?

Но познание — любовь. И в любви к Божеству ясно то же, что и в познании Бога. Предел и цель Любви в слиянии любящих, но возможна Любовь только, если они раздельны. Одна сторона Любви, единство как цель, предстает — как полное отожествление с Любовью. Но Любовь без раз'единения уже не Любовь, как познание без него не познанье. Поэтому на вершинах мисти-

ческой любви Бог воспринимается как не-Любовь. «И не видела там я Любви, и утратила ту Любовь, которую раньше носила в себе, и стала я не-любовью». Бог—не-Любовь, но Он—и Любовь, Любовь Всеединая. И потому то, что любит во мне, моя любовь, есть сам Бог, сама Божественная Любовь, как познание мною Бога есть Божье самопознанье Бог любит меня; и потому я отличен от Бога и Бог от меня отличен я люблю Его так же, как я Его познаю.

В Божьей Любви я вижу тебя, любовь к любимой моей! Неизмеримо различны вы и все же — одна вы и та же Любовь. Познаю и люблю я любимую—поскольку она во мне и я сам; и могу познавать и любить потому, что одно мы, что мы — одна и единая сущность, И не успокоится любовь моя к ней, пока мы не станем духом одним и плотью одной. Но всегда и в самом единеньи должен я сохранить и сохраню, если не суетна наша любовь, и нашу различность, разные лица: личность ее и свою Не уподобиться ей я хочу, а—слиться с ней и в слиянии ею себя и собою ее гармонично восполнить, воссоздать двуединую личность. Но Богу я иносущен, и нет во мне ничего моего, никакого моего свойства: все—явление Божье во мне иносущном. Сама личность моя—только отблеск Божественного лика, и себя совершенного только в Боге могу я найти. Если цель всякой земной любви в единосущии при сохранении различности, цель любви к Богу в уподобленьи Ему при сохранении иносущности нашей.

4. «Вожделеннейшее единение жениха и невесты» т. е Бога и любящей души, заключается в том, что «весь дух стремит в Бога и, приникая к Нему, единым

с Ним духом становится», «единым духом», не просто — «единым». Нельзя считать Бога и обоженный дух «единым», ибо «человек и Бог не единой сущности или не одного естества». В любовном единении с Богом человек становится всецело богом, однако «богом по благодати», не по сущности своей, тварной и от Божьей отличной. Но вполне и безусловно истинно можно назвать обоженную душу и Бога «единым духом». Их единение не слияние сущностей или естеств, а «волъ согласование», «некое согласие быть двоим в едином духе, даже — быть едином духом». — Малая капля воды погружается в сосуд с вином и кажется, что уже нет ее, что уничтожилась она, приняв цвет и вкус вина. Железо в огне теряет прежний свой образ и вид и уподобляется огню, словно становится им. Пронизанный светом воздух преображается в светлость света. Однако не уничтожается сущность воды в вине, сущность железа и воздуха — в огне и свете. Так же и при соединении души с Богом «всякое человеческое чувство некоторым несказанным образом необходимо расплавляется и вполне переливается в волю Божью. «Иначе как будет Бог всяческим во всяческом, раз в человеке остается нечто человеческое? — Останется сущность, но в ином образе, в иной славе, в иной силе». Словно металл расплавленный, сливается любящая душа с Божьей волей и «так соединяется с Богом и так соединенным с собою Бога чувствует, а всю волю свою переносит в Бога, что или волю Божью умопостигает или склоняет ее к своей». Ничего не остается от человеческой воли, от человеческой души; и все таки остается непостижимое нечто этой души, этой воли, ибо слияние волъ лишь полное согласованье их· моя не

подчиняется Божьей, но проявляя себя проявляется только как Божья, в неотличном согласии с нею.

Таковы умозрения христианской мистики. Но кто же и как мне докажет, что права она, а не пантеизирующая мистика самих христиан и созерцательного Востока? Внутренняя правда слов убеждает и влечет, но мало смутного чувства правды.

Стремит мистическая любовь к полному слиянию с Любимым. Почему же оно невозможно, если его хочу я и в нем вижу свою последнюю, высшую цель?

Существо, совершеннее коего нет ничего и помыслить нельзя, все в себе заключает. Оно — Всеединство. Рядом с Ним я — ничто· я — нечто лишь в Нем и Им Иначе Оно не всесовершенно, не Всеединство. И все же я мыслю, приемлю Его; ничто вне Бога, в Его излиянии я — нечто. Воспринимаю я Бога как Всеединое Совершенство, но воспринимаю Его мне противостоящим. Это непонятно для разума, но из этого должен я исходить во всех умозреньях моих, дабы не отвергнуть того, что мне изначально, первично дано в опыте любви и познанья. Не из разума, ограниченного законом противоречия, не из противоречий его я исхожу, а из их совпаденья и единства, из сверхразумного ума. В сверхразумности же Совершенное Всеединство не ограничено тем, что Оно созидает меня и я от Него отличен; в ней я не умаляю Его моим бытием. Я — ничто: всякое нечто уже Всеединство; я — нечто. поскольку Всеединство во мне и я. Только разумом немощным я не в силах постичь, как же я — ничто есть и нечто; и желая постичь я делаю Божье моим, признавая моим бытие и красу. Вот от'единен я от Бога и кажусь себе чем-то. Однако это что-то вовсе не

существует как мое: оно Божье и Бог, я же лишь пытаюсь похитить его.

Становясь Богом в переходе моем из ничто в бытие, вечно движусь я в росте причастия или в его умаленьи. Но само движение к цели — признак моей неполноты, моего несовершенства и откровение Бога. Я, изменчивый, вечно-подвижный, не Бог совершенный. И если Бог сольется со мною вполне, не будет он Богом придется искать мне другого. Ибо тогда, сливаясь со мною, Он примет движенье мое, т. е. умалит Свою полноту, и станет несовершенным Если я — Бог или буду Богом, неизбежно я должен признать: или нет Совершенного вовсе или нет меня самого и мое бытие лишь обман, многоцветный, но лживый покров бытия. Однако и ложь и обман существуют, а Бог совершенен... Нет, невозможно слияние с Ним до конца И к тому ли слиянью стремится душа?

Не напрасно тобою, Любовь, я любил и люблю; не напрасно открылась ты мне в любимой моей[1] — Я сливаюсь с ней и к слиянью стремлюсь, но стремясь хочу, чтоб осталась она. Мы единоразличны, мы — два и один. Не единство нам цель: двуединство она. И в любви к Божеству, к бесконечной, безмерной, к одной Всеединой Любви, я люблю и забыть о Любви, о тебе, Совершенной, не в силах на миг: я люблю и тебя разлюбить не могу. И я знаю: во мне не моя, а твоя лишь Любовь. Сам Ты любишь Себя, но — со мною, во мне, чрез меня И как любящий, Ты не любимый уже: Ты — и он и не он, двуединый в Себе. И Ты любишь меня. Почему же твоя бесконечно-благая любовь перестанет вдруг быть и погубит меня? Да, Ты — выше Любви, не-Любовь и Любовь, но в единстве твоем совершенна Лю-

бовь и, единый с Тобою, отличен я в ней. Если любишь меня, я — не-Ты, Ты — не-я; если Ты совершен — един Ты со мной, Ты — сам я, я — сам Ты. Я и Ты и не-Ты; Ты и я и не-я.

5. Непостижное слияние с Божеством даруется здесь, на земле лишь на краткие мгновенья. И снова в Любви Божественной встает столь знакомая любви земной смена единения разлукой. Подобно жениху в «Песне Песней», Бог то появляется в душе, то исчезает. В быстротечный миг, во «во время об'ятий» допускается дух наш в «Святая Святых», постигает последние тайны, приемлет радость любви своей. Но быстро мрак застилает небесное сиянье, изменчивость моя отдаляет меня от неизменности. Наступает «время от об'ятий удаленности»; и проникает в душу холод, и тягостно становится ей, пусто и невыносимо-то-скливо... Но неодолимо влечет Любовь, побеждая противление косного духа, связуя его, сожигая огнем своим, скверну испепеляющим. И вот снова «наступает на небе молчание, словно в час полуденный»; стихает все и становится чутко-недвижным, молится—любит душа обо всем, о себе забывая. .Rara hora et parva mora!—Опять ниспадает она в область неподобия, опять тоскует и стенает, зовет отошедшую неприметно Любовь.

Сменяется приближение к Богу удалением от него, под'ем любви — упадком ее. Но никогда не исчезает совершенно Любовь; и не достижима здесь, на земле безмерная полнота ее Здесь даруется только «обручение духа». Оно «неиз'яснимо и для того, кто стяжал его, ибо постигаемо оно непостижимо, держится недержимо, видится невидимо; живет, глаголет и движет

того, кто его стяжал; отлстает от тайника, в коем запечатлено и снова обретаемо там нежданно»... В малой степени все причастно Любви, но не все обручаются с Нею. И обрученные Ей не растут непрерывно, не движутся медленным, но верным движеньем: то стремительно воспаряют они, то стремительно падают вниз. Цель их не во времени, не в одном из его мгновений: она в вечности и в целом всего их земного бытия, претворенного в вечное. Не грядущего ждать мы должны, не стремиться к неясной самим нам цели и поспешно бежать от того, что сейчас и теперь. Мы должны жить настоящим, но так, чтобы в нем нам с тобою раскрылась вся полнота всеединой нашей любви. Царства небесного на земле и во времени ждет лишь тот, кто ленив и не мыслит· внутри нас оно, Оно приблизилось к нам; в каждый миг в него мы можем войти.

Мы должны допустить, что цель Любви достижима и как-то, хотя не в земном бытии, достигнута будет. Я буду всецело обожен. Но по природе своей ненасытима, неутолима Любовь. — Чем больше люблю я тебя, любимая, и чем больше тебя познаю, тем больше хочу я тебя познавать и любить. А если не видно конца любви к сотворенному, как может быть конец у любви к бесконечному Богу? «Любящая Бога душа не насыщается, ибо Бог — Любовь и Себя, Его Любовь, она любит. Любить значит делать круг, так, чтобы не было конца Любви» Не может насытиться Любовь потому, что не хочет перестать быть собою, исчезнуть; если же насытится — не будет уже Любовью она.

Любовь моя к Богу — сам Бог - Любовь, нисшедший в меня и меня охвативший, а в то же время она и мое

устремленье в нее, я сам, поскольку люблю я, т. е. стремлюсь, живу, существую. И в том, к чему я стремлюсь, полнота я Любви, любящей меня, а во мне — себя самое. Но будучи Божьей Любовью иносущен я ей, ибо она не я, она вне меня: изменяюся я и стремлюсь к новому, она ж неизменна, как полнота совершенства. Или Любовь отлична от меня и тогда она — абсолютное Бытие, а я — ничто; или же Любовь это я, но тогда она изменчива и не совершенна, т. е. уже не Любовь. Так безсильно я рассуждаю и наивно, боясь принять и признать Бытие, в котором противоречия совпадают. Но я должен признать и принять его, если хочу любить я и мыслить и быть: я уже принял его и признал тем, что живу и люблю, уже нашел его в тебе, любимая. — Есть только одно абсолютное Бытие, полнота Блага самодовлеющего и сама Всеединая Любовь; и нет ничего иного. И все же в каждом явлении Любви есмь и я и есть весь мир. Существую я лишь постольку, поскольку Любовь является во мне и, подобно ей, непостижим в моей сущности, ибо то, что есть во мне, не я, а только Любовь. Но все таки я и мир существуем, как нечто отличное от Любви, наполняемое и создаваемое, живущее ею, как нечто необходимо сопутствующее явлению ее, без чего и явленья ее вовне не было бы. Я созидаем ею из ничто, но это во м н е являет себя она, это я изменчивостью моей, переходом от ничто к бытию делаю изменчивыми явления ее.

Люблю тебя, Любовь Бесконечная, тобою и в тебе люблю! Жажду слиянья с тобой, стремлюсь тебе уподобиться приемля тебя. Расширь же меня, Безмерная, чтобы мог я став безмерным тебя вместить! Да буду

всецело тобою, всецелою и единой, но да не престану и в полном с тобою единстве тебя познавать и любить. Тобою возлюбленный, да буду единым в себе. двуединым созданьем твоим, а в моем двуединстве — всем миром, тобой сотворенным Иносущен тебе я, твореньe твое, и не слить мне сущность мою с твоею. Но ты, Всемогущая, все остальное в себе об'едини и с собои сочетай, возвращая в тебя все твое. И останусь я сущностно иным, чтобы вечно любить тебя; и буду единым с тобой и тобою во всем. и в любимой, и в мире, дабы достигла цели, усовершилась любовь моя и твоя. И погружаясь в себя и в тебя, буду я познавать все ничтожество мое, растворяться в тебе и с тобой становиться не-Любовью. Но всегда останусь и нечто, дабы и ты оставалась Любовью, дабы не погибла в причастии к тебе тобой сотворенного мира.

Люблю тебя и в тебе утверждаю себя, себя нахожу. Но нахожу себя как нечто само себя из себя определяющее и противостоящее иному, себя — как личность. И неуничтожимость моя — неуничтожимость моего ограниченного в себе личного бытия Но существую я только тобою, и, значит, личность моя тоже ты. Ты не можешь ее уничтожить, пока не разлюбишь меня, а разлюбить, Неизменная, ты не в силах. В тебе начало личности моей, как мысль твоя, как ты сама, Всеединая. И люблю я тебя, как личность, хотя и непонятную мне в безграничности своей. Ведь если не личность ты, не все во мне от тебя и не можешь ты быть Всеединством, а я не могу тебе уподобиться Ты же сама учила меня двуединству моему с любимой моей и в нем мне раскрыла природу твою. Но какая же личность ты, если ты безгранична? — Ты и личность

сверхличная, непостижимо - безграничная, явленная мне как завершающее любовь мою к любимой моей триединство. И как личность любимую буду тебя постигать, погружаться в таинственный мрак сущности твоей, где еще я не создан, но уже существую. И хочу я, любя тебя, всецело стать тобою, Любовь, и тобою навеки пребыть, и с тобою вместе быть не-Любовью. Так осуществится во мне двуедином твое триединство, Любовь

6. Блуждают во тьме, опьяненные тобой Вот он избранник твой, любит тебя и погружается в таинственную пучину твою, об'емлется мраком твоим Он любит тебя и познает, как неразличенность Всеединства, как всемогущую тьму бытия, как всепоглощающий в ярком сиянии своем свет Но не видит в тебе он личного бытия, а в нем — двуединства с избранной своей. И сомненье рождают речи любивших тебя.

Они говорят о забвеньи в любви к тебе, именуемой Богом, всего и людей и тобою творимого мира. Они осуждают привязанность к «вещи земной и тленной» и зовут равно любить всех людей, несовершенством называя любовь хранящую твой порядок. Но разве ты, Любовь и Бог, всех одинаково любишь? Лишь тот смеет призывать меня к «равной» любви, кто сам людей не любил и в любви к ним не видел, что каждый из них—о с о б а я м ы с л ь твоя. Пускай я далек от любви совершенной, пускай осквернил, утемнил я в себе сияющий облик Творца! — В самом паденьи моем, в самой скверне моей только я т а к любим моим Богом и т а к Им одарен. В Божьем мире нет повторений. Божество не едино, а многоедино. И Бога любить воз-

можно только любя всеединство, т. е. любя и единство и все, а во всем и всяческое, каждое по особому. Не обманывала меня ты, Любовь, раскрывая мое двуединство. — Только с любимой моей тобою я особенно связан. Она одна меня дополняет; чрез одну ее люблю я весь мир и тебя.

Одинокая любовь к Богу не полна. Она отрицает Бога в Им созданном мире, отвергает всю жизнь земную и делает ум наш «бесстрастным к вещам и помышленьям о них». Она отвергает других людей и не дает постижения их; отвергает и тело, в его желаньях видя лишь мерзость похоти И любящий этой любовью не сможет постичь и себя. Как он постигнет себя, когда любит лишь Бога во мраке? Как он себя удержит в любви, если не ищет любимой своей, своего двуединства не знает? Бог для него «безóбразен», «безвидный» таинственный мрак. Он знает блаженство Твое, Твою тишину, молчание полдня; но в безмолвии покоя не знает он Твоего триединства, не знает себя самого. И вот затихает его любовь — засыпает он на лоне твоем. Покой безразличия в единстве, нирвана — и цель и блаженство его. И в этом единстве не видит уже он сущности своей, от твоей отличной, всецело отожествляет себя с Тобою, забывая о преизобиловании твоем. Везде — и в себе и в мире — видит он только безразличное единство, т. е. ни Тебя ни мира не видит И тогда или унижает Тебя он, в Тебе признавая изменчивость, отрицая Твое совершенство; или и мир и себя отвергает, как обманчивый Майи покров. Бежит он от мира, бежит от людей, бежит от себя самого Любит Тебя он в ином, творенья твои созерцая, но не умеет любить иного, сущность, Тобой со-

зидаемую, мысль твою · он забыл про иносущность твою всему Тобой сотворенному. Не умеет любить он иного, но любит себе вопреки, и влечет его Тобою созданный мир. И жизнь становится борьбой любви к Тебе с любовью к миру и себе самому; все раз'единяется в муках томительно-медленной смерти... Точно Ты не едина, Любовь, точно есть еще какая-то иная любовь рядом с Тобой!

Так из неполноты Любви, из неясного постижения ее вырастает пантеистическая мистика Востока, не знавшего Христа. Так пантеистической становится и мистика христианской любви Так любовь к Богу делается ненавистью к Божьему миру, стремление к небу — борьбою с землей. Иногда в любви к Божеству теряет краски, ненужным становится мир. Иногда непереносные страдания мира и слабость духа заставляют бежать от юдоли скорбей к неизменной, единой жизни. Но в основе того и другого — одно: недостаток Любви. Любящий не приемлет и не постигает Всеединства Он отожествляет себя с Божеством, познавая лишь единое безразличное, или — Божество с собою, познавая лишь многое раз'единенное, и неизбежно или отвергает мир или обожает его и себя

Живой и малым причастием к Любви, раз'единяется и тлеет любящий, пытаясь оправдать мир, утверждая не жизнь, а смерть. Причастием к той же Любви пытается аскет быть в вечной жизни, уходя от себя и от мира, но утверждает лишь жизнь, забывая о том, что Жизнь выше жизни и смерти Любовь говорит о другом.— Она, открывая любимую, под'емлет над разъединенностью мира и, смерть сочетая с жизнью, в триединстве являет само Божество, в Божестве — все сотворенное Им.

7. Есть своя трагедия и в мистической любви аскета. Ее описал нам св. Бернард.

Охватывает любящую душу восторг; теряет она чувства свои и мысли, не сознает уже себя самое: ощущает лишь небесного своего Супруга, услаждаясь слиянием с Ним. Она не замечает того, как много земного в ее наслажденьи, не замечает, что слова ее повторяют великую Песнь Любви, слова Суламифи. Вошла она в чертог Супруга, проникла в опочивальню Его; и там в об'ятиях Любимого обрела блаженный покой. Тихо беседует она с Возлюбленным; и сладостны безмерно лобзания Его. Вот, утомленная, чутким она забывается сном; чутким, но кратким... Внезапно слышит она пробуждающии зов: «Встань, встань скорее!» — Супруг посылает ее снова на землю, зовет на труд для оставленных долу братьев ее. Не хочет душа отрываться от лобзаний Любимого: с Ним быть сладостнее, лучше навеки забыться на лоне Его. Жалуется и стенает душа, но чувствует она, что уже зачала, что уже «полнеют и словно млеком наполняются перси ее». Волна благости увлекает душу, огонь Любви пылает в ней — ревность о братьях, оставшихся долу. Это — повеление Супруга, но это уже и ее свободное хотенье. Оно заставляет ее встать и встать поспешно. Воля души совпала с волей ее Божественного Супруга.

Так из блаженного покоя теряющей себя, свою личность в слиянии с Всеединым души рождается и вырастает, сама собой, органически, деятельная любовь к другим твореньям, неодолимая и мучительная, как конец одинокого блаженства. После любовного общения с Богом остается душа вседовольной и ангельской, «так что любит лягушек и жаб, даже бесов, и все, что

совершающимся видит». Отказавшись от мира, от себя самого ради Бога-Любви, святой находит в себе неиссякаемый родник любви ко всему бесконечному миру. И любит, и славит он Божьи творенья, и вместе с ними в хоре согласном гимн поет Божеству.

НОЧЬ ШЕСТАЯ

4. Бог есть Любовь, всеединое и единственное Бытие, совершенное, самодовлеющее. Если любовь Он, Он любит. Но нет любви без любимого и любящего, и любящий должен быть иным, чем любимый. Кого ж может любить бесконечное Бытие так, чтобы излить в него всю свою бесконечность и им всю свою бесконечность наполнить, так, чтобы быть совершенной Любовью? — Не меня, ибо если расширюсь я до бесконечности и приму в себя мир и всю бесконечность, я не смогу воспринять Божество, как получивший начало, как несовершенный. Если Божество любит только меня и весь мир, все творенье свое, Его любовь неполна, несовершенна, и оно само уже не есть Божество. Если Бог — Любовь, бесконечное любит Он и любим бесконечным, всего себя изливая в него, и всего его в себя принимая. Но нет и не может быть двух бесконечностей равно совершенных, т. е. двух Богов: не знает границ бесконечное и нигде не находит предела. — Если Бог — Любовь, любит Он от себя отличного Бога, но этот Бог, от Него отличный, и есть Он сам. Едино Божество, едино и единственно; и двойственно Оно, как Любовь, двуедино. Действительно и полно единство Его, но действительно и полно и Его двуединство. Так в любви к любимой моей един я с нею и все же отличен.

Живя Любовью, ею обладая, ее раскрывая в земной нашей любви, у самой Любви учимся мы тому, что

такое она, какова ее природа. Мир — Богоявление, теофания; теофания и каждый из нас, а истинный я, двуединый — явление Бога-Любви. И в опыте нашей любви мы знаем только два вида ее: любовь между единосущными — такова любовь наша друг к другу — и любовь между иносущными, какова любовь наша к Богу и Божия к нам. Иной любви мы не знаем, и только в этих пределах мы можем постигнуть и Бога-Любовь. Ты скажешь «Божья Любовь нам совсем недоступна. Не нам о ней говорить!» — Но зачем же, скажи мне, люблю я эту Любовь и, значит, как-то ее познаю? Зачем она влечет меня, низошла ко мне и в меня в любви к любимой моей?

Двуединство я с любимой моей. Но мы с нею единая сущность, и единство наше — единство двух личностей. Сущность моя и любимой моей тожественна с сущностью всех земнородных, всего Божьего мира. Есть лишь одна тварная сущность, реальная и определенная не в отдельности своей (такой отдельности нет), а в иерархическом целом ее индивидуализаций, все бо́льших, все более конкретных вплоть до меня и любимой моей. Эта сущность — мировая душа, в плотском же своем бытии — Адам Кадмон, весь мир в себе содержащий. Но мир он содержит в себе как многоединство всех своих индивидуализаций, как реальное и конкретное единство, превышающее пространство и время. Весь он во всех обнаруженьях своих и весь в каждом из них; и каждое — весь он, и все вместе — лишь он.

Любовь человеческая — любовь внутри единой человеческой сущности, в себе содержащей весь мир. И связует Любовь не сущности, а индивидуализации сущности единой, две личности, столь же реальные, как

сама сущность их единая, как и слагаемая ими двуединая личность. И любимая и я извечно и неизменно единосущны друг с другом и со всеми людьми. Оба мы — двуединая личность, распавшаяся на две в распадении Адама Кадмона на мужа и жену, воссоединяемая ныне во времени, в неустанном круговороте самоизлияния и самособирания, смерти и жизни. Реальна личность каждого из нас, хотя и не так ограниченно и от'единенно, как предстоит она во времени Реальна и наша двуединая личность: она — целый человек, весь мир содержащий в себе иначе, чем прочие люди, хотя и единый в Адаме Кадмоне со всеми.

Таков один вид Любви, любовь единосущных; другой — любовь моя к Богу и Бога ко мне. Здесь единосущия нет; Бог и я иносущны, если только можно именем сущности Бога назвать. Божья сущность — все, моя же — ничто. И потому, если всецело един я с Богом, непостижно могу всего я Бога принять, любить и постичь, но не в противопоставленности моей Ему, а так, как сам Он себя приемлет, любит и постигает. Не на двуединстве сущностей покоится любовь моя к Богу, а на двуединстве Всего и ничто. Все, что приемлю я — ничто, но в приятии нечто — все «мое», мои мысли и чувства, желания мои и сама моя личность — все только Бог, участняемый тварной ограниченностью моей. Все во мне Божье, но все и мое, дарованное мне и приятое мною. Так едины мы с Богом и различны; так между нами возможна любовь.

Наша любовь, любимая любовь единосущных, указует нам путь к постижению Бога-Любви, Любви совершенной в себе. Тот, кто не нашел избранницы своей, кто любви не познал, не познает и Бога. Тот, кто отверг

горделиво земную любовь, не проникнет и в тайную жизнь Божества. Для него Божество остается только единым. Он себя в Божестве не находит, окутанный вечным сияющим мраком. Только сама Любовь, триединая в двуединстве, в силах раскрыть триединство свое. А она раскрывает его лишь тому, кто ее и в ней любимую любит В нем отражается она, как Любовь единой сущности триипостасного Бога

2. Бог — одна и единая сущность. Но реально различны единосущные Бог-Любящий и Бог-Любимый. И Любящий и Любимый — центры или опоры бытия Любви в Боге или Бога-Любви, ипостаси его или, по подобию нам, Божьи личности, лица. Однако различие между Божьими лицами не может быть таким же, как различие между любящими друг друга людьми — Каждая из ипостасей — совершенная индивидуальность, полнота самообнаружения Божьего; и в то же время обе ипостаси вполне единое, единое по сущности, двуединое в ипостасности своей. Сверхвременно Отец целиком отдает себя Сыну и целиком приемлет отдающегося ему Сына. Каждый из них — всецелый и единый ипостасный Бог, и каждый полно и совершенно выражает себя, как отличную от другой ипостась Сверхсущность Божества, еще не-Любовь, высказывает себя как единую в совершенном двуединстве двух совершенных ипостасей. Она проявляет себя этим не только как сущность, как не-Любовь, но и как Ипостась и Любовь истинно двуединую. В порождении или проявлении ипостасного или сверхличного своего бытия становится сверхсущность Божья Отцом, как Богом становящимся ипостасным и как Богом рождающим

Любимого, Сына: становится и Сыном она, Богом рождаемым от отца и ему единосущным.

Рождение Сына в становлении сверхсущности Божьей Отцом — необходимое условие Любви, как и внутреннее разделение нераздельной. Но это еще не Любовь, ибо Любовь не только раз'единяет и умирает в раз'единенном, а и соединяет, связует раз'единенное во многоединство, жизнь созидая. И созидаемое Любовью единство, как многоединство, не может быть «первым» или сущностным единством Божества. сущность Божья исконно и неизменно едина (не многоедина), и связуются не сущности, а ипостаси. В сущности своей для нас, иносущных, а вернее не-сущных, не-сущих, Бог не есть Любовь и непостижен. Бог может стать Любовью и знаемым только на основе разделения своего. Но ни само раз'единение, ни Отец, ни Сын не есть еще Божья Любовь. Любовь раз'единяясь соединяется, Отец же и Сын любят друг друга, нуждаясь в вечной раз'единенности и в вечном единстве. Такова же Любовь их как и наша любовь. Как и мы, они любят Любовью, не данною еще целостно в рождении Сына Отцом, и Любовь, единая с ними, должна быть и отличной от них. Предполагая раз'единение, соединение является «после» него. Любовь раз'единившись воссоединяется, совершая великий свой круг, хотя она, как полнота многоединства, «перевес» и «раньше» и раз'единения и воссоединенья. Так и в самой разлуке нашей предвечной, любимая, в разлучении нашем слабо мерцает божественный свет отражаемой нами Любви. Любовь Божья едина с Отцом и Сыном, единосущна им: не может же она впасть в Бога извне — вне Бога нет ничего. Но она отлична от Сына и Отца, и отличность

ее может в Боге быть только ипостасной или личной. Потому Любовь третья ипостась, восстанавливающая Божье единство, как многоединство, как триединство жизни ипостасной. Она соединяет, связует Отца и Сына и себя самое.

Берегись ошибиться многозначно имя Любви! — Божество как Сверхсущность Единая — не-Любовь, Любовь превышая Триединство Его ипостасное — полнота и совершенство Любви, сам Бог-Любовь. Оно сверхвременно раз'единяется на Отца, Сына и Духа Святого и сверхвременно соединяется вновь, всегда раз'единенное и всегда единое, сразу — единое, раз'единенное, триединое. Из Него, из Любви Совершенной, исходят и раз'единенье и соединенье. Оно именуемо было Отцом на первом вселенском соборе, когда отцы говорили о Сыне единосущном, как о рожденном «из сущности Отца» (ek tes usias), и оно мыслится нами, когда мы молим Отца, как единого Бога. В этом смысле «Отец» — Божество, становящееся бытием триипостасным, Любовью, и ставшее им. Но в другом значении мы об «Отце» говорим, как об одной из ипостасей. Ипостась Отца уже не полнота Любви, а Любовь, как раз'единяющая, определяющая сила. Он рождает Сына и Духа изводит; Он — Любящий и ответно-Любимый. Равным образом не полнота Любви и Сын, как Любимый и ответно-Любящии, противопоставленный, подобно ипостасному Отцу, и Отцу и Духу. Наконец, и Дух Святой не являет в себе полноты Любви. Дух — Любовь — сила воссоединяющая, восстанавливающая раз'единенное. Он — Любовь-Жизнь, которая противостоит Любви-Смерти. Он — Дух по преимуществу, ибо духовность и есть отсутствие пространственно-вре-

менной и вещной внеположности. Поэтому Он не «рождается», но «просияваетъ» и сияетъ, «исходитъ». Однако исходитъ Онъ отъ Отца «чрезъ Сына» (dia tou hyiu per Filium), ибо Отецъ не мыслимъ и не существуетъ безъ Сына, и наименовавъ ипостась раз'единяющую, т. е. Отца, мы тѣмъ самымъ именуемъ уже раз'единенное, т. е. Отца и Сына, и само воссоединение можетъ быть только чрезъ раз'единенье

Говорятъ Духъ святой или Любовь (въ смыслѣ Любви единящей) исходитъ изъ «того, въ чемъ Отецъ и Сынъ едино», разумея подъ этимъ Божью Сверхсущность. Но тогда уже лучше сказать и вернѣе «изъ того, въ чемъ Отецъ, Сынъ и Духъ», ибо Сверхсущность явлена не въ двухъ, а въ трехъ ипостасяхъ и забывать о третьей значитъ ее умалять. Однако этимъ скажемъ мы мало Ведь не Сверхсущность въ себѣ и сама по себѣ источникъ Любви единящей, а Сверхсущность, становящаяся бытіемъ триипостаснымъ или сверхличнымъ, т е Отецъ, какъ начало триипостаснаго бытія. И говорить, что Духъ «исходитъ отъ Отца и Сына» (Patre Filioque procedit), значитъ или не говорить новаго, поскольку подъ Отцомъ разумѣется не только ипостась, а и ипостазирующаяся Сущность (но тогда почему не упомянутъ и Самъ Духъ, какъ свой источникъ? почему и Сынъ рождается только отъ «Отца», не отъ «Отца и Духа»?), или произносить хулу на Духа Святого и Сына. Дѣйствительно, въ чемъ, кромѣ сущности, единъ Отецъ и Сынъ? — Только въ томъ, что оба они — ипостаси и оба — одно въ триипостасномъ единствѣ. Но въ этомъ они не отличны отъ Духа Святого, ипостаси съ ними единой. Значитъ, надо мыслить какое-то еще особое единство Отца и Сына, не сущностное. — Сущность Божья одна и едина, и въ ней различій нѣтъ —, а особое единство ипо-

стасного бытия, которого у Духа с ними нет. К тому же сущностное единство исключается и тем, что упомянут Сын, а Сын — имя только ипостаси. Если так, то ипостась Духа беднее и меньше, чем две других, обладающих еще чем-то общим, не возместимым в особом, единичном отношении Духа к Отцу и к Сыну, ибо такого отношения у исходящего от обоих не может и быть.

Так попытка уравнять ипостаси в силе и славе кончается умалением ипостасности Духа Святого Дух в этом случае уже низшая, меньшая ипостась. Если же меньше его ипостасность, не совершенно и дело его. Тогда и обожение наше, обещанное Христом, не может быть полным; тогда не будем мы братьями Иисуса и «сынами Божьими», по благодати уравненными с Ним, а останемся подзаконными рабами. И не свободным сыновним трудом мы тогда достигаем единства с Богом, познания Бога и жизни любовной в Нем, но нужен нам внешний закон, как иудеям: точное правило веры, руководство господ, ошибаться уже неспособных. Если Дух Святой ниже и меньше, творческое и искупительное дело Христа не доводит человечества до Богобытия и человечество остается в ограниченности своей вне Бога. Будучи же вне Бога, оно вынуждено жить своим, человеческим, тварным. И вот оно верит в свой малый разум, установляя непререкаемые догмы, горделиво убежденное в своей безошибочности; тщится понять Божество по своему, выразить в своих понятиях и словах, наивно прельщаясь мишурой своей логики. Тело Христово — Церковь строит оно по своему образцу; как государство земное, и ставит этой церкви — цели и задачи земные. Таинственное всеединство становится

видимым для него, «как государство Венецианское», и во главе его — человек. Умалением духа умален и Сын Божий, невольно воспринимаемый только как человек. Отрицание Духа делается отрицанием и Христа; человеческое противопоставляется Божескому, и место Христова смирения занимается гордынею твари. Тварный дух воздвигает престол свои и мнит подобным Всевышнему стать

3. Земная Любовь, вершина которой в любви к любимой, приводит к порогу Божественной тайны, к триипостасному единству Божества Возвышаясь до непостижимой Сверхсущности, видим мы ее как не-Любовь, как единство, в коем нет различенности его полноты, как единство превыше ума, бытия и блага. Постигая его непостижимо, касаясь не касаемо, мы постигаем свою собственную небытность, возвращаемся к тому ничто, из которого низвела нас Любовь. Но единосущное Божество, не изменяясь, ничего не утрачивая и ничего не приобретая, раскрывается вечно как Любовь в своем бытии триипостасном. Становясь ипостасью Отца, Оно рождает ипостась Сына и в нем постигает и объемлет Себя. Но раз'единяясь Оно восстановляет единство свое Собой, как особою Силой, — третьей своей ипостасью, Духом Святым. В Сыне Отец, как начало его, и Сын в Отце, как сопричина отцовства; Дух в Отце и Сыне, как то, что связует их друг с другом и с ним и сливает. Отец в Духе, как отделение или изведение Духа; и Сын в Духе, как от'единенность, чрез которую и в которой осуществляется воссоединение. Дух в Отце, как связь раз'единения с единением, в Сыне,— как единящее начало раз'единяющего. И если нет

Духа, как особого момента Божьего бытия, нет в бытии этом ни единства — свойства раз'единенные не могут сами его создать — ни раз'единенности, ибо раз'единенность предполагает единство.

Дух—Любовь в Отце, но в нем—как Отец; в Сыне—как Сын. В Духе Отец и Сын—как Дух. Иное отношение немыслимо в совершенных и абсолютно-простых И если бы в Духе был какой-то иной род бытия, Он не мог бы всецело находиться в Отце и Сыне; и если бы не было в нем всего, что есть в Отце и Сыне, Он бы их не вмещал в себе. Дух Святой — такая же ипостась, как две других. И не ошибается любовь моя к любимой не только в том, что единая с нами Любовь отлична от нас, но и в том, что Она — начало личности нашей. Даже когда не думаем мы о Боге-Любви, а любим Истину или Красу, тожества их с Богом не зная, чувствуем мы, что нам мало жизни вдвоем: нам нужно с иным, с третьим, сорадующимся нам, разделить наш восторг. И разве тот, кто любит, не хочет говорить о любимой другу своему, рассказать ему о красе ее, от него услышать любимое имя ее? Но он прав и тогда, когда вместе с любимой бежит он от взоров людских и скрывает свою любовь, ибо истинный третий и есть сама Любовь, всех содержащая в себе.

Любовь познает: она—само познанье, как единенье того, кто познает, с тем, кто им познаваем. И начало познанья, как начало самой Любви, в раз'единенье, в «Отце Истины». Сама же живая Истина, как познаваемое и познающее ответно, то, что рождаемо Отцом — Сын, Предвечная Мудрость, Логос и Ум. В Логосе Истина, единая раз'единенность Всеединства, Отец как раз'единенье, Дух как единенье.

4. Не могу познать себя я всецело и постичь как единство или личность, не собрав себя самого; а собрать себя я могу только, если не безграничен я и если за гранями моими что-то мне противостоит. Самостяжение, самосознание созидает личность, в самобытии своем необходимо ограниченную. Но в любви моей познаю я, что моя личность лишь часть высшей личности, другая половина которой в любимой моей. В любви превозмогаю я грани моеи личности, в то же время впервые их ясно очерчивая, и сознаю себя личностью двуединой. Двуединая личность моя становится в том, что, сознавая себя определенным, ограниченным единством, я вбираю в себя столь же определенное или ограниченное единство любимой и всецело себя изливаю в него. Так утверждается личность моя и ее, так утверждается и наша двуединая личность. Но двуединою личностью себя сознаю только в ограничении моего двуединства тем, что противопоставляю его Любви, ее вбирая в меня двуединого и ей себя отдавая. Отдаваясь же ей, уношуся я в безграничность, расширяюсь и утрачиваю себя, если нет пределов Любви.

Бог становится Богом личным, лучше сказать — сверхличным в троичном самостяжении своем. Он всецело раз'единяется на три взаимно ограничивающих друг друга ипостаси, в них исчерпывая до конца свою бесконечность. И Он завершается, как бытие сверх-личное и как «сверх»-бесконечное, в полном единстве своих ипостасей. Каждая из ипостасей есть как бы личность, ограничиваемая двумя другими и тем являющая триединство Любви. Но каждая вместе с тем устраняет грани свои, изливаясь в других и их приемля в себя. Поэтому каждая и ограниченна

и безгранична или, вернее — на пороге безграничности, ибо безграничность уже не ипостась, а триипостасное единство.

Так, погружаясь своим двуединством в Любовь, в ипостасной Любви или в Духе Святом я достигну порога безграничности и увижу себя «в Пресвятой Троице посредине ее». И тогда откроется мне сама Божья Любовь в нераздельной неслиянности ипостасей, Любовь Бесконечная, Триипостасная во мраке единства

5. Всесовершенная Любовь, несовершенно именуемая Любовью, — всецелое самоизлияние в любимого и всецелое приятие его Не наслаждение Она, ибо наслаждение только приемлет и обладает, и не страдание, ибо страдание только отдает себя и обладаемо; не жизнь — жизнь лишь самоограничение в самосоздании, и не смерть — смерть лишь самообезграничивание в распадении, не любовь, ибо любовь только утверждает другого, не ненависть — ненависть только его отрицает. Но Любовь выше наслаждения и страдания, жизни и смерти, любви и ненависти. Она — многоединство их ничего в них не умаляющее; Она — их усовершение

Благословенна Ты, Любовь всепрощенья и страдания, Любовь в слезах любви источаемая, скорбная сладость униженных, от всего, от себя отказавшихся! Благословенна Ты, Любовь-Утешительница, Смерть тихая и благостная, святая молитва вечерняя, косые лучи солнца закатного! Благословенна ты. Любовь, огонь поядающий, громокипящее пламя и вихрь разрушенья, Смерть неотвратная, муки стенания! Благословенна. гнев Божий, ярость неутолимая, ненасытность дикая. ненависть безмерная! Ты, в слезах веселая, смехом в

стонах радостна, Сила Беспощадная, лик Отца пылающий!.. Благословенна Ты, Всеединая Любовь!

Божественная Любовь, в которой свобода ее есть сама необходимость ее природы, довлеет себе: в Божьем триединстве совершенна она и полна. Ничего нет вне ее, и ни в чем она не нуждается. Никаким созерцанием не узреть в ней необходимости излиться во вне, сотворить и любить нас и все сотворенное ею... но мы существуем и чувствуем себя творением ее; мы видим, как во всем мире проявляет себя, как весь мир творит и содержит Божья Любовь. И новое узреваем мы в Боге. — Самодовлеющая Любовь не самодовлеет бесконечная в себе не бесконечна, всецело Божественная не всецело Божественна, сокровенная раскрывается, непостижная постижима! Непостижимо Всеединое, в котором нет Любви, нет расчлененности, нет и меня, — непроницаемый мрак, бездонная бездна. Но вот воссиял свет во мраке над бездною· — Божество раскрывает в Себе триипостасное единство Любви. И вместе с прехождением Божества из мрака в свет, в свет приходим и мы. в рождении Сына рождается и наше познание, в сиянии Духа сияет и наша любовь.

Сознавая себя творением Божьим, Бога приемлющим ничто, мы познаем Бога, как Любовь, свободно и самоприродно изливающую себя во вне, хотя вне лишь ничто, познаем Его, как Благо и Благость Бесконечную. Нет в Боге необходимости быть благим. Он совершенен в Себе самом. Но мы узреваем себя, как создание Его благости, и уже знаем, что Он — Всеблагой, и постигаем уже, что Его абсолютность выше противопоставления абсолютного относительному, Его Божественность превышает различие Божества и Творенья. Бог —

Бесконечная Благость. Но Благость бесконечна только в том случае, если всю себя всецело изольет во вне, если в ином вся отобразится и будет. Она бесконечна, если нет ничего, чего бы Она не могла даровать, т. е. если иное, в которое Она изливается, является наиболеенейшим, полною скудностью, абсолютным ничто. Если Бог всеблаг, Он творит нечто из ничто и делает нечто Собою самим. Являя Себя во вне, т. е. в ничто, Он тем самым делает это ничто непостижимым нечто, которое само по себе не существует, но свободно делается Им, Его приемля.

Тварь должна воспринимать Бога с в о б о д н о, ибо в этом смысл ее создания с в о б о д н о ю Всеблагостью. Если тварь не свободна, вся Благость в нее излиться не может. Однако тварь получает начало от Бога, а потому не бесконечна и, повидимому, не может воспринять в себя всю Благость Бесконечную.—Всемогущая Благость, которая не может остаться неосуществленною, сопровождает творение вторым своим делом: полным обожением твари чрез излияние в нее и ее расширение Этим превозмогается начальность твари, т е. тварь становится всецело бесконечной, а, так как начальность то же самое, что изменчивость, то и неизменной. Так тварь делается безначальной, оставаясь и начальной, получившей начало; всеединством— не переставая быть ничто, Богом — не переставая быть тварью. Но потому и Бог должен стать и начальным, и своим собственным творением.

Всеблагая Любовь неизменна, в ней все совершается — будет свершаться — и все свершено. Она — сверхвременна, выше всевременности. В ней осуществлена ее цель, ибо иначе она не была бы совершенной. Не было

в Боге ни одного мгновенья, когда бы мир не был Им создан, искуплен Им и обожен. Не совечен мир Богу, как получивший начало и начальность свою сделавший временностью; и не исчезла начальность мира от того, что обезначалена Богом. Начальность выражается в самой природе творенья; она и есть сама тварность и вместе — изменчивость. Тварь могла и может осуществить в себе цель Всеблагости, т. е. приять в себя Бога всего и стать Богом, только путем перехода от небытия к бытию совершенному, т. е. путем изменения. И это изменение, тварное соответствие неизменному творчеству Благости, имеет значение только для твари. Для Всеблагости изменения твари нет, и Всеблагость содержит его в себе лишь делая его неизменностью. Как свободная, тварь могла едино-мгновенным усилием приять Божество; но могла и ослабить свое напряжение в длительности выполнить выполненное Богом и выполнимое для нее самой единомгновенно. Тварь могла всевременность временною всевременностью сделать. Но для всеединой сверхвременной Благости временности быть не может: временность об'емлется вечностью, внутри ее, а внутри не как нечто самобытное, словно распирающее вечность.

Тварь могла единомгновенным усилием воспринять все Божество; но удержаться в этом восприятии по собственной природе и силе, т. е. как изменчивая, как тварь, она не могла. Тогда бы она стала неизменной, т. е. преодолела свою собственную природу; а такое преодоление могло быть свершено только силою Неизменного. Но тварь создана свободной, а потому необходимым условием преодоления ее тварности, силою Божьей в Боге исконно свершенного, было свободное,

полное приятие тварью всего Божества Совершенно же приять Бога, т. е. истинно жить, значит совершенно отдать себя Богу, т е. от себя отказаться и умереть И до той поры, пока Человек, как всеединство творенья, не достиг собственным своим свободным усилием совершенства Любви, утверждение его в неизменности было бы для Благости нарушением ее цели.

Всеединый Человек, несомненно, приял Бога иначе бы он не существовал Но он не приял Бога целиком.— Он приял Его, сделал собою и себя утвердил только как жизнь, отдать же себя Богу, умереть в Нем для истинной жизни и полнои не захотел. Поэтому жизнь Человека — ограниченная жизнь, не единая со смертью, а противостоящая ей, страшной для человека как гибель его самоутвержденной личности или не полной Поэтому познание. Человека — раз'единеное или разумное, основанное не на единстве, а на противоречии, подобно змию — разлагающее и питающееся мертвым, прахом земли. И разумное познание становится «познанием добра и зла», относимых Человеком к себе самому: добро — его жизнь и самоутвержденье, зло — его смерть и отказ от себя. Так возникает иллюзия смертности — наивная надежда не умереть, когда сама ограниченность жизни есть уже смерть В нравственной жизни все это — односторонность и ограниченность гордыни, от'единенной от смирения; в жизни вообще — раз'единение духа и тела внеположностью времени и пространства, распад единой личности на мужа и жену. Во всеедином духе, закосневшем в гордыне или самоутвержденности своей, источник того, что религиозный миф называет «падением» Адама. Не «падение» это — но недостаточность любви, недостаточность усилия в

приятии Блага, кажущаяся падением по сравнению с должным или идеальным состоянием.

6. Вместо полноты богобытия Человек во времени достиг лишь богобытия неполного. И та плоть, которую, по преданию, облекал он при разделении на мужа и жену, те «кожаные ризы», которые дал ему Бог, не нечто грехом созданное. Плоть не огрубела, но — только не достигла совершенства и полноты просветленья. Утвержденный в гордыне своей, Человек вопреки упорству ее осуществляет закон смирения. ограниченную жизнь сменяет он ограниченной смертью, достигает единства их не единомгновенно, как мог бы, а в медлительном течении времени, внеположно в пространстве. В этом эмпиричность его бытия, для-него-явление изменчивости его или тварности В Божьей же Благости все время его и все пространство даны во все-единстве, являя сразу и природную его изменчивость и сверхприродную неизменность.

То, что едино в Божестве и Богобытии, раз'единено в твари, внеположно-изменчивой и неизменной, тварной и Божественной. По недостаточности свободного усилия своего Человек (в себе самом, не в Боге) приемлет Любовь участненно и раз'единенно. Этим он созидает для себя (только для себя — не для Бога) особый мир или особую реальность мира, точнее — недостаточность реальности мира, как суб'ективную реальность, раз'единенность, как неполноту единства. Возникают в нем пространство и время, жизнь и смерть, наслаждение и страданье. И распавшись на мужа и жену, распадаясь и множась в безчисленности рождений возвращаемой в единство бесчисленностью смертей, бес-

силен он или — мы в нем бессильны целостно вознестись в Богобытие, в котором уже пребываем по неизменности нашей

В истинности своей причастные Богу, совершенное подобие и образ Его, знаем мы цель Божьей Благости и нашу цель, как идеальное наше состояние, изменчивые, сознаем свою неизменность. И в эмпирической, «суб'ективной» недостаточности нашей познаем свою леность, как вину раз'единенности этой недостаточности: страданье и смерть — как справедливую кару. Ничто, абсолютное ничто, недостаточность стала для нас реальною силой. Но возмещается недостаточность усилия недостаточностью единства, вина — карою. В единстве их полно завершаемое для нас во времени и пространстве причастие Божеству. Но даже для нас все сопряженнее чем думаем мы. — Я ощущаю мое страданье и тление, мою смерть не только как справедливую кару за мою вину, а и как нечто не от меня одного зависимое. Иногда негодую я на непонятную мне жестокость, иногда, подобно Моиссю усматривая во всеедином Человеке праотца, виню моих отцов. Знаю, что несу кару за чужие грехи, за грехи всех. И в свете Любви чувствую свою вину перед всеми, муками искупающими ее, как невинные дети страданьем искупают распутную жизнь отцов. И понятны слова умирающего брата старца Зосимы .. Виновен я перед всеми: во всех грешу я. Из за меня стенает и мучится, тлению трудится несмысленная тварь. Откуда же чувства эти, если я не Адам Кадмон?

«За что, скажи, я страдаю в любви нашей, не по моей, а по твоей вине? Почему мне приносишь ты сердце, опаленное страстью к другим и других? Искала

и звала я тебя — ты не слышал, не слышал меня. Томилась, любовь мою убивала, ты же искал меня не во мне. И вот теперь вместе с тобою входит в меня и мука твоя, горький плод желаний безумных и холодных измен? Где же в тебе мой избранник, непорочный и светлый? — В муках и горе его ты находишь, возмещая страданьем измены свои. Но почему же должна с тобою страдать и я? Почему во мне, тебе верной всегда, ты не весь?

— Ты же знаешь, что все мое было и будет твоим В нашей любви ты найдешь всего меня. И для тебя еще лучше будет, еще светлее непорочность лет моих юных оттого, что не тебе, а другим безрассудно я отдал ее. Подумай, хочешь ли ты сейчас не меня, а того, который когда-то был и тебе изменял? Мог ли бы он так тебя понимать и любить? В одиноких исканиях жизни твоей пришла ты к тому, что нужен сейчас тебе я таким, каков я теперь. Не жалей же о прошлом — таким, каков был я, тебе так я не нужен; и если бы ранее встретились мы, не раскрылась бы ната любовь. Ведь всегда в тебе самой ты жила такою, как ныне; ведь в тебе и теперь возможности скрыты ошибок моих. . И зачем ты считаешь страданья? — Все они возмещаются каждое радостью своей .. Не один я избрал этот путь нашей любви. — Мы вместе с тобою избрали его. И если я виноват в изменах моих, виновата в них и ты. Всегда мы с тобою были одним, незримыми узами связанные; все вместе решали, вместе ошибались, страдали и радовались. И только вместе, как одна двуединая личность, сможем и дальше идти по дороге нашей любви...

Вина моя — вина всех; вина всех — моя вина. Всё во всем. Во мне грешит и страдает, грех искупая, всееди-

ный Адам; во мне виновен весь мир. И не в силах один я в оторванности моей, мнимой, хотя для меня и реальной, преодолеть вину-кару, победить тление и достичь жизни чрез смерть. Ибо нет «моей» вины и «моей» кары — есть лишь вселенская кара-вина. Она и вне меня, в других, и во мне И мое преображение должно быть преображением всего человечества, а в нем — всего мира.

Полнота причастия к Благу — в причастии к нему всего тварного всеединства в Адаме Кадмоне: и переход в Богобытие возможен лишь как всеединое дело Адама. Оно же вместе с тем и нисхождение в Адама, а чрез него и во всякое творенье, самой Благости, Бесконечной Любви. Это завершение Божьего творческого дела, Боговочеловечение, как полнота обожения. В Боге оно не зависит от твари, от того, как приемлет Бога Человек единомгновенно или временно. Нам, живущим в созданном нами же времени, предстает оно временно отделенным от творенья и еще не завершенным, несмотря на завершенье его во Христе Иисусе. Длительность и раз'единенность мы сами для себя создали, соткали многоцветное покрывало Майи, себя им одев, не Бога. Для Бога нет нашей иллюзии — нашего времени и пространства, нашей жизни и смерти, наших наслаждений и мук.

7. Неужели же мир только сон, то радостный — то тяжелый? Неужели нет нашей жизни, нет знанья и лживы бесплодные наши поиски Бога и правды? Неужели и ты, моя избранница, только светлая греза моя? Неужели бессмысленна земная любовь?

Свершилось бы Боговочеловечение даже, если бы Человек и не «пал», если бы не было эмпирии нашей. Но

Бог не только вочеловечился — Он воплотился, т. е. принял в Себя нашу грубую плоть, нашу жизнь земную. Бог вочеловечился в недостаточности Человека. Он не стал сам недостаточным по бытию, косным в своей Божественной и в приятой Им человеческой воле. В Нем нет вины перед Богом и нами, перед Собою самим. Но, осуществляя свою всеединую человеческую волю, Он осуществляет ее в раз'единенности времени и пространства. Этим Он подчиняется закону земного бытия, приемля зрак рабий, раз'ятость жизни и смерти: родится, страдает и умирает Не принимая вины, принимает Он кару в свое Богобытие Но обожая всю нашу эмпирню, Он преображает ее из иллюзии в Божественную действительность. И если правда, что родился Христос на земле, что страдал Он и умер, реальна вся жизнь наша, истинно наше знание, полна смысла ната земная любовь. Совершенно Всеединое Божество, и ничто обогатить Его не может. Но во Христе обогащает Его наша тварность; и непостижимым образом Бесконечная Любовь творя нас новое творит и в Себе.

Вспоминаются мне наивные сказки о рае. Как когда-то я смеялся над ними, невольно ими умиляясь! И не верил я в нежные поцелуи ангелов, в их игры и тихие танцы . Но все это правда, чудесная правда мифа... И мне уже кажется, что и мы с тобой, любимая, будем ходить нагими стопами по пестрому лугу обители райской, попирать нежные цветки, вечно вновь оживающие. И с Богом самим буду говорить я о твоей красе, вместе с Ним смеяться над смехом твоим беззаботным. Только, пожалуй, Он смеяться не будет. Ему не идет громкий смех, и ответит Он мне ласковой, мудрой улыбкой...

Итак каждый миг земной нашей жизни — миг Вечности Божьей, в ней единый с другими и все же отличный от них. Чрез Боговочеловечение он реален и для нас и для Бога. Поэтому реальна и вечна в себе и для Бога живых моя ограниченная, земная личность. Но не в том смысле бессмертна она, что для нее есть еще какое-то иное бытие за пределами времени, в каком-то времени бесконечном. — Нет и не будет нашего временного бытия за пределами нашего времени. Полнота эмпирической жизни во времени только и существует. Но само время, а в нем и все временное и эта моя эмпирическая личность находятся в вечности. Моя ограниченная личность об'емлется моею личностью высшей, в ней бессмертна и реальна, как момент ее, и реальна потому, что сама ограниченность моя во Христе стала истинным бытием. Не иная какая-то жизнь предстоит моему эмпирическому я; но вот эта самая жизнь земная, которою ныне живу я. Именно она не исчезнет и не погибнет, именно она и бессмертна.

НОЧЬ СЕДЬМАЯ

1. Как возможно мое эмпирически-ограниченное бытие в Безграничном? Ведь не могу я, как личность конечная, целиком принять: полюбить и познать Бесконечного Бога. Для того, чтобы цели достигла любовь моя к Богу, должен Богом я стать, и личность моя должна перейти свои грани, т. е. исчезнуть, перестать быть собою Неудержимо стремлюсь я в таинственный Мрак, растворяюсь в этой ночи, беззвездной и тихой . Но вот со мной и с тобою, любимая, светлая Спутница наша туда же стремится· Мрак приемлет Она и в Него погружается, Триединая Божья Любовь. Я стремлюся Ее воспринять, но не силах, конечный, вместить Бесконечность; а теряя грани свои — теряю себя. Но Любовь в Себе воздвигает новые грани — Духом-Любовью становится, движется недвижно Себя утверждая и всю Себя изливая, и воздвигая пределы Себе и разрушая их снова. В этом явленьи Любви я опору ищу двуединством моим. И ее я люблю, и в нее изливаюсь. Двуединство наше конечно: расширяясь до меры Любви ипостасной, вместить оно может Ее. С Нею сливаясь, с Нею утратит оно и себя и свои грани, но снова найдет их в гранях Себя утверждающей Ипостаси. Так в любви к тебе, к любимой моей, проникаю в мое и твое двуединство, в нем приемлю Духа-Любовь и Духу-Любви отдаюсь; в Духе-Любви приемлю Отца я и Сына, им отдаваяся с ними сливаюсь и грани теряю, в

их Триединстве с Любовью — бесконечная личность; в Нем, в Триединстве в Божественный Мрак погружаюсь и снова в Нем из Него восстаю.

Все мне неясно мое двуединство, неясно — как высшая личность — Нет еще во мне совершенства и полной силы любви к тебе, от меня отличной, со мною единой. И двуединство наше больше и шире, чем ты и чем я. в нем все люди, весь Адам, а в Адаме — весь мир, приемлемый нами. Лишь полнотою нашей любви, лишь всем ее напряженьем наше мы двуединство, наше многоединство сможем постигнуть как личность До той же поры предстает нам наша двуединая и в двуединстве своем всеединая личность только в мгновенных прозреньях, в неясных чертах. И не можем себя двуединого мы Любви ипостасной, как личность, отдать; не можем и Ее восприять в себя, как совершенную личность. Мы созидаем свою двуединую личность; но и Любовь ипостасная в нас ее созидает Она нас принимает в Себя, а в нас — весь мир всеединый Всеединство же мира — только приятое полным ничто Всеединство Божье, Божественный Ум и Разум, Слово и Сын. И любя нас Любовь - Дух Сына любит, и мы любовью единые с Духом - Любовью, в Нем и чрез Него любим Слово - Христа. Так в Божестве Триедином находим мы чрез Любовь основу свою, основу личности нашей. В бездну Его погружаясь, встречаем неколебимый Предел — Крест равноконечный и на нем распростертым Творца и Спасителя мира.

Я, всеединый Человек, Адам Кадмон, созидаем из ничто в Рождаемом и Созидающем, в Сыне. Я возникаю в Его ипостаси, и в Нем же силою Духа-Любви возвращаюсь в единство Отца. В самом Триединстве сверх-

личность моя, погружающаяся в Божественный Мрак; в Сыне — мое бытие, моя истинная личность, моя жизнь и познанье мое, в Нем — мое двуединство, и я одинокий, и ты Чрез Сына и только чрез Сына доступен мне ветхий деньми Отец, Любовь и только Любовь, Дух Утешитель, в Сыне связует меня с Отцом и с Собою

Христос любит во мне Адама Кадмона И Адам уже не ничто, а все — ничто, Христа в себя приявшее и Христу противостоящее И любовь Христа к Адаму — приятие Христом в Себя всего тварного· тварной сущности, тварной души и воли Все Христово в Адаме и все Адамово во Христе. Христос есть Адам, и Адам — Христос. Но Христос — Второй Адам, по всечеловечеству своему сущностно единый с Первым и все же от него отличный· отдельный как личность И связь Божьего с тварно-человеческим не вне Божества, а в самом Божестве, во втором Его ипостаси, в Слове предвечном Логос, как Божество, нераздельно и неслиянно соединен со Христом-человеком, составляет с ним в ипостасности своей Божественно-тварное единство, в котором обожением преодолена начальность или ограниченность тварного, не престающего быть тварным. И не нарушена полнота единения иносущностью Бога и Человека, ибо тварная сущность сама по себе ничто и только как Богобытие существует.

Самосознание или личность Первого Адама—только неполнота Божественно-Ипостасного самосознания. И в совершенном единстве со Словом Человек как личность — сама Ипостась. Только тогда Христос единый Богочеловек. Но Христос возлюбил и любит человека, а потому должно быть у Первого Адама и его тварное

самосознание, его тварная личность. Но Первый Адам любит Христа, как бытие, ему противостоящее, а потому отличает себя. Адам Кадмон — всеединый человек, муж и жена, андрогин. Однако, как любимый Христом, как творимый и образуемый Им, он уже не Адам, не муж, а жена, праматерь Ева, в своей спасенности— Непорочная Дева и Церковь, Невеста Христова. Благостью Божьей, Любовью Логос Себя целиком в ничто изливает — творит Себя в Адаме Кадмоне, создает Адама. Адам Кадмон всеедин, и муж и жена. Как любимый Логосом как творимый и образуемый, он — жена и невеста, как слитый в единство с Логосом, он — Адам Небесный, Второй, Богочеловек.

Многоедин Адам Кадмон. В каждом я он весь; и во мне, как в Адаме, все я другие, только по моему; и я, как Адам, во всех. Ни одна личность не гибнет во Всеедином Человеке она целиком сохраняется в нем и живет. Но в нем, оставаясь собою, едина она со всеми. в них так же, как все они в ней. Если же таков Человек Всеединый, таков же и возлюбивший его Богочеловек. Ипостась Сына — единство по отношению к ипостасям Отца и Сына, — многоединство в себе самой. Потому и реально многоединство Адама, потому и реальна и бессмертна каждая личность.

2. Двуединая личность я, когда, опознав в увлекающем меня чувстве чувство любимой моей, я отдаюсь ему, с ним сливаюсь, им становлюсь и теряю себя. Так иногда несет тебя на море ветер, и вдруг ощутишь ты себя этим ветром, собой наполняя парус лодки твоей, вздымая высокие волны, врываясь в расщелины скал... Так в полуденный час, когда все замолчит и жи-

вет напряженьем недвижным в лучах палящего солнца, слышу я прозябание трав, чувствую, как под'емлется сок в стволах и сучьях деревьев, как все чего то ждет и что-то приемлет... и вдруг теряю себя и живу всеединою жизнью...

Я теряю себя погружаяся во всеединство. И боюся утратить я в нем того, кого так люблю, что-то мне дорогое безмерно И люблю я Любовь в одиночестве также моем. Неужели же и Она меня в одиночестве личности моей тоже не любит? неужели в глазах моих не смотрит в очи любимой моей? Хочу я быть безмерно богаче и шире, чем ныне; но не хочу отказаться и от самососредоточенности моей, от моего ограниченного я. И не о себе думаю я — о любимой. Должен я быть чем-то собранным в себе и отдельным, чтобы себя ей отдать; должен быть таким, каков ныне в эмпирии этой: таким она любит меня.

Христос не только Всеединый Человек, Второй Адам. Он — Иисус из Назарета; человек рожденный и умерший, брат нам, один из нас. Он не только вочеловечился — Он еще воплотился· принял в Себя ограниченность нашей временно-пространственной плоти. Он не только воспринял в Себя всех нас и каждого из нас, но и индивидуальную человеческую душу и волю, став одним из нас, сыном Марии.

Единство во Христе — Его ипостась, сопрягающая два естества и две воли. Самосознание Христа — самосознание ипостаси, в которой нет противостояния между нею самой и личностью Христа-Человека. Христос—единая личность или ипостась в триипостасном Бытии. И нет того, что может отличать человеческую личность от Божьей, т. е. тварного самосозна-

ния, ибо по мысли Творца Всечеловек, как Христос, должен обладать не самосознанием, а Богосознанием. Но поскольку Адам не Христос, а тот, кого Христос любит и приемлет, он обладает *своею* личностью, иною, чем ипостась Христова, ибо эта личность ощущает себя как приемлющая Бога и Богом приемлемая тварь. Он — Адам Кадмон, приемлющий Слово; он — Ева Праматерь, себя Ему отдающая. Он — сотворенная Божья Премудрость, София, отпавшая, как София Ахамот гностических умозрений, единая с Логосом — как Непорочная Дева. Никогда не слабела воля Христа-Человека, никогда от Божества не отпадало человеческое Его естество. Но сознавая Себя Богом своего человечества, Им сотворенного и обоженного, Христос как единое самосознание, должен сознавать Себя и творением Божьим, любящим Бога, стремящимся к Богу, должен сознавать в человечестве своем *возможность* паденья, преодоленную волей и устраненную силою Божией

Во Христе - Всечеловеке существует и реально всякое личное бытие, и твое и мое Но существует оно в Нем непостижимым для одинокой личности образом, размножая, но не нарушая единство Становясь Иисусом Христос обожает единично-неповторимый момент всечеловечества и тем утверждает полную реальность индивидуального бытия. Этим Он осуществляет Всечеловека не только из своего и его всеединства, но, подобно каждому из нас, и из одного момента всеединства... Христос являет Себя в Иисусе, как в индивидуальном человеке, едином лишь в преодолении времени и пространства. Он подчиняет Себя ограниченности неполного тварного бытия, указуя

путь к исполнению его в утвержденьи Жизни истинной чрез относительную смерть относительной жизни.

В свершении всей земной жизни Иисуса совершенна Его индивидуально-человеческая личность, но и в совершенстве своем она остается ограниченною, хотя и единою с Его человеческой личностью и ипостасью. А это невозможно, если не было в Нем индивидуально-человеческого самосознания, которое чувствовало себя оставленным на кресте и молило о миновании Чаши. Но если ограниченно самосознание Иисуса, оно не противостоит, не противится Божескому Его самосознанию: оно сознает, что «от Бога изошло и к Богу отходит». Иисус знает, что он и Отец — одно. Он в Отце и Отец в Нем. Личность Иисуса — ограниченное, хотя в ограниченности своей реальное обнаружение ипостаси, которое во временном бытии то предстоит как ограниченность, то являет себя как полная слитость с Богосознанием.

Реальность или Богобытие личности Иисуса всецело обосновывает реальность моего индивидуально-личного бытия и неуничтожимость его, если люблю я Иисуса, если Иисус любит меня. Если Слово Божие — Иисус, я могу любить Слово не теряя себя. И есть тогда у меня, что отдать Иисусу, и могу я тогда вместить Иисуса Сладчайшего, такого же человека, как я сам. И чрез любовь к Иисусу открыт мне путь в Божество без утраты меня.

3. Всецело изливает Себя в созидаемое Им тварное всеединство Слово, Отцом рожденное и Любовью-Духом насыщенное, и всецело приемлет в Себя это всеединство, конечное делая бесконечным, изменчивое —

неизменнЬім, свободное — превЬішающим свободу, тварное — Собою. В Богобытии отличнЬі, но единЬі самоизлияние Любви в творимое Ею, обожение этого творимого и возвращение Ее в Себя с ним, Ее свободно приемлющим. В тварном причастии k Бытию и Любви все это проявляется, kak некоторая иллюзия относительной раз'единенности, существующая tolЬko для твари и в твари. Однако ЛюбовЬ Бесконечная неким непостижимЬім для разума образом делает истиннЬім бытием, т. е. Собою, самое ущербленностЬ тварного бытия Всесовершенное raskrЬivaet свое совершенство чрез волЬное отречение от него в становлении иного и усовершении Себя этим инЬім.

Всё во всем, и kaждая личностЬ estЬ центр всединства. Но в ведомом нам мире, и в земном и в тварно-небесном — истиннЬій центр всеединства Христос, не ангел, не дух бесплотнЬій, а Человек. Все сотворено во Всеедином Человеке, в Адаме Кадмоне, отлично, но не отдельно — человек и мир, душа и тело, муж и жена, и все в нем многоедино единством его с Божеством чрез Христа. Однако в себе и для себя, kak творенЬя, Адам еще не достиг совершенства. Не приняв всего Бога, не отдав всего себя Богу, он от Бога «отпал», разрушил единство Любви. И не в Богобытии он еще для себя и в себе, а в бытии неполном—в раз'единенности, в роковом круговороте времен. От'единяясЬ от Любви, разрушая само единство, он не в силах его сохранитЬ и внутри себя самого: распадается на человека и мир, на душу и тело, на мужа и жену. И в отпаденьи своем он не единство материи и формЬі, а больше — образуемая формой материя, жажда оформленЬя, София Ахамот, ниспавшая из Божественной

Плиромы и в муках взыскующая небесного Жениха своего. Поскольку хранит он в себе образ и силу единства, поскольку образует себя и мир, он — Адам; поскольку утратил единство и, немощный, о нем вожделеет, он — Ева, в ней же, в Жене — начало греха.

Но в Богобытии павший Адам восстановлен извечно. Рядом с ним, его превышая и от него не отдельный — Второй Адам, Богочеловек. Богочеловек соединяет в Себе Божество и Адама. Он — муж совершенный и, как совершенный, — муж и жена, андрогин. Он и Адам и жена Его, уже Непорочная Дева. Он в созидаемом Им человечестве своем — Его, но — сотворенная Премудрость, София, тварная ипостась и, как всеединство людей и в них мира, — Церковь. И София - Церковь и Он сам и и Невеста Его, любимая Им. Нам, еще не свершившим того, что должны мы свершить и свершим, неясен лик Всеединой Софии, трудно отличен от лика Христа. Недосягаем еще ее на столпах семи созидаемый храм. Чтимая во всем мудрствующем, она все еще сокровенное тело Христово.

Тогда лишь возможно полное общенье любви между мною и Церковью - Софией, когда и мое эмпирическое я находит себе в ней реальное соответствие, когда она предстоит мне и в индивидуальном лике своем. И только тогда полна Любовь между Церковью и Христом, если и Церковь такая же личность, как Иисус. Это и есть Пречистая Дева Мария, непорочно приявшая всю полноту Божества, Любви, и родившая Иисуса, супруга и мать, земное явление Церкви - Софии.

4. Женственность, Вечная Женственность, тайной манящее слово... В тебе, в любимой, ищу я значенье

его.—Не она ли, женственность, поглощает тебя, как глубокая тихая бездна, когда склоняешься ко мне, словно ждешь, чтобы всю тебя я об'ял и собою закрыл, тишиною лаской и силой? Кажется, точно тогда в тебе расплавляется все и становится целостной нежною дремой. Но вот уже и во мне эта дрема—не ты ли сама, вечно-женственная?—только как будто сильней и уверенней стала она, из сна в бодрую жизнь превращаясь. В эти минуты в меня проникающего твоего самозабвенья чуется мне близость твоя с жизнью природы мир тихо живет в тебе, а с тобой и во мне, грезит и дышет, течет в крови и темнеет в глазах . Ждешь ты чего-то в истоме, тускло-мерцая из-под длинных ресниц расширенными, непонятно-прекрасными зрачками. . ждешь моей мысли и воли; хочешь, чтобы себя целиком и свободно явил я в тебе.

Холодна и бледна, далека от жизни моя отвлеченная мысль; уловить бессильна она многоцветность Божьего мира. Не сплетает меня с трепетаньем ярко-зеленых листьев весенних... Забыл я имена цветов и животных, что когда-то с тобой повторял я в раю. Я забыл их, а ты все помнишь, и у тебя я снова учусь. . Всякая мысль твоя так пленительна яркостью жизни: мир в тебе для меня оживает и дышет дыханьем Любви.

Женственность — темная, чуткая жизнь природы, одна во всем и везде; — ночь любимая мною, безмолвная ночь, ждущая света, который раскроет богатство таимое ею. Женственность—жгучая жажда оформленья, цепкая, ревнивая в единстве своем. Она влечет и зовет таинственной бездной, многоголосой, поглощает как мрак. Но ждет она не победы своей, а победы над ней. Мужественность насильственно разверзает, рас-

членяет единство женственности, разрешая его во множестве. Она образует или оформляет, но — участняя, противопоставляя; развращая. Она — определенность, но в бесконечности своих определений—дробление и уничтоженье. Властно мужественность разрывает послушную женственность, но в бесконечности разрыва теряет себя самое и гибнет, тонет в женственности, в пучине бездонной ее. Пассивно дает бытие всем определениям мужественности женственность, но теряет в этом единство свое, разделяяся губит свою непорочность и гибнет.

Победы над собой, сказал я, женственость жаждет. Но разве не одно я с любимой моей; видимо ее образуя, не себя ли я в ней образую, не она ли меня образует в себе? Это оформленье не моя, а наша мысль, наше стремление. Только как наше оно для меня и желанно. Сам я восстал из лона женственности, мраком ее порожденный, и ее темное желанье живет и ее определяет во мне. Женственность жаждет самоуясненья и чрез мою мужественность пытается достичь своей цели. Она хочет раскрыть свое многое, и в этом хотеньи, как в тайной грезе девичьей, прекрасна она и непорочна. Она томит меня неудовлетворенностью всеми попытками определить ее; она во мне как жажда всеединства, в котором единство — она, а все — я. И она, страшная Великая Мать, поглощает меня, смеясь над тщетою моих одиноких попыток.

Непорочная Вечная Женственность — единство, не опознавшее себе, но жаждущее самопознанья. Она достигает его рождаемой ею в себе из себя разумною мужеской волей, которая должна раскрыть в ней все многое, но, единая с ней, раскрыть как всеединство. И

в этом раскрытии непорочною девой пребудет Великая Мать богов и людей, истинная жена своего сына, целомудренно в нем целомудрие находя и сохраняя

Тварное всеединство должно раскрыться как все, оставаясь единым Из себя самого должно оно извести образующую силу, рождая сына, который ею ее образует Таков путь Софии, смущаемыи призраками Вавилонской Блудницы и страшной в бессильной ярости своей Кибелы, озаренный сиянием Девы Пречистой, звезды, восставшей над бездною моря. . Но тварное всеединство в себе самом — ничто· оно живет Логосом, Его отраженье и образ. Оно образуемо Им. И Он, по плоти— сын тварности созданной Им, вместе с тем супруг ее Божественный, ее образующий как образ своего Всеединства.

5. Выше всего любовь к высшему, к совершенному человеку — к Иисусу, сыну Марии. Но вершина любви таинственно сопряжена с ее последнею бездной, и в чистоте под'емлется душная «прелесть». В напряженноі любви к Иисусу Сладчайшему мистики, не случайно рожденные в церкви изводящей Духа Святого и от Сына, жаждут л о б з а н и й, млеют в об'ятиях небесного жениха, томясь пламенеют любовью, как девы и жены земные Жгут их слова и пугают, дерзким кощунством скверня нескверимое.

Любовь всегда — избрание, «dilectio» или «agàpe», всегда предполагает любимую и единственную, всегда являет себя в чете. И только тогда священен земной наш союз, если он выражает закон Любви неизменной, осуществленный самим Христом Иисусом. — Невеста Христа и Супруга—София-Церковь, Непорочная Дева.

Но София-Церковь во времени индивидуализована как Мария, ее жених и супруг — как сын ее Иисус. Мария — избранница Иисуса, мать его и невеста Чрез нее и только чрез нее Иисус единосущен всем людям по человечеству своему. С нею Он связан особым, единственным союзом Любви в душевно-плотском двуединстве ..

Но у каждого из нас есть мать, и тем не менее — у каждого есть и невеста. Отчего же невеста Иисуса от матери его не отлична? Отчего Бог ставший человеком и все земное обоживший не стал и мужем жены непорочной? — Христос воплотился в Иисусе для того, чтобы целиком обожить земное в самой его ограниченности и вознести в Богобытие даже эмпирическую личность. Во времени и пространстве свершала она путь свой, смыкая его в совпаденьи жизни и смерти В рождении она, как эмпирическая, возникала; в смерти — как эмпирическая, гибла; в вечности Божьей была единой. Воплощение Христа сделало временно-пространственное бытие из иллюзии реальностью. Выполнив закон тварного бытия, Иисус сделал реальным само временно-пространственное течение жизни и раскрыл его всеединство чрез вознесение в высшую сферу бытия. Он явил созидание-наслажденье и разложенье-страданье как два лика единого бытия; указал путь к нахождению жизни в отдаче ее, смертию смерть попрал. Он утвердил бессмертие, как жизнь смерти в вечности, и нетление индивидуальной плоти — как всеединство ее индивидуального круговорота.

Так обосновано Им и обожено индивидуальное бытие, усовершенное Им и усовершаемое всеми братьями Его и достоверное в меру веры в Него, в Распятого и Воскресшего. Но Иисус не пришел нарушить закон своего

мира. — Он выполнил этот закон до иоты последней, раскрыв его внутренний смысл Он не нарушил ни закона созидания телесности ни закона ее разложенья. Не отрицал Иисус и размножения человеческого рода, которое необходимо для того, чтобы явлена была многовидность всеединого человека; не отрицал и плотского союза, как воссоединения плоти, необходимого во временно-пространственной жизни. Во Христа и во Церковь свершается плотский союз, и этим он уже обожен. Однако. «во Христа и во Церковь», не: «в Иисуса и Марию». Возводя в Богобытие индивидуальность, Христос не возводил в него плотского двуединства. Не потому, что оставлял его в области эмпирии-иллюзии, а потому, что оставил осуществление этой задачи, рассширяющей, но не меняющей дело Его, всем нам. Индивидуально обожаясь чрез веру в Иисуса и любовь к нему, мы должны обожить этою верой и этой любовью и плотское наше единство, воскреснув в Нем — воскресить и весь мир Если бы сам Христос обожил и плотской наш союз — а не оставил это завершенье дела Его нам, Церкви своей — не могли бы мы воскреснуть не только Его благодатью, а и нашею волей и верой. Тогда бы все мы были у ж е совершенными братьями Его.

НОЧЬ ВОСЬМАЯ

1 Ты не веришь мне, и мысли мои, убеждая тебя, не могут тебя убедить. Но кого ж и когда убеждает одна отвлеченная мысль? — Не в исканьях и доводах малого разума правда моих умозрений; не в постижении умном она Для того, чтобы истина стала тебе достоверной, веры достойною сделать должна ты ее. Всеединая Истина есть и жизнь, и бытие, и любовь. Только всем — всею жизнью и всею любовью приемля ее — ты постигнешь ее достоверность, станешь выше сомнений своих. . Учит нас не разум, не ум: нас учит Любовь Всеединая. Будем же слушать мы речи ее!.. Раскрой еще запыленные старые книги: в них ты найдешь слова о Любви и блаженстве познавших Бога Любовью, палимых Любовью к Нему. .

Эти речи любивших согласны с моими. Правда, больше намеками и образами, чем понятиями из'ясняют они природу мистической любви — В Любви к Богу плавится душа и растворяется в Боге, себя теряя: и границы свои, и самосознанье свое. Воля ее вполне, до неразличимости уподобляется воле Божьей. Но все же как то вспоминает она об этом и что-то отличное в ней сохраняется даже при полном слиянии с Любимым. Душа истекает в Любимого, вся в Него переходит; или же — входит она в себя самое, в свою глубину и там его обретает, в пучине своей недоведомой. Так колеблется и волнуясь под'емлется душа моя в буре страстей и же-

ланий. Но чем глубже в нее погружаюсь, тем тише она. И слышу я эту тишину бездонного моего океана, всегда об'емлющую меня; и словно свет или звон из него несется... И приходят на память старые сказания о святом городе, сокрытом в тихой глуби. .

Расплавленная Любовью и слитая с Любовью, обоженная душа как бы становится Богом: она чувствует и хочет, как Бог. Божья воля влечет ее или — Божья воля стала волей ее — она сама влечет Бога На мигтожественный с вечностью, она перестает быть собою, теряет всю тварность свою возвращается в то небытие, из которого воззвал ее Творец; становится ничто во Всеедином Ничто, забывается сном, беззвездной об'ятая ночью.

Для религии и мистики, которые знают лишь Бога единого, невозможно восстание души в Боге из ничто, восстановление личного ее бытия; и для них неизбежен уход в пантеизм. — Ведь это восстание к личному бытию в недрах Божественного Ничто возможно только тогда, если Бесконечное само Себя оконечивает, унижает до границ личного бытия души. И в мистике христианства, знающего совмещение в Боге бесконечности с внутренним Его самоограничением ипостасностью, с самоограничением ипостаси и воплощеньем ее в единичного человека, намечен путь к преодолению пантеизма.

В экстазе самозабвения душа умерла и стала Богом. Но став Им, она живет Божественной жизнью, превышающей различия движения и покоя, жизни и смерти. Будучи Богом и в Боге, она становится Сыном, Божественно рождается в нем; растворившись в потоке Божества, в Сыне выливается в форму Его смирения или уничиженья и в Нем себя, как тварь Его снова нахо-

дит. Она уже не только Божья Жизнь, но Божья жизнь, явленная в ней, как в твари, из ничто изводимой и в себе самой ничто остающейся. Обретя сверхличное бытие в ипостаси Христовой, она обретает во всеединстве Христа личность Христа Иисуса и себя, как Им созидаемое сопутствие Ему. Так в противопоставленности тварному самосознанию Иисуса возникает ее тварное самосознание и становится возможным слияние с Иисусом силою единящей Любви, для
ого чтобы вновь чрез Него возвратиться в Слово
чрез слово и Триединство в Божественный Мрак и тем
ершить круг Любви

Во Христе, в Слове душа сопричастна творческому делу Его. Она с Ним и в Нем создает весь мир: и пространство, и время, и законы мышленья разумного и законы чувственности нашей. Она созидает и все чувственное, как свое, творит себя самое· себя и свое дополненье, в единстве с которым постигает весь мир и сопрягается с двуединством Христа и Софии. Этим Божественным делом несомненно познанье ее и неложна ее любовь. И дерзновенно она говорит: «Все могу в Том, кто укрепляет меня»; и себя со Христом отожествляет: «Уже не я живу, но Христос живет во мне!» Как Христос, должна она в Нем и с Ним изливаться в мир, раз'единяясь, т. е страдая и плотски умирая, спасать — возносить в Божество сотворенное, мукой своей искупая его. — «Для всяческого всяческим стал я, дабы всяческое спасти».

2. «Бог не есть Бог мертвых, но — Бог живых». Христос-Человек реален во многоединстве всех человеков: уже отошедших во времени, и живущих в нем и

еще в него не пришедших И подобен Христу Христос-Иисус, и подобен каждый из нас, в вечности сразу — и дитя и старец, единый в полноте своего временного бытия. Полнота моей телесности только во всем телесном: в единстве всеи моей плотской жизни, от зачатия моего до возвращенья в мировые стихии и в единстве самих стихий Такова она в истинной реальности своей — во всевременной и всепространственной жизни Христовой

Всеединый Христос Но, всеедино будучи всеми нами и каждым из нас, всеедино пребывая во всяком мгновенье, Он приемлет в Себя и нашу раз'единенность, которая без этого приятия существовала бы только для нас Не Он ее созидает· она не Его недостаточность, не Его грех и вина. Но Он ее приемлет, и она и Его страдание, Его мука, делающая действительной нашу страшную грезу, спасающая нас во временно-пространственном нашем бытии

Христос живет в каждом из нас «Им же живем, и движемся, и есмы». Он наслаждается во всем, что наслаждается; но Он и страдает во всем, что страдает И непонятным для нас образом, только мгновеньями для нас ясным, едино в Нем наслаждение с мукой, не отделены страданья невинных детей от наслаждении виновных отцов. И нам, на земле живущим, раз'единенным, полнее явлен Христос страдающий и умирающий Для нас и за нас Он распят на Голгофе

3. Как любить мне Иисуса, если уже люблю я тебя, любимая, если больше тебя никого любить не могу?

В любви к тебе нахожу я полноту личности моей. Без тебя я неполон, без тебя — лишь одна половина, в

недостаточности мысли и воли бессильный найти единство свое. Чрез тебя и с тобой нахожу я мою и твою завершенность, к которой смутно и неполно стремился, пока тебя не узнал, пока жил вдали от тебя.

Смущала меня мысль: как могу я любить других, если люблю тебя Но Любовь сама мне сказала, что других я иначе люблю, что могу я их совершенно любить лишь в единстве с тобой чрез тебя — Неполна любовь, дробимая в обладании многими и в отдаче себя многим. Не могу я всецело об'единиться со многими, если эти многие друг от друга отличны. А они отличны, ибо зачем иначе меня искушает множество их? И если бы каждый из них дополнял меня только в одном каком-нибудь отношении, на чем покоилось бы единство моей любви? — Не на мне же самом: я способен (если только способен) осуществить лишь единство обладания Весь я целиком не нужен каждому из любимых, каждому не могу отдать всего себя· останется связанное только с другим, с третьим, с четвертым. И никто из любимых мною всего меня не получит, ни у кого из них не будет полноты обладания мною; у всякого останется жажда этой полноты, мною не утоленная. Если же так, то никого из них не буду любить я в полноте самоотдания, а, значит, и в полноте обладанья. Любовь единична В ней есть свой порядок. она сопрягает других со мною всецело не во мне одиноком, неполном, но в двуединстве моем, где я полней и богаче, и в высших единствах, стоящих над ним.

Помнишь призывы святых равно всех любить? — Ты слышишь в них отрицание Божьего мира, холодный и черствый отказ от его многовидной и стройной красы. Для них космос не многоединство. Не видят они

лестницы, соединяющей землю и небо, не видят всходящих по ней. Для них непонятен сам Бог Всеединый — «Люби всех равно», говорят, «одинаковой чистой любовью. Но той же любовью люби больше всех ты Христа» — Христа или Христа-Иисуса? Если Иисуса, то чем же Он от всех других отличен? Только ли тем, что Он — Христос и Бог? Но сами же они учат вспоминать Его жизнь земную, думать об Иисусе-младенце, любящим сердцем переживать все Его муки, собирать, все Его слезы. Зовут они любить индивидуального человека, Иисуса, не Христа только — Любовью ли к Нему должен я заменить мою земную любовь? в любви к Нему забыть обо всех, за кого Он пострадал на Голгофе? Что же, Он понапрасну страдал и стал братом любимой моей? Или Он пострадал за тебя одного? И смогу ли я с Ним быть единым, если Он возлюбил всех и каждого, я же буду любить лишь Его? Этому ли Он чил, для этого ли проливал невинную кровь?

Да, я един с Ним Но от индивидуального человека Иисуса отделен я временем и во времени Его никогда не увижу Навсегда изгладились следы Его ног на полях Палестины, навсегда сокрылась пролитая Им кровь в увлажненной ею земле. Он воскрес и явился ученикам. И «горело в них сердце», когда говорил Он, но не сразу они узнавали Его, а когда узнавали — становился невидимым Он. Воскресший был человеком, не «духом без плоти и костей»; но был Он человеком преображенным. Не существовали уже для Него наши пространство и время, и, словно сон чудесный и божественный, проносились мгновенья свидания с Ним. Он являлся и является ныне святым, но в преображенном лике Своем. И в таинственном восхищении может дух наш преодолеть время —

видеть Иисуса рождающимся, страдающим на кресте, слышать Его предсмертные стоны Но никто, действительно присутствуя Ему в земной Его жизни, действительно видя Его слезы и слыша стенания, действительно стоя у подножья креста, не сможет поднять руку, чтобы отвратить наносимый Ему удар, чтобы поддержать Его истомленное тело. Никто не может вмешаться в Его жизнь земную, как не могу я вмешаться в детские игры любимой моей.

Любовь к Иисусу не может быть полною как земная любовь; не может еще потому, что одна лишь была на земле невеста Его, Пречистая Мать Не тою любовью, что любим мы наших избранниц, должны мы любить Иисуса. И в любви к Нему не исполнится наша земная любовь, если только она не отвергнет всей жизни земной, воплощеньем Его освященной Полноту Его в себя приять мы хотим. Но Его полнота в двуединстве Его с Мариею Девой. И только чрез двуединство мое с любимой моей могу я целиком воспринять двуединую личность Его Если же упорствуя «ради Него» я отвергну земную любовь. то, не осуществив моего двуединства, извращу и оскверню я мою любовь и к Нему.

4. Чем-то очень земным проникнуты слова св. Терезы, когда говорит она о «красоте и белизне рук Иисуса Христа», о своем духовном с Ним браке. «Невесты Христовы» «млеют от желанья», «сладостно покоятся» с Ним. Они держат Его младенцем на груди своей, или Он, юноша прекрасный, наклоняется к ним и лобзает их жгучим лобзаньем. «С уст Жениха испивают они млеко и мед», сжимают Его в об'ятьях своих. Перси иных, вопреки закону природы, начинают источать сладкое молоко. .

Опасность отрицания жизни или обожения только ограниченной эмпиричности ее встает в мистической любви к единому Богу, когда неведома триипостасность Его и не верят в Его воплощенье Иная, не меньшая «прелесть» всплывает, когда любовь сосредоточивается на Иисусе Сладчайшем и ради него, человека, стремится преодолеть неотменные законы земного бытия Здесь в то, что должно быть вечным и Божьим, переносится все земное, мыслимое и нужное только на земле понимается как сверхземное, как само Божественное Ярче всего такая эротическая мистика в католичестве, горделиво превозносящем чисто-человеческое в утверждении Filioque, острее она у женщин. Но и слова св Бернарда полны любовной истомой...

Земное отношение к Иисусу перерождает любовь к Нему в мистический блуд, переносимый и на любовь к Богу вообще, оскверняющий и непорочную Деву и Мать Под влиянием иезуитов, руководивших св. Тересой, пышно расцветает эротика мистической любви. Она ясна в «культе Сердца Иисусова»; еще яснее в культе Марии Она несомненна в благочестивых советах хорошенько укрываться ночью, дабы не оскорблять целомудренных взоров Девы Пречистой, — в превознесении белоснежной груди Марии или сладости ее молока «Нет ничего», восклицает поэт-иезуит, «прекраснее персей Девы Марии, ничего слаще ее молока, ничего совершеннее чрева ее[1]. » В жизнь вечную переносится все из жизни земной. — На небесах есть водоемы, в которых не стыдяся друг друга купаются святые. Там устраиваются пиры, маскарады, балеты. «В обители вечного блаженства супруги осыпают друг друга земными ласками, целуются, обнимаются »... Они обладают всеми нашими чувствами

но ходят обыкновенно нагими, наряжаясь только по праздникам, для развлеченья...

Такое понимание любви к Иисусу, такая любовь не что иное, как извращение истинной. И то, что вырастает она на почве крайнего аскетизма, свидетельствует о внутренней болезни аскетической мистики. Конечно, можно сказать, что любовь, захватывая все существо человека, неизбежно эротична. Но подобная эротика претит и религиозности и здоровому чувству жизни. Можно толковать мистическую эротику, как невольное извращение истинной любви ко Христу Иисусу неудовлетворенностью земной, чувственной любви. Но не в этом последнее об'яснение.—Любовь всегда предметна: она не существует без любимого; и есть свой любимый и у чувственной любви. К Иисусу же чувственная любовь невозможна, а потому—ее и быть не должно. Проникновение чувственности в любовь к Иисусу на самом деле не что иное, как сочетание истинной любви к Нему с чувственной любовью мистика к неведомой ему его любимой Мистик отвергает всякую мысль об этой любимой, не хочет и знать о ней, а все-таки любит ее, хотя думает, будто любит одного Иисуса. Он изменяет земной избраннице своей и тем оскверняет совсем иную любовь к Иисусу, которой не может постичь не постигнув своего двуединства с любимой. А возможно такое смешенье потому, что Иисус есть Христос, Человек Всеединый, и всякая индивидуальная любовь только во Христе существует.

5. Сам я полон и совершенен только в двуединстве с любимой моей. И если любит меня Иисус, Он любит меня целостного и полного, любит меня как истинную

двуединую личность, не искалеченную вольным моим грехом И в этой любви Он приемлет меня целиком, ибо в двуединстве моем я не меньше, а больше, чем в одиночестве· оно не единство отвлеченное, а реальное двуединство. И любимая и я только в полноте нашей можем любить Его. Он не соперник мой, Он благословляет союз наш. Но Он и сам двуедин, ибо как иначе Он мог бы любить меня двуединого?

Но тогда я могу любить Иисуса и Деву Марию только так же, как и все другие четы, со мною, с моею единые во многоединстве Христовой Любви? — Нет. Один лишь Иисус ипостасно един со Второй Ипостасью, один лишь Он есть Христос, истинный Бог. Он — брат мой по душе и по плоти, один из нас Но Он — человек совершенный, безвинный, безвременно преодолевший тварность свою. Во всеединстве Адама Он — единственный истинный центр, все другие включающий в Себя, всех превышающий своим совершенством. Он — камень краеугольный, основание мира, начало порядка, венец мироздания. В любви к Нему нахожу я двуединый место свое среди всех людей; чрез любовь к Нему сопрягаю в единство с моею четой все четы и становлюся Христом Всеединым, Церковью, телом Его.

Понятна любовь моя к другим чрез любовь и в любви к единственной моей. Любя ее хочу я, чтобы она так же, как я любила друга моего, как я — с ним радуясь и печалясь. И счастлив я видя ее внимательный взор, на него устремленный, и улыбку, и желание нравиться ему. И слушать готов без конца, когда она о нем говорит — В ней, в речах ее он как-то иначе мне предстоит, иной и все тот-же; яснее образ его, понятней его дорогая мне личность. В ней радует он меня, как прекрасный

в неповторимости своей... А с ним, с ним говорю я о ней. И по иному преломляется облик ее в нем; иными словами, чем я, он ее раскрывает, словно новыми перлами украшает милое лицо... Растет, растет любовь моя в бесконечный мир изливаясь. Новое счастье несет, и новые слышатся звуки в песне прекрасной ее... Светла и нежна любовь моя... И не видишь ли ты, как все духовное в ней яснеет в нашей любви к нему, третьему, в его любви к нам двоим? У него есть своя любимая. Но не связует ли всех нас в одно вечная наша любовь? И, может быть, не поняли бы мы всей красы духовной нашей любви, не люби мы его, не общайся мы с ним. .

В любви открывается нам Красота, открываются Правда и Благо Без них любить мы не можем, без них нас с тобою не будет и нет. Они нужны нам, нужны как воздух, как амвросия — пища бессмертных И хотим мы, чтобы были они в нас двоих и в нем, в друге нашем любимом, в его любимой чете Мы уже знаем его истинное, с Красой, Благом и Правдой единое я. Мы любим в нем возможность неповторимого выражения этого триединства, личность его, осуществляемую им и — разве того не хотим мы? — вместе с ним нами. Осуществляется она, но еще не осуществлена: еще нет в нем полноты Красы, Правды и Блага .. Но можем ли мы не любить Того, в ком все это есть, в ком совершенна человеческая личность, завершившая своеобразие свое в выражении всей полноты триединства? По иному мы любим Его, по иному, чем нашего друга, ибо иная Он личность, иное единство. И в Нем, никогда не слабевшем, в Нем беспорочном, всегда и во всем совершенном, мы узреваем единство Его с Богом самим, то единство, что нас зовет и влечет из юдоли греха и страданий. В Нем узре-

ваем мы то, чем должны быть и будем, хотя по иному. Он — начаток божественности нашей, без Него для нас невозможной. Мы будем богами, преодолев «падение» наше. Но не обожаемся мы, если Христос к нам не нисходит, если Иисус не свершил своего дела земного. Он — брат наш и истинный друг, верный нам путь указавший, учитель и вождь Чрез веру в Него, чрез любовь и в любви к Нему достигаем мы цели Но и достигнув с любовью смиренной и светлой склонимся пред Ним, как спасенные Им, наученные жизнью Его

Наше двуединое я — центр бесконечного мира Из него во все изливается наша любовь, все об'емля в стройном, прекрасном порядке. Солнце она, палящее и плавящее души наши, там, вдали озарившее тьмы последний предел. Но посмотри, сколько на небе светил свершают свой бег вокруг Незримого Солнца, сколько сияющих звезд на невидимой ризе Отца! Все сияет, горит живыми огнями. Все свершает свой путь вокруг Единого Солнца .. Лишь в Любви к Иисусу полна, совершенна вселенская наша Любовь. Он — единственный истинный центр всего сотворенного мира. Он — Недвижное Солнце Любви.

НОЧЬ ДЕВЯТАЯ

1 Правда ли, что Спаситель плоти земной земную плоть отвергает? Истинного ли Иисуса мы любим, когда преклоняемся в Нем пред отрекшимся от мира?. Грустью невыразимой светятся — божественные очи; бледно и строго изможденное постом лицо. Словно чужда Ему земная любовь.. И не Его ли завет выполняют все эти мир отвергшие девы, все эти суровые аскеты, уже здесь на земле погруженные в жизнь иную? В аскетизме ли христианство? отвергло ли оно светлую радость эллина, отвернулось ли от солнечного света, чтобы жить отраженным сияньем луны?

«Смысл человеческой любви вообще есть о п р а в д а н и е и с п а с е н и е и н д и в и д у а л ь н о с т и ч р е з ж е р т в у э г о и з м а», в котором человек «приписывает себе по справедливости безусловное значение», но «несправедливо отказывает» в этом другим... Однако как же признаю я себя безусловным еще других признавая? И любовь моя не хочет ставить границы жертвенности и жертве своей. Совершенно люблю я, когда в с е г о себя отдаю, всю душу мою. Но, всецело себя отдавая любимой, всецело хочу я ею обладать и этим лишь выполняю цель ее любви ко мне. Жертвенность — только одно проявленье Любви, а Любовь — всеединство: ей нет противоположности, божественная, она выше противоречий.

В единстве самоутверждения и самоотдачи — полнота Божьей Любви. Христос уничижил Себя до самой

смерти, но «за это превознес Его Бог», но сам Он «не почел хищением равным быть Богу». У Него возможность и право «отдать свою душу» и «снова ее принять». Такова для Него «заповедь» Божья· в этом совершенство Богоподобия Его. И само рождение Иисуса, само созидание тела Его — уже самоутверждение...

Бог Всеблагий, изливаясь в меня, творимого Им, хочет, чтобы Его я приял, а в Нем и весь мир, чтобы я был «некоторым определенным образом всеединства», каким никто другой, даже сам Иисус стать не может.

Эгоизм не противоположность Любви, а ее недостаточность,—самоутвержденье в отрыве от самоотдачи Эгоизм как бы остановка любви на половине дороги, замедление или остановка движенья ее. Эгоизм — противостоящая самоуничтоженью, смиренью гордыня;— скупость и алчность не отдающего себя и свое;— удержанье в себе по лени своей того, что получил. Эгоизм— услажденье, которое отрицает страданье. Но противостоит он самоотдаче только здесь, только в оторванности своей от единства Любви, его в себя возвращающей чрез разрешенье его в его противоположность.— Он — отсутствие единства, а потому тоска, разложение, смерть И смертью и в смерти он погибает, осуществляя самоотдачу. В самоутвержденьи живет Любовь и оно — бытие, не меньшее, чем самоотдача. Зло его не в том, что стремится оно все об'ять, а в том, что не может всего об'ять и всего не об'емлет, ибо только чрез отдачу себя и смерть возможна полнота самоутвержденья и жизни, как чрез самоутвержденье и жизнь возможна полнота самоотдачи.

Зло, как зло, только недостаток блага и живо оно лишь тем, что в нем подлинно есть и что есть в нем

kak благо То же, что мы называем злом, конкретное зло вовсе не лишенность блага, но — одностороннее или ограниченное благо, часто — страшная стихийная сила. Наше понимание блага и зла не соответствует истине бытия — Все сущее утверждает себя, поглощая иное, причиняя муки и смерть В этом ограниченное благо самоутвержденья. Но все сущее и отдает себя, страдает и гибнет. В этом ограниченное благо самоотдачи. Ограниченность самоутверждения и неполнота его, т е нежелание сущего *и* отдавать себя — зло как недостаток бытия и любви. И самоутверждаясь ограниченно, сущее сам предел, самое цель своего самоутвержденья — самоотдачу и смерть понимает как зло для себя. Но и ограниченность или неполнота самоотдачи тоже зло, тоже недостаток любви Не стремясь в самоотдаче к самоутвержденью, сущее само самоутвержденье, самое жизнь отвергает как зло Мы называем злом самоутвержденье и благом самоотдачу потому, что в первом видим отрицание самоотдачи, а самоотдачу невольно понимаем как путь к истинному и полному самоутвержденью. В самоутвержденьи нет вольного движения вперед. оно — остановка, окостенение, мертвый покой. В самоотдаче, даже когда она недостаточна, заметно стремление утвердить себя. Но самоубийство такое же зло, как убийство другого. Самоотдача в неполноте своей, т. е. вне связи с самоутвержденьем, становится злом. Необузданная аскеза делается убийством своего тела и себя самого; отдача себя Богу— эротическим самоуслажденьем; отрицание всего вместе с собою — равнодушием ко всему и утвержденьем в себе. Из смирения тоже рождается гордыня.

2, Хотим мы того или не хотим, но мы осуществляем закон двуликой Любви· себя отдаем и себя утверждаем. Мы можем не хотеть его выполнять и тогда выполнять его будем как рабы. Мы должны хотеть его осуществленья, сами творить его как сыны, сделать его, закон, нашим нравственным идеалом В покорности воле Творца — наша свобода Дух должен познать, т. е приять любовью и ею осуществить, всеединство, должен постичь всякое наслаждение и всякое страдание как моменты целого; должен преодолеть время вечностью и пространство духовностью. Он должен познать в стремлениях своего тела, что оно не знает нравственного закона, что оно не грешит, ограниченно наслаждаясь и тем себя разрушая, а в разрушенъи себя выполняя закон. и должен осмыслить стремление тела во всеединстве, осуществляя его во всякий временный миг бытия. И если тело стремится к чувственному наслаждению, не зная, как достичь его, и достигая всеми путями, дух должен знать, что это наслаждение истинно и полно только в единстве с ним, с духом, и в единстве со страданьем. Но дух может вольно не раскрывать свою силу, может быть недостаточным. Тогда он не управляет телесностью, не устрояет ее, предоставляя свободу ее безумной стихии, лениво плывя по теченью ее. В этом слабость его, в этом его грех и вина. Дух может утверждаться в себе и отвергать свою телесность, ее не преображая, а убивая. И в этом тоже его недостаточность, его немощь и грех.

Прекрасен и строен созвучный космос, дивное иерархическое единство творенья, пронизанное и венчаемое Духом-Любовью. Но слабость и косность тварного духа не дают еще раскрыться вполне всей первозданной

красе И медленно движется время, и дробится телесность в пространстве; и дух, косный дух и ленивый, терзается мукой своею — сознанием вольной вины. Посмотри, как невыразимо прекрасна жизнь всеединого мира, каким неугасающим многовидным светом сияет лик Адама Кадмона! Могучим усилием ставит он свою множественность, раз'единяясь и распадаясь до предела в своих всечеловеческих страданиях, умирая для того, чтобы восстать во всеединстве. Во всем мире несется огненный вихрь разрушенья, слышен многоголосый клик утверждающей себя твари, невыносимый стон твари погибающей Но мера закона сковывает стремительное движение, определяет орбиты бесчисленных звезд и слагает в единую симфонию клики радости и стенания муки. И рука об руку с неумолимою Смертью несется об'единяющая все Жизнь, нами именуемая Любовью. Любовь в лоне своем содержит все раз'единение и всю раз'единенность, над бездной небытия под'емлет все сущее, все об'единяет, все восстанавливает. Она все из себя изводит и в себя все возвращает. И уже не любовь она противостоящая ненависти, не жизнь враждующая со смертью, не наслажденье отрицающее муку, она—единство всего этого, дух Божий живущий в Адаме.

3. Историческое христианство не выразило всю полноту христианской нравственной идеи. Оно, аскетичное, в противовес язычеству выдвигает безусловную ценность самоотречения, жертвенности безграничной Христианин-аскет отвергает мир, как предмет его обладанья и наслажденья, отвергает всю жизнь земную, себя самого. И все же в отрицании своем он отрицаемое им утверждает Ненависть уже не отказ, а стремление

уничтожитъ ненавидимое, растворитъ его в своей духовности, высшей, чем ограниченно-земная Эта ненависть уже стремление обладать и освоить, только— без самоотдачи, ограниченное, неполное. И мир, и жизнь земная, и «я» отрицаются во имя истинного бытия. Отрицание смерти становится стремлением умереть, стремление умереть — стремлением к жизни вечной Смерть делается дверью жизни; страдание — путем к наслаждению Только все утверждаемое переносится в мир потусторонний — в будущую жизнь, где нет ни печали ни воздыхания. Однако сама будущая жизнь оказывается понятои ограниченно по земному В нее переносится все, что аскет на земле отрицает, из нее исключаются страдания и муки, которые он готов принять и принимает на земле. И неудачным подобием жизни земной начинает казаться небесная жизнь; Христовы страдания и смерть — только временным средством. Человека Иисуса исключают из вечного Божьего бытия, вечность и обоженность мук Его отрицая.

Почему же не должное на земле наслаждение возможно на небе, стыдливо урезанное мыслью аскета, более острое и яркое — в чувстве мистика? Почему не должен здесь я любить, хотя могу упиваться чувственною любовью к Иисусу Сладчайшему? И что за жизнь без страданья, без смерти в этих созданных жгучей мечтой небесах? — Точно Иисус не страдал и не умер! Точно Он не всецело прият Божеством! Или не Он, не Христос и не Логос, сотворил весь мир и меня, и не Он живет в нем и во мне, страдая и наслаждаясь? Самоотреченье. — Но не во всяком самоотречении сила. Если нет в нем утвержденья всего, ограничено оно и неполно, и нет в аскетизме Божественной мощи. Тогда

безжизнен и мертвен он, не сияет, а светит светом отраженным. И как бледные тени бессильно плывут над прекрасной землею отвергшие Божий мир и само Божество.

Историческое христианство противопоставило новый жизненный идеал жизненному идеалу язычества, вскрыв недостаточность наивной веры в возможность полноты жизни и счастья в пределах земли. — Непрочно и неполно наслаждение земное вечно меняется и течет исчезая мир, ни в одном миге его нет полноты жизни и счастье обманчиво Сама античность пришла к горькому сознанию его тщеты, к скорбному отречению от жизни Она постигла, что высшая ценность бытия не в наслаждении, в грубом или изысканном, неосмотрительно - безудержном или мудро - ограниченном. И чем старей, чем мудрее становилась она, тем яснее для нее была необходимость самоотречения во имя этой высшей ценности от всего неосуществимого на земле от земной правды и счастья земного А далекий Восток уже отвергал жизнь во имя безгорестного, но и безрадостного покоя Нирваны .. Христианство указало другие ценности в мире, еще неведомые. Оно открыло вечный смысл страданья и смерти, того, что так страшило людей. Наслажденью оно противопоставило муку, радости — скорбь и смерть — жизни. Это было безумием для эллинов, дикою переоценкой всего. Но безумие победило ..

Однако в борьбе с ограниченностью язычества христианство само стало ограниченным и не смогло раскрыть полноту Христовой Истины. Выдвинув незамеченное, оно стало отвергать ценимое, подобно язычеству понимая и обесценивая жизнь. Оно отказалось от

наслажденья и жизни, от Божьего мира. Но в отреченьи своем оно переносило в мир иной то, чего не хотело принять в этом и от чего в этом язычество отказывалось Христианство верило в Распятого и Умершего, но не могло до конца постичь Воскресшего. Христос обещал алчущим насыщение, кротким — землю, а кроткие и алчущие смиренно мечтали о небе, забыв о земле Он учил молиться. «да будет воля Твоя и на земле»; Его слово толковали так, точно Бог создал землю как место испытаний К преображению жизни звал Христос, к озаренью ее теми лучами Небесного Царства, которые источает познавшее Бога и Его полюбившее сердце. Ученики Христовы отбирали из жизни крупицы, все остальное отвергая как зло. Царем Небесным Христа они называют, забывая о том, что и Царь земной Он, истинный Владыка Им сотворенной и преображенной вселенной

4. Не в ограниченности жизни и наслажденья, но и не в ограниченности смерти и страданья полнота учения Христова Она в единстве их, возносящем над землею, в самой живой вечности, об'емлющей время. Эта вечность уже в нас, как семя, как закваска, пронизывающая мир. Не будет иной такой же жизни и такой же смерти. эта жизнь единственный в неповторимости своей миг вечности. Но без нее нет вечности, она существует. Все сущее — и страдая и наслаждаясь, в напряжении чистого духа и в сладострастии насекомого — живет в вечности; и оно должно постичь это. Преображение мира не в раз'единении и гибели его, не в отборе доброго от злого, но в вознесении в высшее бытие всего, что существует и потому — благо. Все сущее должно быть соединено, всякое мгновение про-

низано Любовью, разрушающей в созидании, созидающей в разрушении. Тогда сомкнется начало с концом, жизнь со смертью; тогда движение, став бесконечно-быстрым, будет совершенным покоем.

Ждет религиозное сознание нового мира, грядущего вслед настоящему. Но этот мир — вечность, в которой весь мир наш, вся полнота времен. Во временном созерцании можно сказать, что новый мир наступит тогда, когда наш завершится. Однако покидая наш мир мы вступаем в новый и не ждем окончанья времени, вечностью их превозмогаем. Как бы в одно мгновенье, т е не разновременно, а временно-всеедино воскресают и изменяются все... Не постепенным нарастанием создается Царство Божие на земле, не в конце оно долгого пути человечества, а — сразу во всей человеческой жизни, во всевременном единстве ее. И как бы ни медлили мы—как бы ни тянулось время, в полноте времен осуществится для нас полнота земного бытия в Боге, для Бога в вечности существующая искони. Мы можем раз'единять и длить, но медлительность и немощь наши, умножая нашу вину, не нарушают закона Любви он все равно осуществляется и осуществится. Так и каждый из нас выполняет все свое в полноте жизни своей. Каждое наслаждение искупается равным ему страданьем, каждое страдание возмещается равным ему наслажденьем. Не твари нарушить закон Творца своего, закон, которым она живет. Она утвердит себя и примет в себя все мирозданье и Бога, хотя бы и отвергала их и себя. Она отдаст себя, возвратится в стихии и станет добычей всего, как бы она ни стремилась себя удержать Любовь царит в мире, и сила Всемогущей неодолима, и воля ее непреклонна.

Может мой дух, ленивый и косный, не стремиться к осуществленью в себе и чрез себя всеединства, не устроять созидаемого им тела, только пассивно соучаствуя в его стихийной, безумной жизни. Он может жить наслажденьями этого тела, боязливо избегая страдании. Но страданья придут, все равно, и тело истлеет, а его мученья и смерть завершат чувственную жизнь моего духа И сам он, не собирая себя и в себе приемлемое им, не об'единяя и не об'единяясь, чрез распадение и рассеяние найдет, наконец свое единство и выполнит свою задачу. Он сознает свою вину в своеи косности, в материальности жизни своей и в сознании этои вины наидет себе искупающую кару Он усовершит недостаточное, неисполненное им в его земном бытии, но усовершит уже в бытии ином, в искупительнои муке сознанья невозможности вернуть минувшее, поступить иначе, чем он уже поступил. Он будет страдать тем, что вопреки попыткам своим утвердить себя, все же себя отдавал и рассеялся, хотя подневольно, как раб, тем, что не преодолевал своеи косности, лениво себя не осуществляя. Будет стыдить его его приниженность, рабство низшему вместо власти над ним, упрямое нежеланье постичь свою цель; будет отвращать омраченность его вместо сиянья. Уже единый с Богом, сознает он свою от Него удаленность, и будет мучить его огонь поядающий Божьеи Любви. В вечности мука его, лишь смутно на земле пред'ощущенная, вечна она—не угаснет огонь и червь не умрет. Но ведь и Христос страдал этой мукой, хотя страдал без вины, и вечно страдает, как Бог предвечный. И непостижимым образом чрез Христа преобразится мука, оставаясь собою. Она — одно вы-

ражение той вины, возможность которой заключена в создании свободной твари. И Бог приемлет осуществленность этой возможности, дабы осуществилась Его бесконечная благость... Для того, чтобы все это постичь до конца, вспомни, что в вечности время.

Может мой дух, напряженный и собранный в единстве своем, на земле отрешаться от жизни телесной. Может он отвергать стремления своего тела, уничтожать его наслаждения, не устроять, а убивать слепую и невинную стихию Он будет искать в теле своем лишь страдание и смерть, страдание и смерть ему причиняя. В стремлении ограниченно-духовном утвердить себя и явить образ всеединства он не достигнет ни полноты самоутверждения, ни полноты самоотдачи, ибо нет полноты всеединства без телесности и вне ее. В вечности он постигнет предчувствуемую им на земле вину своего самоограничения, свой недостаток любви к низшему, которому не захотел отдать себя и которого не захотел принять. Но не совершенное в земном бытии в бытии ином может быть свершено лишь неполно; и вина и кара вечно будут тяготеть на духе, волью ограничившем себя и любовь свою. Тягость самоотречения никогда не спадет, лживость его станет ясной, и громко будут звучать справедливые укоры невинного тела.

Недостаточен и грешен дух, если он на земле — во временно-пространственном бытии не обнаруживает и не раскрывает себя, соединяя свое усилие с усилием плоти и тем преображая ее, если он косно следует за влечениями тела. Это — вина не поправимая ни в нынешнем веке ни в грядущем, вина и вечная кара. Такой дух уже никогда и нигде целиком себя не раскроет, лишь

в чистой духовности своей, на земле не явленной, един он с Богом чрез Христа, и в Христе постигает смысл своей кары. Но недостаточен и грешен дух, если он пытается во времени и пространстве жить только вечною жизнью своей. Он, как дух, достигает бо́льшей силы, большего развития, но не достигает полноты его и не выполняет долга своего на земле. И его вина не поправима, и его томит вечная кара, постигаемая им, хотя по иному, в искупительной муке Христа. В полном раскрытии себя чрез преображение тела во всяком стремлении его истинная цель человеческого духа. Она задача избранных Любовью, но в ней и свободно избравших свой путь. Нет принуждения в царстве Любви: каждый дух выбирает себе образ земного своего бытия. Один, оставаясь совершенным духом в вечности Божией, как человеческий дух лениво подчиняется жизни плотской и материальной, увлекаемый ее теченьем, погрязая в наслаждениях и неизбежности мук. Другой, подобно паралитику или умирающему на заре своей жизни младенцу, приемлет только часть жизни, только начаток ее Третий, дух аскета, избирает жизнь земную, как путь борьбы, отвергает ее и пытается жить жизнью вечной, не постигая, что вечности без времени нет. Все они нужны в мире, все несут свою кару, искупая ею недостаточность свою. Ни один из них не есть человек совершенный

Не внешний закон, одинакий для всех, определяет путь земной жизни. Не внешний закон, данный только мне, определяет мой путь. — Всякий сам ставит свою задачу, этим созидая мир и принимая на себя справедливую кару, если в ее пониманьи ошибся. Ее, задачу свою, осуществляет он в жизни земной, и только сам

он может решить, в чем его долг, как должен он поступить. Я сам ценою падений и тяжких расплат нахожу мой закон, мой нравственный идеал, в вечности постигаемый мною, может быть и верно, а может быть нет. И не готовые правила говорят мне, как поступить, а истинное я мое, погружаясь в которое я постигаю мой идеал, приближаюсь или удаляюсь от Бога, награду приемлю иль муку и их постигаю в Христе. Это труднее, но это и выше, чем склонить свою волю под ярмо примеров и слов. В этом свобода моя, мой творческий труд, моя гордость и сила. В этом смиренье мое перед волей Любви.

5. Не совершенны, как личности, те, кто не преображает мир, себя в нем не проявляя или его не созидая. Они достигают совершенства лишь во всеедином Христе. Один Христос всеединый совершенен как личность, как единый человек Иисус. И в Иисусе явлен нам полный лик двуединой Любви. Связует Иисуса с Непорочною Девой и Матерью Его не только единство духовное, но и телесное, плотское. В них одно непорочное тело, пространственно раз'единившееся: по плоти Иисус тот же человек, что и Мария. Всякий из нас в отдельности своей неполон и душевно и телесно, всякий совершенен телесно только в плотском единстве с любимой своей. Лишь в плотском слиянии с нею тело его целостно и непорочно. Единое, оно двойственно в муже и жене, множественно в единстве неисчислимого потомства. Но как мгновенно на земле единство мужа и жены, вновь отпадающих в прежнюю раз'единенность, так же и реальное единство заключенных в них поколений становится пространственно

и временно раз'единенным, дробясь и распадаясь чтобы вернуться в единство свое через полную гибель. Рожденье — начало от'единенной жизни и смерти; плотское слиянье — мгновенное восстановленье единства, смерть — путь к полному восстановленью его.

Ограниченно тело Пречистой Девы, но непостижимым наитием Духа Святого восполнилось, усовершилось оно, вместив всю полноту телесности человеческой, и стало непорочным Восстановилось в ней утраченное в Адаме и потомках его единство; и она, пребывая совершенною женою — девою, стала и мужем совершенным — сыном своим Иисусом. Как Ева изошла из Адама, так Иисус изошел из Девы Но распадение Адама было саморазделом в стремлении к ограниченной жизни и началом смерти, грехом того, кто от'единился от Бога. Раз'единение Девы было вольным приятием смерти и страданья, началом жизни Без мужа зачала она и родила; не искала себе дополненья, ибо все в ней уже было, разъединяясь не раз'единила себя. И сын ее, совершенный человек, и муж и жена, с нею единый плотски не искал вне ее своего дополненья: оно уже было в ней, в матери-деве. Мы из распада стремимся к восстановлению первозданной целостности нашей, в мгновенном слиянии его достигая. Он от целостности своей изошел в от'единенность, чтобы сделать действительностью от'единенность нашу. Единство — начало Его, Им внутренно не утраченное; оно реально в исходе земной жизни Его. И на земле плотски восстановлять его Ему было ненужно, как нужно это нам, неполным, искони раз'единенным. То, чем для нас является таинство брака, то для Него — непорочное рожденье от Матери-Девы. Она являет в Нем себя, как полноту человека; каждый из

нас являет в себе — неполноту двуединства наших матери и отца. Поэтому отрицание брачного союза не что иное, как отрицание непорочного зачатия и рождения Иисуса, девства Его и Марии. На девстве зиждется брак; целомудрие — общий их смысл и общая цель. И только для того ненужен союз плотский, восстановление двуединства, кто, рожденный совершенным человеком—непорочною девой, с нею един, целостен и совершенен. Для всех, кроме Иисуса и Марии, отказ от плотской любви есть отказ от своего совертенства, гордыня одиночества и хула на освящающего жизнь и дарующего целомудрие Духа-Любовь.

6. Любовь моя—Любовь Христа к Церкви, Иисуса к Марии и, как Христова Любовь, должна она об'единить меня с любимою, а в нас об'единить весь Христом созданный и Им восстановляемый мир. Всему должно отдать себя мое двуединое я и все в себя принять единство жизни и смерти. Не для духовной жизни только на земле я рожден, но и для жизни телесной; и подвиг мой не в борьбе с моей плотью, а в преображении ее. Я должен восстановить в себе первозданное единство всего сущего; а плоть существует, ибо Христос ее создал, Христос воплотился. Неполон телесно я — телесно совершенен лишь один Иисус, единый с Марией, осиянной Любовью самой — и должен телесно восстановить я себя: в самозабвении любви слиться с любимой моей. На земле смогу я быть то единым с нею плотски, то раздельным; в вечность под'явшись едино-раздельным пребуду я с ней. Может быть не удержу я единства: не будет моей брачный союз совершенно-бездетным; и мгновение нашей истинной жизни станет началом

смерти, началом плотского распада в рождении детей. Может быть долго еще будем искать мы единство свое в длинном ряду наших детей и потомков. Не в жизни земной осуществится оно: только в вечности живущий дух, преодолев пространство и время, раскроет «великую тайну во Христа и во Церковь». Но для того, чтобы раскрыл он ее, необходимо мне в пределе земном все земное свершить, чтобы жизнь моя была преображена, должна она быть, на земле раскрыться во всей своей полноте, во всем своем напряжении Любовь творит чудеса, и верим мы в чудо: в возможность вознесения в вечность в миг мгновенный духовно-плотского слияния, верим в возможность смерти жизни, когда достигает жизнь полноты .

Нет и не может быть «духов нечетных», ибо даже Иисус, человек совершенный, полн только в единстве с Марией. И нет, кроме Него и Ее, никого, кто бы мог восстановить телесную свою полноту вне брака и плотского слияния, ибо нет никого, кроме него рожденного непорочною девой и нет непорочной девы второй. У всякого есть своя избранница, своя невеста. Он может не думать о ней, не «знать» ее, отвращаясь от плоти и мира. Но тайная связь его с ней, исконная связь неразрывна. Она живет в душе его и волнует его безумное тело. И не веря зовам духа и плоти он лишь оскверняет любовь свою к Иисусу и Деве, стараясь расторгнуть их нерасторжимый союз. Нет нечетного духа — у всякого своя избранница. Она дополняет и завершает его. Но может ее не искать, не найти он, может не узнать иль отвергнуть, живя сокровенным единством Любви не явленной миру. Может быть, сам он вместе с нею избрал этот путь отречения от жизни

неполный труд на земле Он искупает свой грех вечною мукой Он не достиг совершенства, для Бога Бога отвергший аскет.

7. Долго ждал и искал я тебя, любимая, сам не зная о том, не зная, что по тебе неизбывной тоской томится милое сердце и сжимается судорожно, словно рыдая. Проходила ты близко, но в тебе тебя я не видел. Не вернуть минувшего мне, не свершить не совершенного. И как бы велика ни была наша радость, останется в ней и тоска по чему-то не сделанному, едкая горечь вины и ошибок. Будет светлою эта горечь и тихою наша тоска. Узнаем мы, что и в прошлом уже двуединою жизнью мы жили.. Но ведь могли мы жить и иначе, полнее и ярче. Не проходят бесследно ошибки: за каждую платишь страданьем и горем...

Тернист путь любви, полн ошибок и мук. Но не счастье любовь — она и страданье и радость. Слушай ее необманные речи, звучащие в сердце твоем. Смело иди на страданья, ищи безбоязненно радость. Сам ты находишь свой путь, узнаешь, что должно и нужно. Сердце подскажет тебе, кто твой любимый, что ты должен принять, от чего отказаться. Пусть рыдает оно и стонет в тоске по любимой или в муке тяжелой: знает оно, что говорит нам Любовь. Слушать хочу Ее я тихие речи, внимая биению сердца любимой, чуткого сердца, живущего жизнью Любви. В сумерках тихих слышна мне волшебная песня; правдой чудесной и силою дивной под'емлет в борьбе слабеющий дух. В ясном затишье безмолвно сливаются вещие души, легким дыханьем колеблют листву, сгущают вечерние тени, там, в небесах зажигают блестящие звезды. В недра Природы,

в пучину забвенья медленным шагом, с улыбкою ясной неслышно нисходят они ..

Без Тебя, Любовь, я — ничто. Ты никогда не престанешь, Вечная Зла Ты не мыслишь, Всеединая Благость, в ничто создающая все. Не ищешь Ты своего, всю себя отдавая, не завидуешь Не утверждаешься в себе, самоотверженная, не надмеваешься и не гордишься; ибо как гордиться Ты можешь, если не ищешь своего? И нет гнева в Тебе: на кого и на что Ты гневаться станешь, если всем Ты всю себя отдала? Все ты переносишь, все терпишь, долготерпеливая, все прощаешь, милосердная. От всего отрекаясь, на все Ты надеешься и все получаешь. Всю себя отдавая, свое Ты находишь и себя утверждаешь. Сорадуясь всему сущему, всему истинному, не знаешь Ты гнева, Любовь. Но безмерно могуч и неумолим гнев твой, ибо Ты приносишь блаженство единства чрез муку раз'единенья, созидаешь жизнь через смерть.

Тих и благостен свет твой, прозрачен; благоухает дыханье твое в дыханьи любимой, как это звенящее утро. Темною ночью была Ты во мне и со мной... Вот солнце восходит и светлый, и бодрый приносит мне день. И льется в лучах его жизнь, кипящая силами жизнь. И слышатся звонкие песни сияньем согретой земли. Вот он, день мой, рожденный молчаньем таинственной ночи! Радостный день, как немолчный поток — с безмерною силой гремящий в душе. Эта ли сила не сломит страданий и горя? Ей ли страшна еще дальняя темная ночь?

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стран.

ПРЕДИСЛОВИЕ . . . . . 7 — 11

НОЧЬ ПЕРВАЯ.

В полноте своего раскрытия человеческая любовь является началом развития личности и обнаруживается как триединство Любви и любящих . . . . . 13 — 32

НОЧЬ ВТОРАЯ.

Как в ограниченно-духовной (Зосимовской), так и в ограниченно-сладострастной (Карамазовской) любви, несмотря на недостаточность проявления своего, ясна природа любви, и выясняется разъединение как один из ее моментов . . . . . 33 — 56

НОЧЬ ТРЕТЬЯ.

Рассмотрение стремления к любви, ее зарождения и жизни выясняет в ней двуединство жизни и смерти, а также — не всегда полно проявляющуюся предызбранность — предназначенность любящих (чету), вскрывая в то же время источники ошибок и извращений . . . . 57 — 78

Стран.

НОЧЬ ЧЕТВЕРТАЯ

С необходимостью обнаруживающиеся амории любви устраняются путем понимания ее как всеединой, в частности всевременной, что связано с правильным построением вечности и времени . . . . 79 — 101

НОЧЬ ПЯТАЯ

Любовь — Вечность, совершенное Всеединое, основание и начало всяческого бытия. Как таковое, она вскрывается в христианской мистике, не чуждой, впрочем, некоторых весьма характерных заблуждений . . . . . 103 — 126

НОЧЬ ШЕСТАЯ

Как абсолютная Любовь, Всеединое необходимо должно быть триипостасным единством, обнаруживающимся, как Благость, в творении мира, вочеловечении и воплощении, каковыми актами утверждается полная реальность всего эмпирического бытия . . . . . 127 — 150

НОЧЬ СЕДЬМАЯ.

Любовным причастием к абсолютному Бытию обосновывается бытие личности, единичной, двуединой и всеединой, что приводит к постижению мира как иерархии личностей. Необходимо допустить индивидуализацию всеединых Христа и Софии в Иисусе и Марии, как основание всякого плотского двуединства и эмпирической личности . . . . . 151 — 166

Стран

НОЧЬ ВОСЬМАЯ.

Чета Иисуса-Марии является основанием всякого любовного двуединства, как необходимой формы человеческой любви. Непонимание этого приводит к мистическому эротизму . . . . . 167—180

НОЧЬ ДЕВЯТАЯ.

Отрицающий брак и мир аскетизм не совместим с идеалом Любви и в христианстве является недостаточностью выраженности христианского идеала . . 181—200